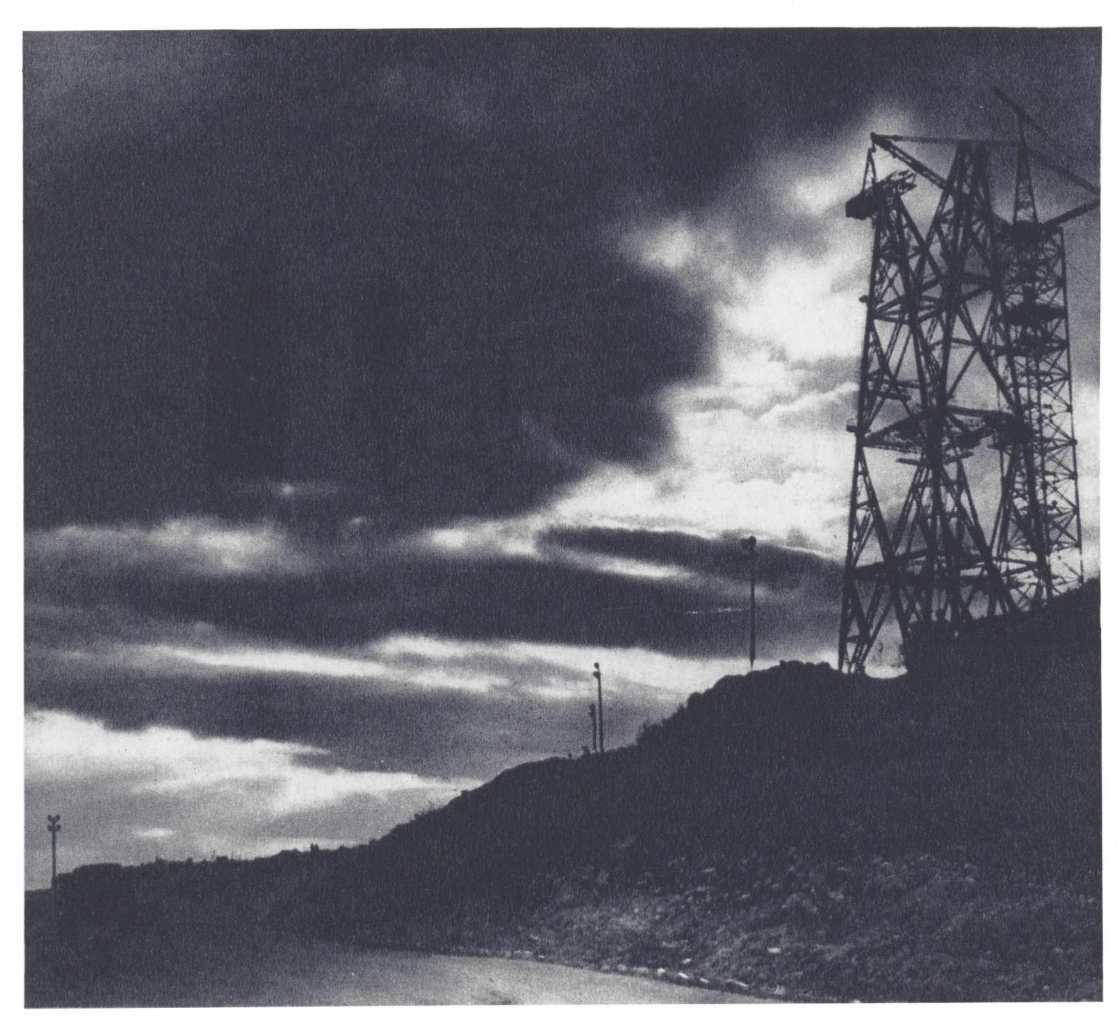

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Харьков
ЦШ 61-99

Через реку пролегла гряда из каменных и бетонных пирамид.

ВОЛГА ПЕРЕКРЫТА!

На великой русской реке свершилось еще одно великое дело: перекрыта Волга в районе Сталинградской ГЭС.

Решающий штурм Волги начался вечером 30 октября, когда стали сбрасывать камень на дно реки, чтобы выровнять ее глубины и создать так называемую опорную призму. 24 тысячи кубометров камня было сброшено за 15 часов вместо 36, предусмотренных проектом.

После того, как опорная призма была создана, началось перекрытие трехсотметрового прорана. И вот 31 октября к 21 часу 40 минутам был окончательно прегражден путь реке.

Отныне основная масса волжской воды идет через бетонные сооружения гидростанции. Волга направлена по новому руслу!

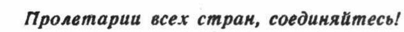
← На берегу Волги уже установлена первая мачта высоковольтной линии электропередачи, идущей на Москву.

Фото А. Гостева.

На первой странице обложки: Памятник советским танкистам — участникам битвы на Курской дуге, установленный недалеко от Белгорода, у автомагистрали Москва — Симферополь.

Фото Ю. Кривоносова.

На последней странице обложки: Птицефабрика колхоза имени Сталина. Шебекинского района, Белгородской области.

№ 47 (1640) 16 НОЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДРУЖБА И БРАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Больше двух недель гостила в Советском Союзе делегация Польской Народной Республики. Всюду, где побывали посланцы дружественной Польши: в Москве, Грузинской, Украинской и Белорусской республиках, в Ленинграде, — советские люди принимали их тепло и радушно. В духе братского взаимопонимания и сердечности проходили встречи между членами делегации ПНР и руководителями КПСС и правительства СССР. 10 ноября в Кремле состоялось подписание Советско-Польского Заявления. На большом митинге дружбы народов Советского Союза и Польской Народной Республики товарищи Н. С. Хрущев и Владислав Гомулка подчеркнули в своих выступлениях большое значение встречи руководителей двух социалистических государств для укрепления мира во всем мире.

Н. С. Хрущев, Владислав Гомулка, К. Е. Ворошилов, Александр Завадский, Юзеф Циранкевич направляются в президиум митинга.

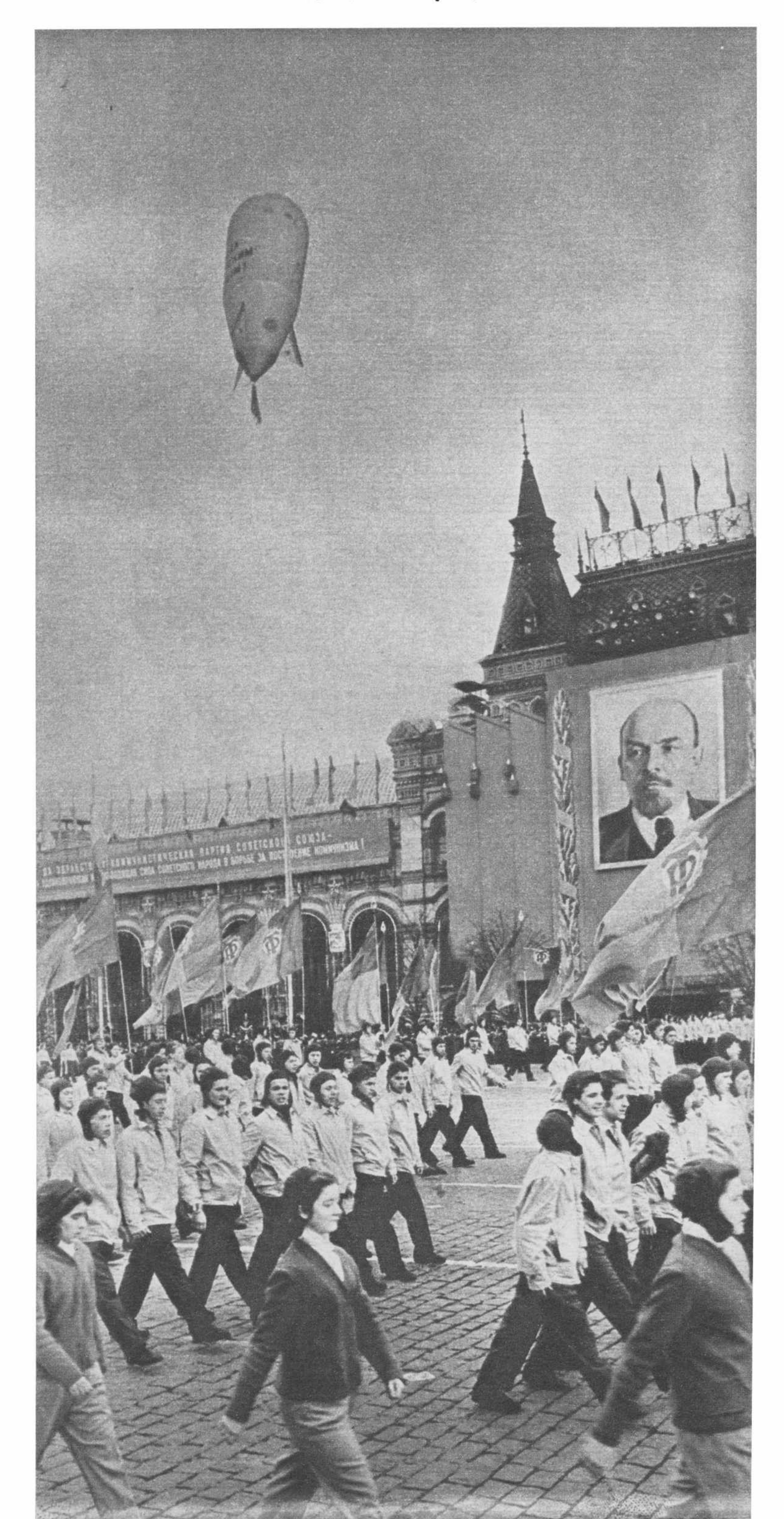
Отъезд из Москвы делегации Польской Народной Республики. Проводы на Белорусском вокзале.

На митинге дружбы народов Советского Союза и Польской Народной Республики во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.
Фото Дм. Бальтерманца.

Москва. В день 41-й годовщины Октября по Красной площади прошли тысячи трудящихся, демонстрируя свое единство с родной Коммунистической партией.

ВСЕНАРОДНЫЕ ТОРЖЕСТВА

Ленинград. Так выглядела Дворцовая площадь 7 ноября.
Фото Б. Уткина.

Праздничной, яркой была колонна физкультурников столицы.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Баку. Во время демонстрации трудящихся. Среди гостей на трибунах находился 150-летний колхозник Махмуд Эйвазов.

Фото Г. Мочейкиса и О. Казиева.

Киев. Жители столицы Украины заполнили широкий Крещатик.

Фото В. Сычева и П. Хоренко

Краснодарский край. Колхозники сельхозартели имени Ленина, Северского района, на празднике.

Фото Е. Шулепова.

ТРУДОВЫЕ ПОДАРКИ РОДИНЕ

Через Москву-реку у Ленинских гор перекинут двухъярусный красавец мост. Более чем на два километра протянулся его верхний ярус; он связал вновь проложенный от Крымской площади Комсомольский проспект с Юго-Западным районом столицы. На нижнем ярусе расположится станция метро. По новому мосту прошли колонны демонстрантов, направлявшиеся на Красную площадь.

Фото Ф. Короткевича.

Судостроители завода «Красное Сормово» передали волжским речникам новый дизель-электроход «Ленин». Это—самое крупное и самое комфортабельное судно в речном флоте. Длина корпуса—121 метр, ширина—16,8 метра, скорость — 26 километров в час. На судне 439 пассажирских мест, имеется кинозал, солярий, телефонная станция.

Фото П. Вышкинда.

«Студенческая» и «Кутузовская» — новые станции Московского метрополитена, к которым в дни Октябрьского праздника впервые подошли поезда. Эта новая, наземная трасса, проложенная от Киевского вокзала, служит продолжением линии «Библиотека имени В. И. Ленина» — «Киевская». В будущем году новая линия метро протянется до Филей.

Фото Ф. Короткевича.

ТРАДИЦИИ НАШЕЙ ШКОЛЫ

В. ЛЫНСКИЙ,
директор Сухаревской средней школы

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Опубликованная в печати записка товарища Н. С. Хрущева «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» горячо обсуждалась советскими людьми. Вопросы, поднятые в этой записке,— в центре внимания партийных и комсомольских организаций, всей нашей общественности.

Редакция печатает ниже заметки о школе, в которой уже накоплен некоторый опыт подготовки подрастающего поколения к жизни, к полезному труду, опыт сочетания физического и духовного развития детей.

На днях ко мне пришел секретарь райкома комсомола Василий Сергеевич Фролов. Как всегда, живой, энергичный, крепко сжимая мою руку, он сказал:

— Сегодня начался пленум райкома комсомола, решили помочь колхозам нашего района в посадке садов. Сейчас заседание прервано, и все разошлись по заданию. Закончим работу пленума, когда активисты смогут доложить о сделанном... Вот я пришел узнать, как в вашей школе...— он поправился: — в нашей,— и улыбнулся.

На школьной кролиководческой ферме. Слева направо: Нина Трофимчук, Наташа Головашкина и Аня Синягина.

Я смотрю на него и на одну секунду вижу перед собой не секретаря райкома, а ученика школы, шустрого паренька Васю Фролова, председателя нашего учкома.

Но это только на секунду. Теперь Василий Сергеевич — помощник и советчик в моих делах. Рассказываю, что сделали наши ученики в колхозных садах, напоминаю, что Фролов обещал выступить у нас в школе: ведь он только что вернулся из Брюсселя.

— Непременно буду. Непременно.— И уже возле самых дверей, прощаясь, говорит мне: — А вы знаете, какую запись прочел я там, в нашем павильоне, в книге отзывов? Как сейчас помню: «Вы все можете. Придумайте для нас такую машину, чтобы нам не учиться и ничего не делать.

Бельгийские школьники».

Он весело рассмеялся. И, вероятно, вспомнил годы, когда учился в нашей Сухаревской школе. Вспомнились эти годы и мне.

Перелистываю большую, толстую тетрадь, исписанную мелким почерком. Много сюда занесено событий за двадцать лет...

...Война. В школах холодно. Окна забиты фанерой. Не хватает парт, скамеек, нет досок. И комсомольцы решают организовать сбор строительных материалов, чтобы помочь школам, пострадавшим от фашистской оккупации. И вот гвозди, стекла, белила собираются, отправляются в другие школы.

— Мы как-нибудь обойдемся, а им труднее,— говорят ребята.

А на приусадебном школьном участке выращивается картофель. Блюдо из этого продукта считается роскошью. Но мы картофель выращиваем не для себя. Он предназначен друзьям — сталинградским школьникам.

Так было в войну, но те же традиции живы у нас и до сих пор: «Главное — помочь другу, как бы трудно тебе ни было...»

...Как-то я шел по школьному коридору и вдруг услышал такой разговор.

— Я точно знаю — у меня там мама работает,— теплично-парниковый комбинат колхоз будет продавать,— говорила одна из учениц.

— Да не может этого быть, ты все путаешь! — возражала ей другая.

— У меня там мама работает,— упрямо повторяла девочка.— Она так и сказала: «Парники не оправдывают себя».

Я давно знал, что парниковое хозяйство чересчур велико и в колхозе не хватает рабочих рук для него, и давно поговаривал с председателем колхоза «Новая жизнь», чтобы теплицы передали нам. Ведь для ребят это хорошая трудовая практика, хорошая школа политехнизации.

Но сейчас мне стало как-то особенно радостно при мысли, что все это волнует и учеников. И вот они сами пришли ко мне по этому поводу.

Первой вошла секретарь комсомольского комитета Тамара Бушмалина. За ней — группа ребят.

— Мы хотим с вами поговорить,— сказала Тамара.

Разговор был долгий, настоящий, деловой разговор о своем, кровном. И вот какое решение вынесло правление колхоза «Новая жизнь» через несколько дней после этой беседы:

«В целях улучшения политехнизации, обучения учащихся и оказания помощи колхозу передать Сухаревской средней школе для полного обслуживания колхозные теплицы — парниковый комбинат».

Так школьники стали хозяевами большого предприятия.

Но в первые же дни они встретились с трудностями. Трубы полопались. Температура в теплицах — 15—18 градусов мороза. Убирая отработанную землю, приходилось откалывать ее ломами. Да и вообще много труда вложили ребята в эти теплицы. Но вот прошло два года — и парниковый комбинат дал более полумиллиона рублей прибыли!

...Сегодня мы прочли в газетах: партия призывает догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока, масла. Комсомольцы решили в тот же день организовать при школе свиноферму. Пришли советоваться со мной. Что, если взять в колхозе поросят, а затем вернуть их колхозу уже большими, откормленными?

— Это — дело, — поддержал я ребят.— Но кому поручить заведование фермой?

Кто-то крикнул:

— Валерию Богомолову!

Валерия не понадобилось уговаривать. Он согласился сразу. В этом маленьком человеке-восьмикласснике открылся большой талант организатора...

В колхозе взяты поросята весом по три — четыре килограмма. Перестроен школьный дровяной сарай. Теперь он стал фермой.

Через четыре месяца ребята сдали колхозу откормленных свиней.

...Я давно сам хотел заговорить об этом, но ребята опередили меня. На комсомольском собрании школьники заявили:

— Если мы взялись обслуживать парниковый комбинат и добились, что он дает доход колхозу, если мы ухаживаем за колхозными полями, если выкармливаем колхозу поросят, кроликов, так нам тоже можно считаться маленькой сельскохозяйственной артелью, филиалом колхоза «Новая жизнь».

Так мы решили организовать школьный колхоз «Дружба». Было выбрано правление во главе с председателем Сашей Балуковым. Когда Саша перешел в 10-й класс, его заменила Валя Городничева, которая заведовала тепличным комбинатом. В колхоз посыпались заявления: «Прошу принять меня...»

Но принимали не всех. Тем, кто работал с ленцой, возвращали заявления. Пусть подождут.

...Осенью прошлого года к нам пришли из лесничества с большой просьбой: одолел шелкопряд, нельзя ли помочь. Я собрал актив и рассказал о бедственном положении в лесах.

И вот вся школа вышла на борьбу с вредителями. Надо сказать, что это — очень кропотливое дело — снимать руками гусениц с деревьев.

Сначала мы получили задание обработать лес на площади в сто гектаров. Затем нам выделили еще участок, примерно такой же. Мы сделали и это. В лесничестве поблагодарили нас.

— Но ведь непарный шелкопряд еще не уничтожили? — спросили ребята.

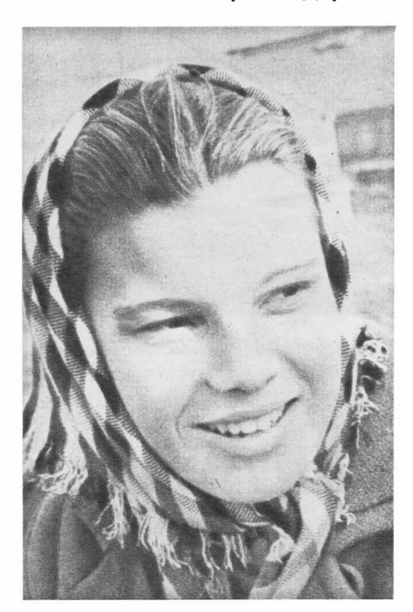
— Да, это верно, но у вас ведь и свои дела в колхозе «Дружба».

Однако, узнав, что в лесничестве все еще не хватает людей, ребята решили продолжать начатую работу. И каждый школьник взял обязательство уничтожить непарного шелкопряда на двух гектарах. Обязательство ребята выполнили. Это был поистине самоотверженный поступок. Ведь в школе учатся юноши и девуш-

ки из дальних поселков. Перед уроками они вышагивают немало километров, чтобы успеть сначала поработать в лесу.

...На заседании учкома возник вопрос: как быть с теми ребятами, которые не уезжают на летние каникулы?

Было решено организовать пришкольный санаторий. Директо-

Валя Городничева — председатель школьного колхоза.

ром назначили девятиклассницу, веселую краснощекую хохотушку Нину Трофимчук. Приступив к своим обязанностям, она сразу спросила меня:

— Владимир Иванович, а откуда мы возьмем деньги на питание?

— А наш пришкольный сад? — напомнил я.— А десять тысяч рублей, которые мы получили после продажи клубники и яблок? Все эти деньги можно взять на устройство санатория.

И вот несколько классов приняли необычный вид: чистые койки, занавески... Это комнаты для отдыхающих.

Безусловно, Нине было трудно справиться со своими обязанностями. Ведь надо позаботиться о питании, придумать на каждый день новые игры, развлечения. Катя Дурова стала ее заместителем, а Ира Драчева — главным санитаром санатория. Все школьники остались очень довольны отдыхом.

...Передо мной лежит фотография: наши ученики на кукурузном поле. Кукуруза чуть ли не в полтора раза выше их. Этот снимок сделан за несколько дней до начала уборки...

Мы получили 425 центнеров с гектара. Как будто не маленький урожай! Но если рассказать, сколько сил мы вложили в эти пять гектаров земли, сколько труда стоил нам этот участок, то можно быть и недовольным такими результатами.

Земля, которую нам выделили под кукурузу, была очень запущена. Несколько лет на ней растили клевер. А, как известно, клевер — плохой предшественник для кукурузы. Мне хорошо запомнилась такая картина: идет трактор, а за ним — ребята, разбивая глыбы лопатами.

Наконец кукуруза была посажена. Появились всходы. Каково же было наше огорчение, когда кукуруза начала желтеть! Немедленно были приняты меры. Мы позвонили во Всесоюзный институт кормов, нам прислали специалиста. Оказалось, кукуруза заражена проволочником. Надо было поливать ее гексахлораном. В тот же день ребята запрягли лошадь и начали развозить жидкость по всему полю.

Работа была труднейшая. Поливали каждый куст. Семь раз пропалывали и пять раз прорывали это поле.

Мы много сил, времени отдали кукурузе. Это была хорошая практика для нас. Ребята прочли столько литературы по этой культуре, что почувствовали себя настоящими специалистами.

Выращивая кукурузу, мы столкнулись еще с одним бедствием — с грачами. Никакие пугала не могли спасти поле. Тогда школьники установили дежурство по его охране.

Мы сняли урожай кукурузы, сдали колхозу, помогли засилосовать ее.

...Мне очень часто задают один и тот же вопрос: что получают ученики за свою помощь колхозу, как рассчитывается с ними колхоз?

— Ничего не получают,— отвечаю я.— Но зато какую великолепную базу имеем мы для политехнического обучения!

Со мной не соглашаются:

— Раз ребята работают, приносят пользу колхозу, то им должны платить.

А мое мнение вот каково: то, что школьники делают для колхоза,— это всего лишь практика, которую должен пройти каждый наш ученик. Но вместе с тем это настоящая работа «на совесть», а не игра в труд. Ребята чувствуют ответственность за большое порученное им дело. Только поэтому мы и взялись обслуживать теплично-парниковый комбинат, создали свою свиноферму, вырастили колхозу кукурузу.

Так почему же мы должны брать плату с колхоза, если эта практика нужна в первую очередь самим учащимся? Ведь правление колхоза часто выдает ребятам премии, помогает нам обеспечить бесплатным питанием остро нуждающихся.

У нас и школу обслуживают сами ребята. Они предложили отказаться от услуг уборщиц, плотников, маляров, взять хозяйственные дела в свои руки.

В этом году школа была готова к новому учебному году на второй день после ухода ребят на каникулы. Они так сохранили помещения, что не потребовалось почти никакого ремонта. Это составило экономию в 25 тысяч рублей.

Быть может, меня упрекнут, что школьники перегружены, что им остается мало времени для учебы. Это неверно. У нас почти все ребята хорошо учатся. То, что они делают для колхоза, для школы, это вовсе не нагрузка для них. Это — родное, кровное дело каждого ученика.

Такая у нас традиция.

Московская область,
Красно-Полянский район.

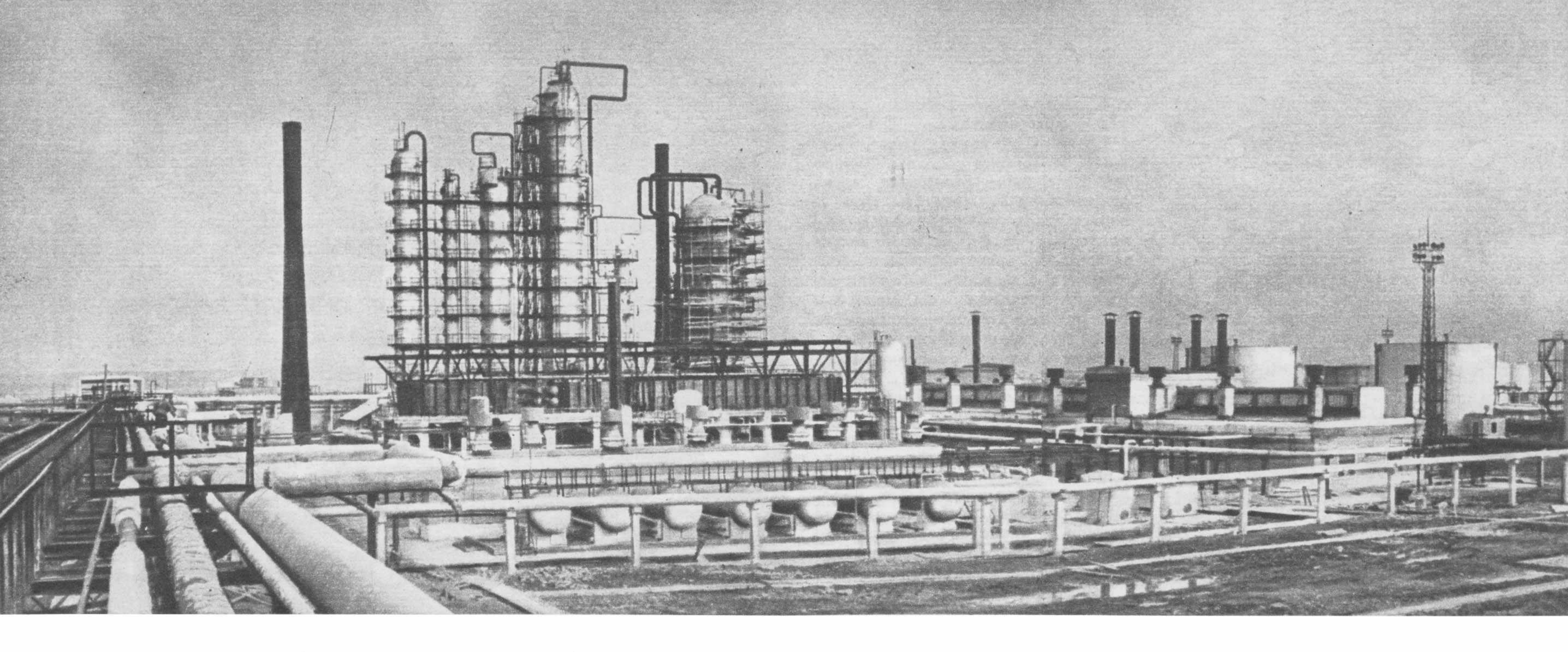

Лида Соколова и Таня Сдобнова окапывают клубнику.

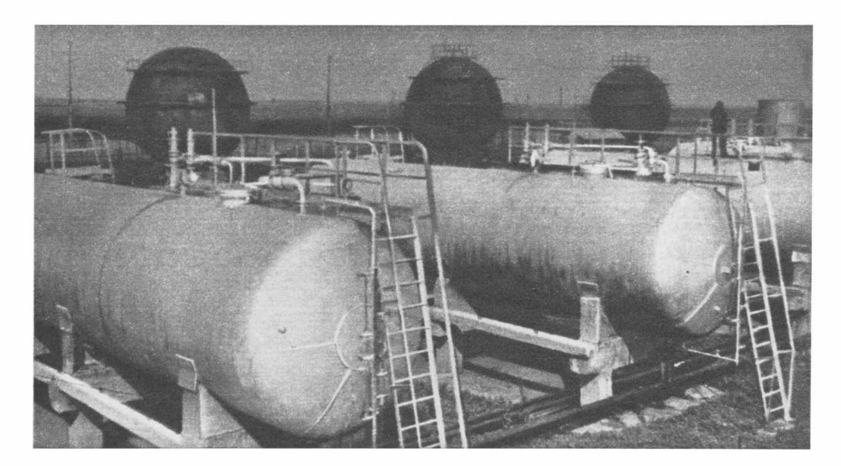
Валерий Богомолов — заведующий свиноводческой фермой.

В школьной столярной мастерской: Валя Фатун и Алексей Брязин.

В Перми вошла в строй первая очередь нефтеперерабатывающего завода. Промышленным сырьем служит нефть, поступающая по трубопроводу из Татарии, Башкирии, с промыслов Пермской области.

Фото Б. Визуля.

На строительстве второй очереди Туймазинского газо-бензинового завода в Башкирской АССР.

Фото В. Хухлаева.

Бакинский завод имени Октябрьской революции делает для нефтяников Каспия стальные площадки, на которых располагаются вышки со всем своим хозяйством. На снимке: окраска одного из блоков.

Фото В. Джейранова.

БОЛЬШАЯ НЕФТЬ РОДИНЫ

А. КРЫЛОВ,
директор Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного института, член-корреспондент Академии наук СССР

В ближайшие семь лет предусматривается резкое увеличение добычи и переработки нефти.
Корреспондент «Огонька» попросил директора Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного института Госплана СССР, члена-корреспондента Академии наук СССР Александра Петровича Крылова рассказать о настоящем и будущем нефтяной промышленности.

— Какими успехами нефтяники встречают XXI съезд партии?

— Недавно ЦСУ опубликовало данные об итогах выполнения государственного плана промышленностью страны в третьем квартале 1958 года. За девять месяцев добыто больше 83 миллионов тонн «черного золота» — столько же, сколько за весь 1956 год. Характерная цифра! Она красноречиво говорит о большом скачке, совершенном за короткое время, прошедшее после XX съезда партии.

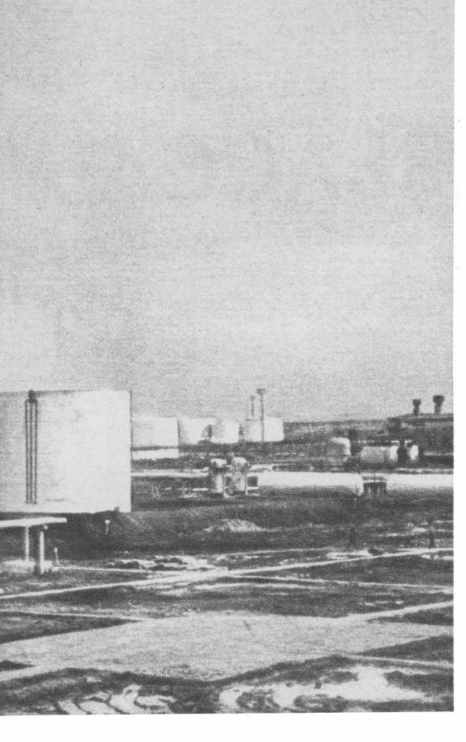
Замечательную трудовую победу одержали в эти дни буровики Татарии: с начала года в республике пройдено более миллиона метров скважин. Эта победа — свидетельство высокого мастерства наших проходчиков, пример огромного размаха бурения, определяющего завтрашний день добычи.

— Изменится ли география нефтедобычи в предстоящем семилетии?

— Основным поставщиком жидкого топлива в 1959—1965 годах будут, как и сегодня, районы так называемого «Второго Баку». Между прочим, название это теперь безнадежно устарело. Посмотрите на карту. Суточная добыча нефти в Татарии превышает добычу топлива в Бакинском нефтяном районе. Башкирская АССР — это еще одно «Баку». Бурно развиваются и другие нефтяные районы между Волгой и Уралом—Саратовский, Куйбышевский, Сталинградский. Найдена нефть под Астраханью, в Молдавии и в Ставрополье. Украинское село Диканьку на Полтавщине до сего времени мы знали главным образом благодаря Гоголю. Ныне в тех краях обнаружены богатые месторождения «черного золота». Все говорит за то, что новая, нефтяная слава Диканьки будет расти.

Геологи надеются, что вслед за фонтанами газа, ударившими в Якутской АССР, Тюменской области, там будут обнаружены мощные залежи жидкого топлива. С этой целью поисковые работы на нефть в Сибири в предстоящем семилетии расширяются в несколько раз.

Изменится в ближайшие годы и география нефтепереработки. До последнего времени предприятия по переработке нефтяного сырья строились в основном в местах его добычи — Баку, Грозном, Башкирии. Строительство новых заводов будет осуществляться впредь главным образом в местах потребления нефтепродуктов. Недавно вступила в строй первая очередь

Ново-Горьковского нефтеперерабатывающего завода, развернулось строительство новых предприятий в Сибири, Белоруссии, на Украине и в других районах страны. Они будут получать сырье для переработки по магистральным трубопроводам из Башкирии, Татарии, Куйбышева.

— Над какими проблемами новейшей техники и технологии работают ученые института?

— Известно, что пластовое давление, обеспечивающее приток нефти к забоям скважин, по мере эксплуатации месторождения падает, в результате приток уменьшается и значительная часть запасов горючего остается в пластах. Добыча идет медленнее и обходится дороже. Советские ученые разработали метод искусственного воздействия на пласт — законтурное заводнение. Вокруг месторождения, за его «контуром», бурится сеть скважин, через которые в пласт закачивается вода. Она давит на нефть и теснит ее к эксплуатационным скважинам.

При обычном способе добычи извлекается не больше половины запасов месторождения. Другая половина остается недоступной для человека. Законтурное заводнение позволяет использовать запасы нефти на две трети, ускоряя и удешевляя добычу.

Когда в Татарии, на Ромашкинской площади, забили мощные фонтаны, сразу стал вопрос: как сохранить их напор на длительное время? Новое месторождение оказалось таким крупным, что обычное окружение его кольцом водяных скважин не помогло бы. Тогда наши ученые выдвинули смелый проект — рассечь Ромашкинское месторождение на части нагнетательными скважинами.

Закачивать воду прямо в «живую» нефть? Многим это предложение показалось диким. Нефть ведь и без того приходится обезвоживать. И все-таки проект внутриконтурного заводнения был принят. Ромашкинская нефть успешно добывается с помощью своего заклятого врага — воды.

Нынешним летом на Бавлинском месторождении был проведен еще один крупный промышленный эксперимент. Ученые высказали предположение, что при давлении, которое было достигнуто в результате нагнетания воды, можно сократить число действующих здесь скважин вдвое, не снижая при этом уровня добычи. В институте на электрической модели месторождения была произведена предварительная проверка операции, после чего на месте было остановлено 80 скважин. Опыт подтвердил предположения ученых: после остановки половины действующих скважин остальные увеличили полученный дебит почти вдвое.

Серьезное внимание в предстоящем семилетии будет уделено комплексной автоматизации добычи, транспортировки и переработки нефти. Хороший пример в этой области подал коллектив такого незаметного в общем топливном балансе страны района, как «Андижаннефть». Здесь, на промысле Аламышик, разработана система автоматического контроля за работой скважин, осуществляемого с диспетчерского пункта. Малейшая неисправность на скважине — и к диспетчеру поступает сигнал. Это позволяет быстрее и меньшим числом людей устранять неполадки, сокращать простои. В настоящее время в институте разрабатываются комплексные системы автоматизации для крупных промыслов Азербайджана, Татарии и недавно открытого перспективного месторождения на севере Башкирии — Арланского. Широкое применение в ближайшие годы найдет новая техника: электропогружные, винтовые и гидропоршневые насосы для добычи нефти, электробуры, получившие на Брюссельской выставке почетный диплом.

— Каковы перспективы использования нефти и попутных газов?

— Партия предусматривает увеличить за семилетку добычу нефти примерно в 2,5 раза и довести добычу попутного газа до 15 миллиардов кубометров в год. Соответственно увеличится и переработка «черного золота». Особую ценность для стремительно развивающейся промышленности органического синтеза представляют нефтяные газы. Вместе с каждой тонной нефти из недр добывается в среднем 50 кубометров газов. Н. С. Хрущев справедливо отмечал, что газы, добываемые попутно с нефтью, являются наилучшим сырьем для химической промышленности. Они обходятся почти даром и легко подвергаются сложным превращениям. В 1965 году намечается использовать для выпуска химических продуктов — синтетического каучука, искусственных волокон, пластмасс, жирных кислот и спиртов — свыше двух с половиной миллионов тонн жидких углеводородов из попутных газов.

Законтурное заводнение, при всех его преимуществах, все же не обеспечивает полного извлечения запасов нефти из пласта, так как вода — чужеродная для нефти жидкость. Но поддерживать пластовое давление можно и нагнетанием в пласт газа. Газ заменит в таком случае воду, он как бы «омоет» месторождение и при высоких давлениях в пласте увеличит отдачу запасов нефти и вернется на поверхность обогащенным ценными фракциями. Помимо того, решится проблема утилизации попутного газа, сжигаемого пока в факелах.

Таковы некоторые перспективы и проблемы развития нефтяной промышленности. XXI съезд партии, которого с таким нетерпением ждет весь наш народ, наметит пути их осуществления, даст развернутую программу действия советским нефтяникам.

В краю алмазов

Г. ЛЕЗГИНЦЕВ,
директор института «Цветметпроект»

Мы летим в Якутию, в поселок Мирный, где добывают алмазы.

...Под крылом самолета якутская тайга. Приземляемся на Мухтуинском аэродроме.

Малоизвестный раньше поселок Мухтуя на берегу красавицы Лены стал как бы воротами в алмазный край. Скоро Мухтуинский речной порт будет принимать сотни тысяч тонн самых различных грузов. Отсюда пойдет автодорога к руднику Мирный. Светлые корпуса огромных складов, стрелы портальных кранов, красивые коттеджи в сосновом бору — вот что создает колорит новой Мухтуи.

Летим дальше на север. Заметно меняется пейзаж: таежная чащоба редеет, переходит в чахлые рощицы.

На горизонте показался Мирный. Строгие линии кварталов вдоль и поперек прочерчены желтыми дорогами. Пылят автомашины, кажущиеся с высоты совсем игрушечными. И рядом с ними огромными выглядят строящиеся промышленные здания. Тут и там дымят высокие трубы. Глядишь — и не верится, что первые строители пришли сюда всего полтора года назад!

В первую очередь здесь строится горнообогатительное предприятие для переработки россыпй алмазоносной трубки «Мир». Оно должно быть закончено уже в этом году. Одновременно сооружаются объекты второй очереди — огромный горнообогатительный комбинат по добыче и обработке кимберлитовых руд.

Ведется также подготовка к пуску мощных алмазодобывающих драг, которые будут разрабатывать русловые россыпи.

Вместе с управляющим трестом «Якуталмаз» Виктором Илларионовичем Тихоновым обходим объекты первой очереди рудника. У строителей — предпусковая страда. Гидротехники закончили отсыпку плотины. Идет накопление воды в огромном водохранилище. Стальная нитка водопровода уже протянулась к многоэтажному зданию обогатительной фабрики, на которой смонтировано все технологическое оборудование. Металлический каркас фабрики еще не имеет стен, но это не смущает обогатителей. Они опробовают агрегат за агрегатом. Так же поступают и энергетики: здание электростанции отстроено не полностью, а дизели уже работают, дают энергию.

На трубке «Мир» экскаваторы и бульдозеры грузят в самосвалы алмазоносные пески, их обрабатывают на действующих временных обогатительных фабриках. Сегодня Мирный не только интенсивно строится, здесь уже добывают для страны алмазы.

— Условия строительства тут куда сложнее уральских,— рассказывает начальник рудника Анатолий Анатольевич Петров.— С одной только вечной мерзлотой сколько хлопот!.. Ведь никогда прежде на зыбких грунтах Крайнего Севера не возводились такие массивные, сложные здания, как у нас.

Нам показали жилой поселок горняков и обогатителей Мирного — десятки теплых, добротных домов, которым не страшны якутские морозы и вьюги. И мы с уважением подумали о недавних первых поселенцах, жителях палаток.

— В феврале прошлого года мы начинали с палаток,— рассказал Виктор Илларионович Тихонов,— а скоро последний житель палатки переедет в теплый дом. Поселок и предприятия можно было бы строить еще быстрее, но не хватает леса. Мы хотим полностью заменить его камнем. Да вот беда, геологи тянут с разведкой местных стройматериалов. Придется им поднажать! Объекты второй очереди рудника-гиганта должны быть возведены в срок, из сборного железобетона, крупнопористого бетона, пеносиликата и фибролита. Словом, сделаем все, как на передовых стройках страны.

Как известно, XX съезд КПСС наметил провести в шестом пятилетии подготовительные работы по созданию алмазодобывающей промышленности в Якутской АССР. Решение съезда выполнено досрочно — первая очередь рудника Мирный вступила в строй в 1958 году.

Строители решают теперь уже более сложную задачу: досрочно ввести в эксплуатацию рудник на полную мощность, выполнить семилетку по добыче алмазов за пять лет. Тем самым будут удовлетворены все потребности нашего народного хозяйства в алмазах, откроются широкие возможности для экспорта этого драгоценного минерала в зарубежные страны.

Разведчик якутских недр Федор Иннокентьевич Купченко 18 лет работает в тайге.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ КУЗБАССА

А. ОЗЕРОВ, Ф. КОРОТКЕВИЧ

С высокого берега Томи открывается величественная панорама строительства Томь-Усинской ГРЭС. В центре площадки, окруженный могучими кранами, высится главный корпус станции. Даже издали он кажется огромным. Рядом разместилось здание щита управления. Левее, на краю затопленного котлована, стоит насосная станция.

А ведь совсем недавно на этом месте, где развернулось строительство мощной тепловой ГРЭС, были непроходимые болота, заросшие диким кустарником.

Зимой 1953 года на смену изыскателям прибыли строители. У горы Подобаски недалеко от дороги поставил брезентовую палатку инженер Виктор Лазаревич Феоклистов. Человек атлетического сложения, смуглый от «сибирского загара» — непрестанных морозов и ветров, он в шутку называл себя кочевником. Так уж складывалась жизнь: пожил на своем веку Виктор Лазаревич и на Урале, и в Казахстане, и в Восточной Сибири, и в Магадане — всюду, где высятся теперь трубы над корпусами, тянутся высоковольтные передачи и ток бежит по проводам к заводам, шахтам, поселкам.

На палатке у дороги появилась фанерная вывеска: «Управление строительства ГРЭС». Внутри под брезентом в железной бочке жарко пылал уголь, по углам серебрилась мохнатая изморозь. Вместе с начальником строительства Федором Ефимовичем Зюбиным входили сюда водители самосвалов и бульдозеров, машинисты экскаваторов и кранов — первые бойцы большой, день ото дня растущей трудовой армии.

Феоклистов стал начальником всей землеройной техники на стройке Томь-Усинской ГРЭС.

В один из светлых осенних дней мы стояли с ним на самом берегу Томи — смотрели на реку, сверкающую бликами света, на влажные галечные берега. Вокруг рокотали моторы. Экскаваторы углубляли старицу, старое русло реки; по нему воды Томи должны пойти к главному корпусу станции—охлаждать турбины.

— Почти вся река двинется по новому каналу,— рассказывал Виктор Лазаревич.— В старом русле останется ручеек. Потом, когда река отдаст свою прохладу турбинам — остудит отработанный пар,— она выйдет по сбросному каналу в старое русло и дальше потечет уже теплой. Вот будет раздолье для колхозов в нижнем течении, сколько теплиц можно будет обогреть!..

...Ковши землероев с размаху падали в воду, черпая гравий со дна канала (его глубина у насосной станции на 7 метров ниже речного дна). Натужно выли самосвалы, поднимаясь из старицы по крутому въезду. Они везли гравий на площадку к бетонному заводу.

Ажурный стальной каркас главного корпуса электростанции высотой в 50 метров одевался бетонными плитами.

Под самую кровлю его встанут котлы. Их столько, что в длину корпус вытянется почти на километр. Каждые сутки станция будет сжигать многие тысячи тонн угля, добываемого на соседних разрезах в Мысках.

Кстати, об угле. Запасы Кузбасса определяются в 900 миллиардов тонн, из которых за все время добычи взято самое большее 2 миллиарда. Если тут добывать каждый год даже по миллиарду тонн угля, а не по 100 миллионов, к чему стремятся горняки бассейна, и тогда запасов хватит на века. Энергия тепловых станций дешева, выгодна для государства.

...Прошел год. Строители Томь-Усинской ГРЭС готовились к пуску первой стотысячной турбины. Теперь многое выглядело здесь иначе. В пойме Томи уже стоял белокаменный город.

Так же, как год назад, встретились мы с В. Л. Феоклистовым в прохладный осенний день, но теперь уже на берегу большого канала с ровными откосами берегов. Ветерок гнал по каналу волну, и казалось, что вот-вот вдали покажется катер.

Виктор Лазаревич рассказывал о событиях, что прошли большой чередой за минувший год.

Готовы все каналы. Неслыханный паводок, какие случаются раз в сто лет, испытал их стойкость.

В начале 1958 года, когда полным ходом шла сборка турбины и котлов первого блока, когда заканчивался монтаж насосной № 1, на строителей надвинулась беда.

Обычно неторопливая в Шории весна в этом году совсем запоздала. В горах еще лежал снег, когда вдруг хлынули дожди. Строители заранее соорудили двухкилометровую земляную дамбу, которая должна была защитить ГРЭС от большой воды. Никто не мог предположить, что воды Томи поднимутся в этом году так высоко. Но именно это и произошло. Второго июня река прорвала плотину.

Строители преградили путь воде, но вскоре обнаружили новый прорыв. Река, обогнув дамбу с северо-востока, повела наступление на дорогу, соединяющую поселок с площадкой. Это было самым страшным: строители могли оказаться отрезанными от своей стройки. Прекратился бы подвоз материалов, надолго замерли бы работы на всех объектах.

Все силы были брошены на укрепление дороги. 300 человек, 11 бульдозеров и 4 экскаватора работали двенадцать суток днем и ночью. И стройка была спасена.

...Громадный главный корпус ГРЭС, облицованный белыми бетонными плитами, наполнен гулом моторов лебедок, кранов, вспышками электросварки. Среди толстых изогнутых труб, у турбин, у котлов напряженно трудится огромный коллектив.

И тут встречи со старыми знакомыми. Бригадир монтажников Михаил Иванович Нюкалов, появившись вдруг среди труб, молча протягивает руку. Светлые зоркие глаза его все замечают. Он руководит монтажом котла.

— Вот видите, дело к пуску идет,— говорит Нюкалов.— Фронт у меня теперь сужен. Вот пустим, раскочегарим первый котел, и остальные поднимутся дружно, один за одним.

На участке второго котла повстречался нам Александр Павлович Огурцов, который год назад монтировал на стройке краны. После взаимных кратких приветствий он спросил: «Красиво, а?» И начал восторженно рассказывать о дымососах, циклонах, сепараторах, скрубберах.

Огромным человеческим муравейником выглядит вся стройка в эти дни. Тысяча комсомольцев приехала сюда из разных городов страны. Вместе со строителями, монтажниками и представителями заводов-поставщиков на рабочих местах уже стоят эксплуатационники и придирчиво проверяют все. Каждый вечер пусковая комиссия подводит итоги дня, вспоминая, что упущено, что не успели еще сделать.

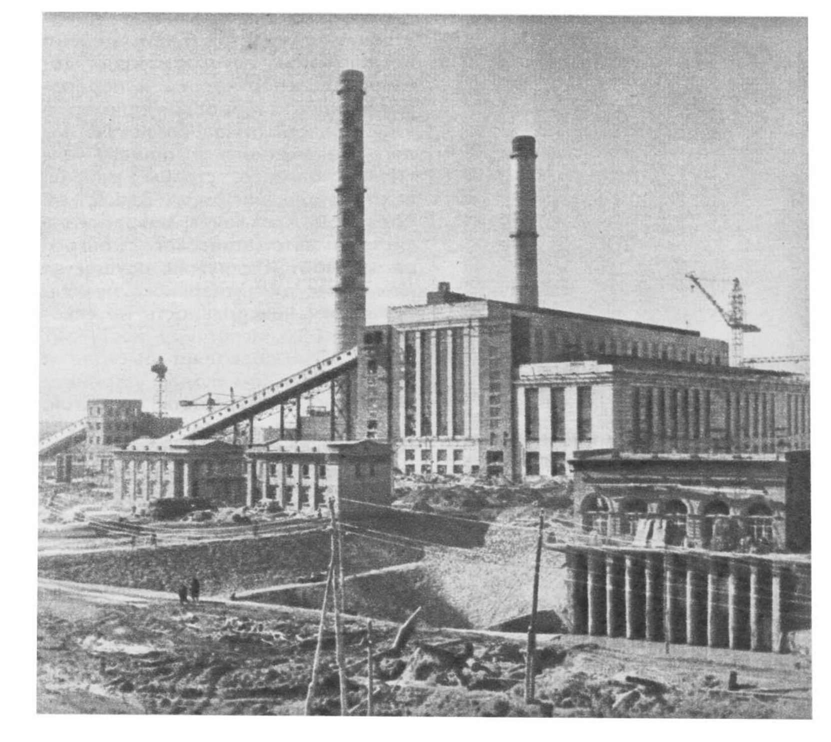
Вот как характеризует новую тепловую электростанцию ее директор Федор Николаевич Иванов:

— Томь-Усинская ГРЭС — крупнейшая в стране тепловая станция. Благодаря автоматизации количество обслуживающего персонала на каждую тысячу киловатт будет в два раза меньше, чем на самых совершенных по оборудованию электростанциях в стране. Значительно меньшим будет и расход топлива на каждый киловатт-час — всего 330 граммов. Томь-Усинская ГРЭС впервые в СССР сооружена по блочной системе: каждая турбина с котлами не зависима от других агрегатов. Сейчас мы пускаем стотысячную турбину, потом будем монтировать двухсоттысячную турбину, а закончим трехсоттысячной.

В канун 41-й годовщины Октября строители крупнейшей в стране тепловой электростанции — Томь-Усинской ГРЭС—сдали в эксплуатацию первый турбоагрегат мощностью в 100 тысяч киловатт. Предприятия Кузбасса получили ток от нового гиганта теплоэнергетики.

Так шагает вперед энергетика Кузбасса.

Кузбасс — Сталинск.

Строительство Томь-Усинской ГРЭС.

Подъем экрана в котельном цехе.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады арматурщиков Николай Кучеренко.

Н. Д. Герман. СМЕНА. Цветная линогравюра.

Работы московских графиков

А. Н. Морозов. НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ. Цветная автолитография.

«Огонек».

О. Г. Верейский. ГОРОД ТАМПЕРЕ. Финляндия. Цветная автолитография.

П. И. Кузьмичев. В ШКОЛУ. Цветная литография.

В ПОИСКАХ ГЕРОЕВ

В этом единственном в своем роде музее можно наглядно познакомиться с историей зарождения и развития отечественной артиллерии — с древнейших самострелов, швырявших каменные ядра на двести шагов, до современных реактивных пушек, вызывавших смертельный страх у фашистов.

Здесь можно узнать много волнующих историй. Сколько упорства, настойчивости проявили скромные труженики музея, чтобы донести до наших дней правду о подвигах советских патриотов!

В годы войны многие слышали о братьях-добровольцах Шумовых, защищавших Ленинград. Их было шестеро, все сибиряки: Василий, Александр, Лука, Авксентий, Иван, Семен. В дни обороны города о них часто писали в газетах, передавали по радио. Но как же спустя несколько лет поведать об их подвиге? Миномет Шумовых был доставлен в Ленинградский артиллерийский исторический музей с лаконичной аннотацией. А посетитель хочет знать больше, подробней!

Листаются фронтовые газеты. В архивы, воинские части, на родину Шумовых летят запросы. И вот научный сотрудник Капитолина Васильевна Сотина узнает: батареей 120-миллиметровых минометов, в которую входил расчет Шумовых, командовал Федор Парамонович Цивликов. Где он?

Проходят недели, месяцы, и отовсюду идут ответы: «Цивликов не значится», «Цивликов не проживает».

Один из запросов по поводу Шумовых был адресован в Министерство обороны СССР. Оттуда прислали документы, справки; из них узнали: миномет Шумовых начал боевой путь на станции Погостье в марте 1942 года. Тогда Шумовы послали первую мину по врагу. Последний выстрел зафиксирован 12 июня 1943 года. Братья Шумовы прошли с минометом по дорогам войны свыше 800 километров. И далее назывались цифры: сколько разбито дзотов, блиндажей, пулеметных огневых точек...

Но где же герои-братья?

Из Сибири, из Тес-Хемского райкома, пришел наконец ответ: трое братьев — Семен, Иван и Василий — погибли в боях за освобождение Эстонии, Литвы. Авксентий и Лука живут в родном колхозе. Александр, бывший командир расчета, работает мастером на обувной фабрике во Фрунзе.

У Александра с фронтовой поры завязалась трогательная дружба с конструктором миномета Борисом Ивановичем Шавыриным. А как сейчас? Конструктор прислал письмо и послевоенную фотографию: на ней сняты Шумов и творец оружия Герой Социалистического Труда Шавырин.

Откликнулся и Александр. Благодарит за память, обещает приехать в город, который защищал. Шумов сдержал слово. Приехал минувшим летом — и прямо в музей. Целый день не отходил он от миномета, рассказывал школьникам и взрослым о Федоре Парамоновиче Цивликове, о том, как сражались братья.

А вот другая история. На фотографии была запечатлена трогательная сцена прощания артиллериста Плеханова с орудием. От Сталинграда до Одера прошел с гаубицей гвардии старший сержант Василий Иванович Плеханов. Где теперь он? Где бойцы расчета Раскулов, Корказов, Распутный, Котляр, Лозовой? Где сама гаубица?

Поиски продолжаются.

Без устали день за днем работники музея ведут кропотливую благородную работу. Недавно они узнали, что в одной артиллерийской части воспитано сорок пять Героев Советского Союза. Надо их разыскать!

Старший научный сотрудник А. П. Веселов начал поиски.

Приехал в столицу, направился к герою Днепра Александру Григорьевичу Журавлеву. Познакомились. Он в Московском областном совнархозе работает. За мирный труд орденом «Знак Почета» награжден. Узнал от него новые имена и, прощаясь, спросил, как добраться до Полянского переулка.

— Это совсем рядом, через улицу перейти.

— Интересно! Живут два однополчанина почти на одной улице и не ведают друг о друге...

— А кто же там?

— Иван Семенович Чернов.

Обрадовался Журавлев:

— Как же, помню, бравый артиллерист, при форсировании Днепра поддерживал меня своей батареей справа!

Встретились втроем. Нашелся еще Муравьев, Алексей Тимофеевич, он в «Мосфильме» трудится.

И потянулась ниточка за ниточкой: гвардии старший сержант Мансур Идетович Абдулин — он под Курском десять немецких танков подбил—оказался у себя на родине, руководит богатейшим колхозом в Ферганской области. Баты Бай Садыков, гвардии сержант, герой Сталинградского, Орловского и других сражений,—председатель колхоза «Красный Октябрь» в Южно-Казахстанской области.

Так навели справки о сорока четырех. Ничего не удалось узнать только об одном — гвардии майоре Даниле Петровиче Тыкваче.

Листая записную книжку, Веселов говорит:

— Нас интересуют Герои Советского Союза — артиллеристы. А их 1 885! Пока удалось повидаться и побеседовать с 230!

К. ЧЕРЕВКОВ

1943 год. Рабочие Ленинградского завода художественного стекла в гостях у минометчиков Шумовых.

1958 год. Александр Шумов (справа второй) рассказывает посетителям Артиллерийского музея о своих братьях-воинах.

Партии рядовой

19 ноября 1942 года мощной канонадой тысяч орудий и минометов началось великое наступление советских войск под Сталинградом. С тех пор наш народ ежегодно отмечает этот день как праздник советской артиллерии.

В этот день бойцы Н-ской гвардейской стрелковой дивизии обязательно вспомнят Героя Советского Союза Михаила Ильича Бакалова, и солдатские приветы полетят к матери героя Екатерине Трофимовне, которая по-прежнему живет в селе Троковичи, на Житомирщине.

В июльские дни 1943 года, когда гвардейцы громили фашистов на Кубани, Михаил Бакалов стал коммунистом. Парторг батальона охарактеризовал наводчика минометного расчета сержанта Бакалова так: «Смел. Дисциплинирован. Все поручения выполняет аккуратно и в срок. Безотказен: что ни поручи — сделает. Скромен. В общем, рядовой коммунист».

Внешне Бакалов также не выделялся ничем: черноволосый, небольшого роста, курносый юноша двадцати трех лет — такой же, как тысячи его сверстников, отстаивавших с оружием в руках свою Родину.

Бои за «Голубую линию» на Кубани сменились изнурительными маршами. 24 сентября гвардейцы вышли под Мелитополь, а 26 сентября начались бои за город. Батальон, в котором служил Михаил Бакалов, прорвал первую линию обороны и, не успев закрепиться, был контратакован крупными силами противника. После третьей контратаки, когда в строю осталось лишь несколько человек, рядом с минометом разорвался снаряд. Бакалова контузило. Едва очнувшись, сержант огляделся и увидел, что из всего расчета в живых остался только он.

Бакалов встал и продолжал один вести огонь. Но очередной снаряд разбил миномет, и сержанта снова контузило.

Фашисты были уже совсем близко. Бакалов завернул в платок партбилет, красноармейскую книжку и наскоро закопал их в землю. Потом поднялся и с саперной лопаткой в руке бросился на врагов. Удар прикладом по голове опрокинул его навзничь, он потерял сознание... Придя в себя, Бакалов увидел вокруг чужие лица.

— Коммунист? — спросил у него офицер в черной эсэсовской шинели.

Сказать «нет» Бакалову не позволяла партийная совесть, и он кивнул головой.

Гитлеровцы подтащили Бакалова к искореженной разрывом яблоне, прижали его руку к стволу, и эсэсовский офицер резко взмахнул тесаком. Два пальца упали в траву.

Бакалов набрал полную грудь воздуха и плюнул фашисту в лицо. Двое солдат сели на него верхом, третий ножом разжал зубы и вытащил наружу язык. Офицер несколько раз полоснул по языку тесаком...

Михаил Бакалов.

Очнулся минометчик под вечер. Фашистов поблизости не было, над полем гремело, перекатываясь, родное «ура». Видимо, удиравшие гитлеровцы бросили Бакалова, посчитав его мертвым.

Волна атакующих гвардейцев захлестнула траншеи, к Бакалову подбежал боец Хлобыстов. Увидев окровавленного товарища, он попытался взять его на руки и отнести в медсанбат. Но минометчик отрицательно затряс головой и показал на еле заметный бугорок. Хлобыстов отрыл сверток, сдул с него землю, положил партбилет и красноармейскую книжку в нагрудный карман товарища и понес его в медсанбат.

Рассказать врачам о случившемся сам Бакалов не мог. О подвиге минометчика узнали от доставленного в медсанбат солдата Ковалева. Тяжело раненный, он остался лежать возле минометной позиции и был невольным свидетелем великого мужества советского гвардейца.

Утром о героизме Михаила Бакалова стало известно всему полку. В эти дни в партийную организацию части было подано 186 заявлений...

В госпитале Михаил долго боролся со смертью. И молодой организм победил.

Врачи хотели уволить из армии изувеченного бойца, но гвардии сержант Бакалов решил иначе: он остался в строю. В мае 1944 года Михаил Бакалов погиб в бою.

...Прошли годы. Но и сегодня, когда в Н-скую часть приходят молодые солдаты, им обязательно рассказывают о бесстрашном артиллеристе Герое Советского Союза Михаиле Бакалове.

Т. СТЕПАНЧУК,
И. ДЕРГУНОВ

ЧЕМПИОНЫ И РЕКОРДСМЕНЫ СЕЛА

Фото **Н. СУДАРИКОВА.**

Специальный корреспондент «Огонька».

Только что Любовь Яковцева удачно метнула диск. Ее снаряд пролетел за 44 метра. Украинская спортсменка Екатерина Ворошило (слева) поздравляет подругу. Любовь Яковцева оказалась первой и в толкании ядра.

Общий вид ставропольского стадиона «Динамо», на котором проходила Всесоюзная спартакиада сельских спортсменов.

Так уж повелось: после осенней страды, после сдачи урожая в закрома государства сельские спортсмены съезжаются со всех концов страны для того, чтобы показать свою силу, ловкость, сноровку, показать счастливое умение сочетать труд в поле, в тракторной бригаде, на ферме с бегом, прыжками, с игрой в волейбол.

На сей раз большой праздник — Всесоюзная спартакиада сельских спортсменов — состоялся в Ставрополе.

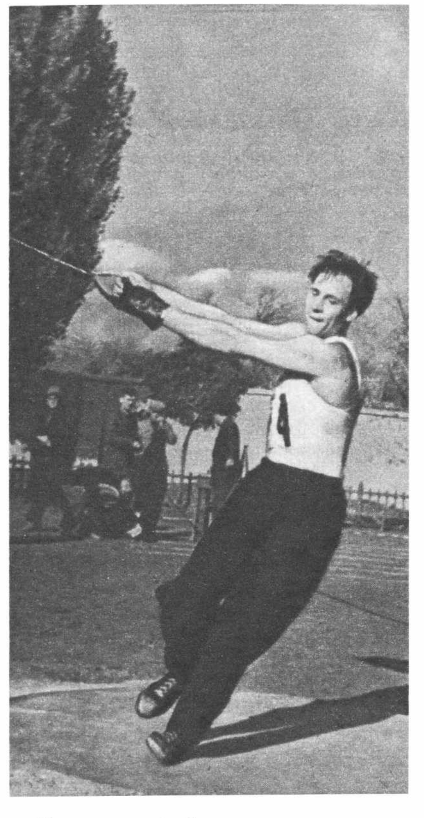
Здесь можно было встретить и председателя колхоза М. Легздиньша из Латвии, и шофера совхозной автобазы Ю. Злоденного из Акмолинской области, и кузнеца из Краснодарского края мастера спор-

Хельги Киви, учительница из эстонского села, недаром приехала издалека в Ставрополь. Она показала недюжинные способности в прыжках в высоту и заняла первое место. Ее результат—1 метр 60 сантиметров — стоит в ряду хороших результатов в этом трудном виде легкоатлетической программы.

На Спартакиаде выходил специальный спортивный бюллетень. Он был настолько интересен, что порой даже отвлекал внимание зрителей от борьбы, которая шла в этот момент на гаревых дорожках и в секторах для прыжков и метаний.

Воспитанник белорусского сельского общества «Ураджай» Ромуальд Клим метает молот.

та Н. Герасимова... Колхозники, трактористы, педагоги, механики, агрономы — вот кто защищал спортивную честь своего района, области, республики.

Соревнования в Ставрополе привлекали большое внимание. И это не случайно. Достаточно сказать, что только одни штангисты установили 20 рекордов своих республик! Эта цифра сама по себе рекордная.

Много хороших показателей у легкоатлетов.

В основе всех состязаний лежала атлетика — легкая и тяжелая. Среди легкоатлетов, помимо известных спортсменов, отличились инструктор общества «Колгоспник» Л. Яковцева в метании диска, представитель совхоза имени Ильича (Алма-Атинской области) Василий Дмитренко в тройном прыжке, студентка киевского института физкультуры Е. Ворошило в метании копья. В тяжелой атлетике — в поднятии тяжестей, в вольной и классической борьбе — было массовое проявление мастерства.

В вольной борьбе победили грузины, в классической — спортсмены РСФСР, в легкой атлетике — украинцы. Успешно выступали сельские спортсмены Эстонии во многих видах программы.

Борьба шла острая и напряженная. До последнего момента нельзя было окончательно определить победителя Спартакиады. И вот один мяч в волейбольном состязании решил исход многодневной борьбы.

В финальной пульке три команды — Эстонии, Молдавии и РСФСР — имели по одинаковому количеству очков. Однако соотношение мячей показало, что у волейболистов РСФСР на один мяч больше. Это и позволило им выйти вперед, а вместе с тем и опередить лидирующую команду Украины. Спортсмены РСФСР завоевали общее командное первое место на Спартакиаде.

Как приятно видеть, когда побеждают земляки! Азербайджанские физкультурницы аплодируют товарищам по команде.

На съемках фильма „Судьба человека"

Фото В. Уварова.

Вокруг выжженная зноем полынная донская степь, на безбрежной сини неба стаи белокипенных облаков, от которых скользят по горячей земле прохладные тени. По пыльной степной дороге катит старенький грузовик. В кабине двое: немолодой, с усталым лицом и щедрой россыпью седины в волосах водитель и худенький, с измазанным арбузным соком личиком, белоголовый мальчик.

— Где же твой отец, Ваня? — спрашивает шофер.

— Погиб на фронте,— шепчет Ваня.

— А мама?

— Маму бомбой убило. В поезде, когда мы ехали...

...Глубокое раздумье на изможденном лице человека, побелевшие губы жадно досасывают окурок. Наклонившись к мальчику, он тихо спрашивает:

— Ванюшка, а знаешь, кто я такой?

— Кто?

— Я твой отец.

Дрожа всем худеньким телом и плача, кидается Ваня на шею человеку, целует его в небритые щеки, губы, лоб.

— Папанька! Родненький! — звенит голос Вани.— Я знал, я знал, что ты меня найдешь!

Большими, черными от масла руками прижимает к себе седой человек обретенного сына...

Это один из эпизодов фильма «Судьба человека» по одноименному рассказу М. А. Шолохова, который снимает киноэкспедиция студии «Мосфильм» в районе города Каменска.

...Знакомство Андрея (С. Бондарчук) и Ирины (З. Кириенко).

Трудно сложилась судьба простого советского человека Андрея Соколова. Были у него товарищи, семья. Грянула война. Погибли от фашистской бомбы жена и дети Андрея, на месте его домика — зияющая воронка. Сам Андрей, выполняя боевое задание, был ранен, попал в плен к гитлеровцам. Казалось, страшные муки, горе потерь, унижения испепелят душу любого. Но Андрей Соколов — советский человек, и это помогает ему вынести все испытания.

Рассказ Михаила Шолохова послужил материалом для сценария (Ю. Лукин и Ф. Шахмагонов). Воплотить это произведение на киноэкране взялся один из мастеров советского кино, народный артист СССР Сергей Бондарчук. Впервые выступая как режиссер,

М. А. Шолохов, С. Бондарчук, Ю. Лукин.

Русский чай

Сбор чайного листа на плантации колхоза «Путь к коммунизму».

«Краснодарский чай»! Распространенный напиток с таким названием появился в магазинах сравнительно недавно, но сразу завоевал признание покупателя.

Интересна история краснодарского, русского чая. До революции ученые в один голос утверждали, что субтропический вечнозеленый чайный куст не будет расти в России, в том числе и в районах Западного Кавказа. Границей чаеводства они считали район Чаквы в Грузии.

Но вот простой крестьянин — переселенец с Украины И. А. Кошман, переехав в 1900 году из Чаквы в Солох-Аул — высокогорное селение в шестидесяти километрах севернее Сочи, посадил чай на площади 0,6 гектара. С годами плантация разрослась, нежные растения акклиматизировались; Кошман стал ежегодно собирать урожай чайного листа и драгоценных семян.

Эта первая плантация русского чая до сих пор является одной из самых северных и высокоурожайных в нашей стране.

До революции опыт Кошмана называли «случайной удачей». Только в годы Советской власти его начали широко распространять в Адлерском, Лазаревском, а затем в Туапсинском и других более северных районах Краснодарского края.

И. ЗАЙЦЕВ

Андрей Соколов (С. Бондарчук) с Ваней — приемным сыном (Павлик Борискин).

он исполняет главную роль в фильме. В роли Ирины, жены Андрея, снимается артистка З. Кириенко, известная советскому зрителю по фильму «Тихий Дон». В фильме участвуют артисты Владимир Иванов (игравший Олега Кошевого в кинокартине «Молодая гвардия»), Волков, Чемодуров и другие. Роль маленького Вани исполняет Павлик Борискин.

Снимает фильм оператор В. Монахов, уже завоевавший признание зрителей своей работой в фильмах «Попрыгунья», «Высота»...

— Создание такого фильма, как «Судьба человека»,— нелегкое дело,— говорит Бондарчук.— Действие фильма происходит на протяжении более чем двадцати лет. За полтора часа, в течение которых идет фильм на экране, надо показать зрителю долгий и многотрудный путь человека сильной воли, редкого бесстрашия, прекрасной души.

Большую помощь оказал всем нам Михаил Александрович Шолохов. Наши встречи с ним, задушевные беседы, ценные его советы оказали всему коллективу неоценимую услугу. В честь XXI съезда КПСС наш коллектив взял на себя обязательство — закончить съемки раньше срока, уже в этом году. Свое слово мы сдержим!

Коллектив трудится от восхода солнца до позднего вечера. Недалеко от Каменска, в каменоломнях, выросли бараки «концлагеря», опутанные колючей проволокой. В башнях по углам — пулеметы. Рычат овчарки, слышится гортанная брань «эсэсовца»...

В эти дни Бондарчука можно видеть всюду: то он с киркой в руке в каменном карьере, то у киноаппарата, то оживленно обсуждает с актерами какой-нибудь момент роли.

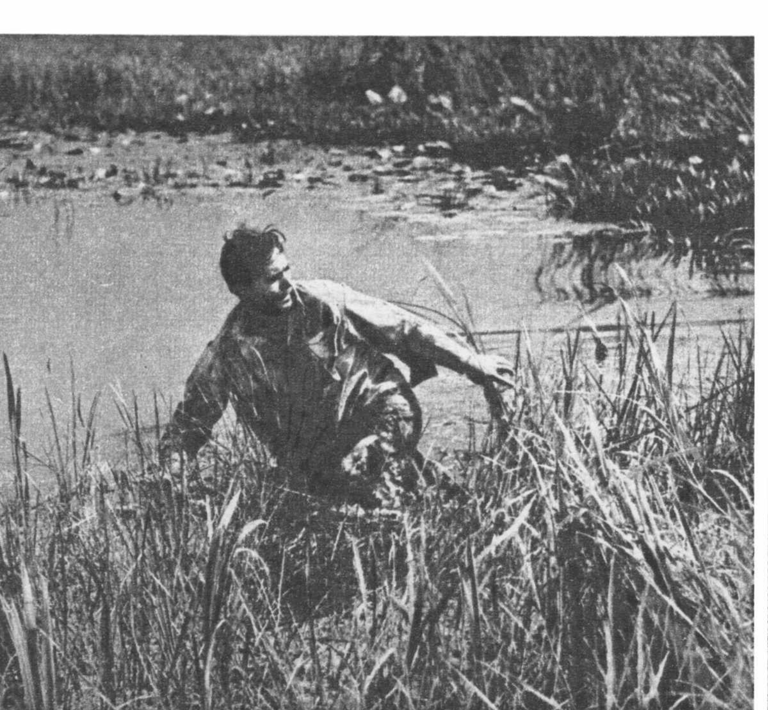
Резкий хлопок выстрела, и зеленая ракета взмывает вверх.

— Внимание, по местам!

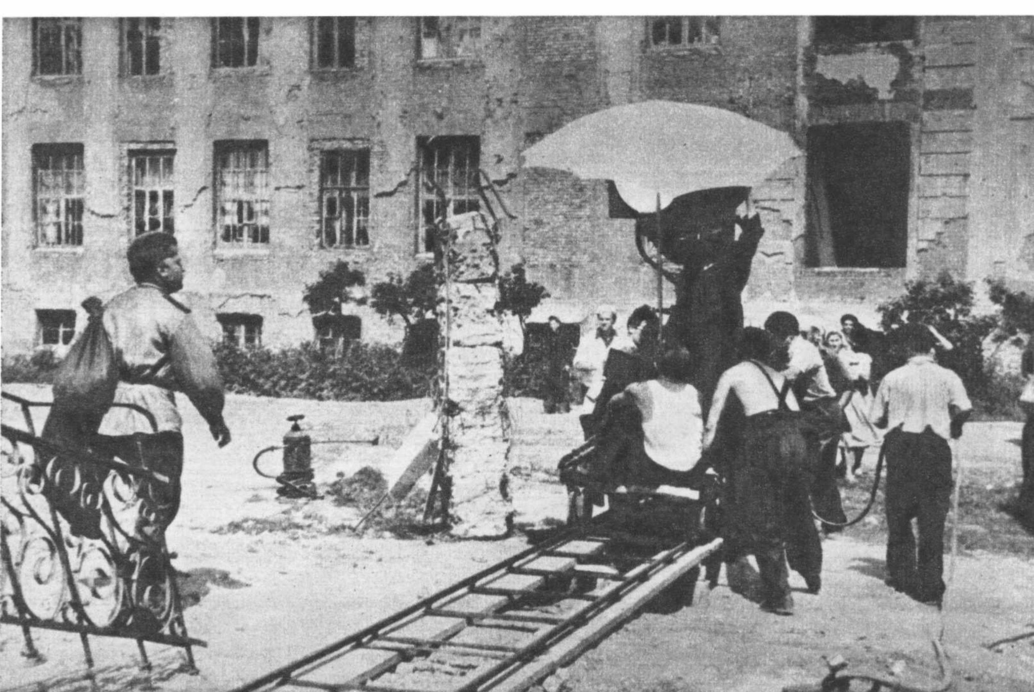
Миг—и все вокруг изменилось: мирно курившие вместе «эсэсовцы» и «военнопленные» бросились на свои места — одни с кирками в каменоломню, другие ощетинились автоматами. Припал к аппарату оператор Монахов. Еще минуту назад перед нами был народный артист СССР Бондарчук, теперь же вверх по карьеру, пошатываясь и припадая на ноги, задыхаясь, идет с огромной глыбой камня на плечах мужественный и бесстрашный Андрей Соколов, несгибаемый, сильный духом советский человек.

Съемки продолжаются.

Иван МИРОШНИКОВ

↓ Побег Андрея Соколова из фашистского лагеря.

Рабочий момент съемки сцены возвращения Андрея Соколова.

САМОЛЕТ НА КРЫШЕ

А. Я. Прилюбченко.
Фото И. Зайцева.

В журнале «Огонек» № 28 за 1958 год напечатана фотография самолета, посаженного на крышу сарая неизвестным летчиком в годы Отечественной войны.

Интересный снимок вызвал отклики читателей. С их помощью удалось разыскать летчика. Это Александр Яковлевич Прилюбченко. Он живет в Сочи и работает сейчас товароведом.

Александр Яковлевич с юности увлекался летным делом, в 1940—1941 годах учился в Майкопском аэроклубе, затем в военном авиационном училище. В 1943 году молодого летчика отправили на фронт.

Вот что написал нам А. Прилюбченко о памятном ему полете:

«Ранней весной 1944 года я получил приказание срочно доставить пакет в одну из танковых частей. Вместе со мной полетел механик А. И. Овсянников. День выдался пасмурный. Всю ночь шел дождь вперемежку с мокрым снегом, слякоть стояла невероятная. Тем не менее мне удалось благополучно приземлиться недалеко от линии фронта.

Получив новое боевое задание, я взлетел с очень плохой площадки и тотчас же обнаружил неисправность в моторе: сорвало шпильку клапанной коробки. Сильный попутный ветер прижимал самолет к земле. Высота стремительно падала. Надо было немедленно садиться. Но куда? Впереди взлетной площадки стояли две линии телеграфных столбов. За ними — обрыв; справа и слева тоже не было места для посадки. Внизу, в овраге, по железной дороге шел в то время состав с танками и артиллерией, а по шоссейной дороге двигались воинские части и техника. Положение было почти безысходное. И вот я принял решение сесть на крышу сарая. Это удалось: боевая машина и экипаж остались целы и невредимы. Вскоре после этой необычной посадки мы с А. И. Овсянниковым возвратились в часть.

Недавно я получил от него письмо — от боевого моего друга Алеши Овсянникова. Заметка в «Огоньке» помогла нам найти друг друга!»

СПАСИБО, НАШ МАЛЕНЬКИЙ ДРУГ!

Пионер Витя Косяков и спасенные им Елена Кирилловна и Ирочка.
Фото Ф. Короткевича.

Это случилось на днях в подмосковном городе Красногорске. Рано утром наша старушка-мать Елена Кирилловна пошла на Ивановский пруд полоскать белье и захватила с собой внучку — нашу полуторагодовалую дочку Ирочку. Когда бабушка отошла от ребенка, чтобы зачерпнуть воды в таз, девочка побежала к берегу, споткнулась и, упав, скрылась под водой.

Бабушка бросилась спасать ее, но женщина она старая, плавать не умеет и сама начала тонуть. Голова ее была под водой, а девочку она держала на вытянутых вверх руках. Теряя сознание, бабушка бросила внучку в сторону берега, но сделала это из последних сил, и ребенок снова упал в воду и пошел на дно...

В это время неподалеку проходил мальчик в ученической фуражке. Он увидел тонущих и бросился на помощь. Два раза нырял он на дно, пока отыскал девочку, вытащил ее из воды и передал в руки подоспевшей откуда-то женщины.

В это время бабушка тоже тонула. Мальчик и здесь не растерялся, схватил лежавшую на берегу доску, бросился в воду и протянул эту доску тонущей. Он помог бабушке выбраться на берег, а сам побежал скорее переодеваться.

Мальчик не назвал своего имени и фамилии. Осталась неизвестной и женщина, которая, взяв ребенка из рук мальчика, сумела освободить легкие девочки от воды и привести ее в чувство. Наша семья бесконечно благодарна за этот благородный поступок.

Вскоре удалось установить, что спасителем двух жизней оказался Витя Косяков — сын Ильи Ивановича Косякова. Мы благодарны Илье Ивановичу и его жене Марии Осиповне за то, что они воспитали такого замечательного сына. Благодарны и учителям школы № 1, где в 5-м классе учится Витя, и отряду, пионером которого он является.

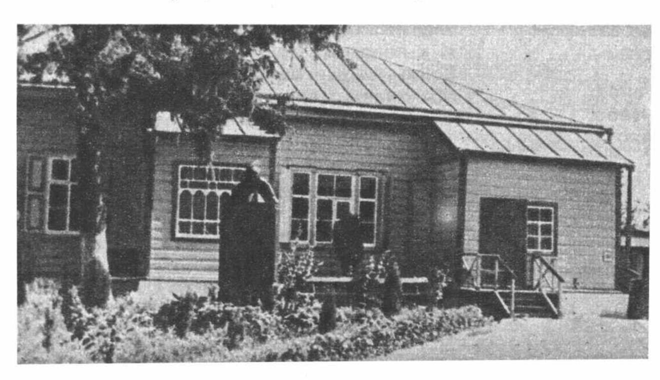
А тебе, Витя, наше большое сердечное спасибо! Твоего благородного поступка мы никогда не забудем. Благодаря тебе мы, придя домой, нашли нашу старушку-мать и маленькую дочь Ирину живыми и здоровыми. А могло быть все иначе...

Спасибо, наш маленький друг!

А. ЛОГИНОВ, З. ЛОГИНОВА,
работники типографии

г. Красногорск,
Московской области.

В усадьбе М. М. Коцюбинского

Дом, в котором жил М. Коцюбинский.
Фото автора.

В живописном уголке Чернигова расположена усадьба выдающегося украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского. Недавно здесь был открыт мемориальный дом-музей и возобновлена литературная экспозиция в новом, специально выстроенном помещении.

Небольшой одноэтажный деревянный дом был куплен писателем в рассрочку. Полностью оплатить его стоимость Коцюбинский так и не смог до конца жизни. В музее хранится требование Черниговского банка скорее внести деньги, иначе Коцюбинский будет выселен.

В новой экспозиции представлены все издания произведений М. Коцюбинского, начиная с первого стихотворения «Наша хатка», напечатанного во львовском детском журнале «Дзвінок» за 1890 год, и кончая изданиями 1958 года на языках народов Советского Союза, стран народной демократии и капиталистических государств.

Литературная экспозиция обогатилась картинами, графическими работами, иллюстрациями к произведениям М. М. Коцюбинского, многими документами.

Л. ПРОКОПЕНКО

Живые страницы борьбы

Колхозник Антон Евстафьевич Михасенок в крыше своего дома обнаружил сверток. В нем оказалась небольшая библиотечка литературы, которую распространяли подпольщики среди населения Западной Белоруссии до сентября 1939 года.

Мы встретились с Антоном Евстафьевичем у него дома, в деревне Новые Шарабаи, Глубокского района. Бережно перелистывал он брошюру за брошюрой.

Вот брошюра «На борьбу против грабежа крестьянской земли! За землю без выкупа!». Она была издана Центральным Комитетом Коммунистической партии Западной Белоруссии. Нельзя без волнения читать эту брошюру.

«Тяжело нам, крестьянам Западной Белоруссии, под панским сапогом. Что год, то хуже. Уже у нас не только последнюю рубашку с тела снимают за налоги и штрафы, но все больше нам недостает кусочка сухого хлеба, не хватает земли, а земли вдоволь имеют помещики, военные осадники, кулаки. Эту землю мы, трудящиеся крестьяне, возьмем сами без выкупа. Так обрели себе землю крестьяне в России. Только так завоюем землю и мы».

Лист папиросной бумаги. Мелкие печатные буквы. Этот редкостный документ — Манифест 1-го съезда Коммунистического Союза Молодежи Западной Белоруссии. Заканчивается он пламенным призывом к молодежи: «Мы, революционная молодежь,— дети голода и горя, дети капиталистической эксплуатации, являемся вместе с тем детьми революционных баррикад и революционных боев. Будем бороться, как черти, против фашистской диктатуры. Да здравствует Коммунистический Союз Молодежи! Да здравствует Коммунистическая партия!»

В городе Глубокое, на улице Виленской, стоял на отшибе на развилке дорог ветхий домик. Эту ничем не примечательную хатку коммунисты-подпольщики и сделали складом революционной литературы.

В Глубоком живет сегодня член КПСС, персональная пенсионерка Х. М. Крейнес. Эта мужественная женщина, рискуя жизнью, долгие годы доставляла из Вильно подпольную литературу в Глубокое. А отсюда, из домика на Виленской, листовки и брошюры, бюллетени и обращения проникали в села, в самые отдаленные уголки. Их несли в народ, несмотря на жестокий террор и полицейские преследования, смелые и отважные люди — коммунисты и комсомольцы.

Е. РЫКЛИН

Литература, найденная в доме колхозника.

Возвращение реликта

— Вот посмотрите,— сказал экскурсовод Сухумского ботанического сада, подавая туристам сорванный лист. Внешне он почти не отличался от листьев ильма.— А теперь осторожно разорвите его.

На месте разрыва видны белые эластичные нити.

Такова ильмолистная эвкоммия.

...Много миллионов лет назад, еще в третичную эпоху, это гуттоносное растение было широко представлено в средиземноморской флоре на территории современной Украины, Молдавии и Кубани. Позднее, в четвертичный период, климат резко изменился, и чудесное дерево с серебристыми нитями гутты полностью исчезло. Лишь изредка встречается оно в наши дни в высокогорных областях Китая.

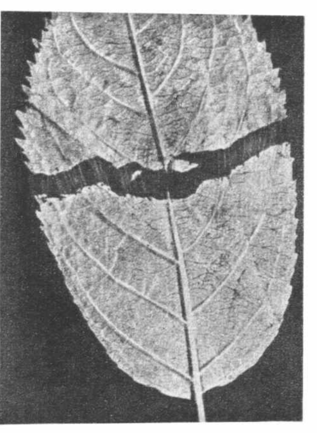
В годы первых советских пятилеток ученым было поручено изыскать растительные источники гуттаперчи, столь необходимой для промышленности. И вот эвкоммия благодаря усилиям ботаников вновь обрела свою прежнюю родину. Ее аллеи можно встретить в Грузии, Молдавии, Таджикистане, Краснодарском крае.

Эвкоммия — очень полезное растение. Листья, кора и плоды ее содержат, кроме высокомолекулярного углеводорода, еще эффективно действующие лекарственные вещества. Экстракты, настойки и отвары, изготовленные из них, обладают высокими целебными свойствами против гипертонической болезни.

Вот почему в нашей стране все более возрастают площади, занятые этой культурой.

Рощи декоративных деревьев с изумрудно-зеленой листвой раскинулись от побережья Черноморья до Каспия, от предгорий Северного Кавказа и равнин Кубани до субтропиков Средней Азии. Во Всесоюзном научно-исследовательском институте лекарственных и ароматических растений ведутся работы по выделению из эвкоммии лекарственных веществ, чтобы затем испытать их на подопытных животных.

М. КАЛАНТЫРЬ,
кандидат биологических наук

В месте разрыва листа видны нити гутты.

Слово о народе

Ода

Алексей МАРКОВ

Рисунки В. Богаткина.

I

Ты дал мне сердце, дал мне
зренье,
Мой мудрый, песенный народ,
Зажег в крови моей волненье,
Как рядового поколенья,
Послал разведчиком вперед!

Твои мне радости и горе
В ночах покоя не дадут.
За празднословье в разговоре,
Двуличное молчанье в споре
Верши свой беспощадный суд.

Могу ли я тебе слукавить,
Забыть о долге в чем-нибудь!
Душа не льнет к дешевой славе,
Пустой мальчишеской забаве,—
Ее влечет высокий путь!

Я прохожу своей страною
С сыновней думой о тебе.
Я полон думою одною:
Ты с колыбели надо мною,
Моя судьба в твоей судьбе.

Тебе погибелью грозили.
Горело небо над тобой.
Земля в руинах, тучах пыли,
От ужаса березы стыли,—
Шел не на жизнь, а на́ смерть
бой!

Под звездным ливнем обелиски
Ракетами стремятся ввысь.
Слезами высечены списки
Имен неведомых, но близких,
Тех, кто без страха о́тдал жизнь.

Но знаю я: ни горный камень,
Ни солнцем дышащая медь
Не в силах сделанное нами,
Твоими верными сынами,
На все века запечатлеть.

Когда на землю сходит вечер,
Гляжу на смутные леса.
Деревья впрямь по-человечьи
Расправили тугие плечи
И подпирают небеса.

Наверно, пал здесь
непреклонный:
Из сердца дуб его пророс.
Березка с золотистой кроной,
Она у девушки сраженной
Взяла, наверно, трепет кос...

Мы поседели слишком рано,
Мы не стояли в стороне —
И к непогоде ноют раны...
Войны седые ветераны,
Мы знаем цену тишине!

Народ, ты славу до́был кровью
Своих недрогнувших сынов.
Сегодня мир глядит с любовью,
Желая доброго здоровья
Тебе, что нежен и суров.

Ты никого не тронешь первый,
Огнем бессмысленным губя.
Но, если кто нас в битву
ввергнет,
Не у России дрогнут нервы,—
Пускай пеняют на себя!

Как силу мне твою измерить,
Начало всех начал найти,
Заставить тех в тебя поверить,
Кто начал путать, лицемерить,
Ухабы встретив на пути!

Где та заветная вершина,
С которой можно оглядеть
Дела народа-исполина?
Он шел от Волги до Берлина,
Чтоб в мире мирно было впредь.

...Беру билет. Рюкзак за плечи...
Поклон тебе, мой Сталинград!
Ты стал вершиной славы вечной.
Тебя приветствует сердечно
Защитник твой, простой солдат!

II

Мамаев памятный курган!
Века прошли перед тобою!
Ты видел сам, как хищный хан
Сидел в шатре, от крови пьян,
Добычей тешась после боя.

Ты схоронил в земле стрелу
Приметной выделки старинной
И слышишь сквозь столетий
мглу:
Стенают люди на колу,
Взывает к мести край
былинный...

Река былинная течет
Из тех далеких дней полона;
Она оков ломала лед,
Вела обидам горький счет,
Стремилась к воле неуклонно.

Я вижу с древнего холма
В багровых молниях Царицын.
Пусть окна погасила тьма,
Идет голодная зима,—
Царицын будет на́смерть
биться!

Тупой белогвардейский шаг
Как будто чуешь за курганом.

Красноказачьей шашки взмах —
И треск разодранных рубах
До слуха долетит нежданно.

Бой пострашнее впереди!..
Воспоминанья, как осколки,
И память раны бередит.
Вот и сейчас щемит в груди
На берегу широкой Волги.

Был полем битвы Сталинград.
В его руках судьба Отчизны.
Солдату говорил солдат:
— Идти нам некуда назад,
Для нас за Волгой нету жизни!

Когда один бы на один,—
Недолго мерились бы силой!
Тебя, со свастикой Берлин,
Побед бесславных господин,
Ждала бы скорая могила!

Заокеанские «друзья»,
Читая сводки каждый вечер,
Судили наспех: «Песня вся!..
Помочь ничем уже нельзя,
России Гитлер сел на плечи».

Я знаю, были и такие,
Не где-нибудь, а среди нас,
Которым думалось: Россию
Под иго нового Батыя
Война повергла в черный час,

И захлестнут страну арканом,
И станет отчий дом чужим...
Но, услыхав на поле бранном
Столицы голос неустанный,
Поверил каждый: победим!

О, как знаком тот голос
твердый,
То голос Партии твоей.
А ею вспоенный, ты гордо
Поднимешься, отбросишь орды:
Покуда с нею, ты Антей!

О сила правды! Кто тобою
В своих делах вооружен,
Героем будет в пекле боя
И станет тот сильнее вдвое:
Найдет всегда опору он.

За власть родную бьемся сами!
От нас ли боль ее скрывать!
В трудах взлелеянная нами,
Не раз спасенная штыками,
Она близка, как сыну мать.

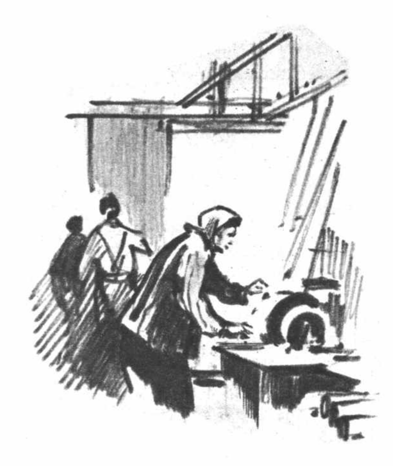
III

Не в теплой кружевной постели
К невестам приходили сны.
Зимой под посвисты метели
В цехах, неделя за неделей,
Пришлось не разгибать спины.

На хрупкие девичьи плечи
Взвалил военный подвиг тыл.
Их путь не розами увенчан,
Бедой нежданной искалечен,
Не легче фронтового был.

Ковали нам в цехах бессонных
Кольчуги день и ночь они,
Чья сталь не хуже той, хваленой,
Чужою кровью обагренной,
Немецкой крупповской брони.

Как сохранили наши жены
Девичий стан и легкий шаг!
Характер их, в беде каленный,
То ласковый, то непреклонный,
Проглядывает в сыновьях.

За что целуют эти руки,
Теперь я понял хорошо.
Я обучился сей науке,
Когда сквозь долгие разлуки
Через Берлин в Россию шел.

...Я вижу, пишешь ты в анкете
В графе о фронте: «Не был,
нет».
И горечь слышится в ответе,
Как будто в это лихолетье
Ты не хлебнул с лихвою бед.

Как будто ты виновен в чем-то!
Остался жив, остался цел,
Ну, был за кромкой горизонта,
Не знал тяжелой ноши фронта,
Но ты до срока поседел.

Я вижу всех, отдавших юность
Во имя юности других.
Волненьем времени волнуясь,
Законам правды повинуясь,
Я славлю подвиг трудный их!

Послушай, ты не смеешь,
парень,
Сидеть в присутствии того,
Кто стал до срока нынче старым,
Пройдя сквозь стужу и пожары
Во имя счастья твоего!

IV

...Я вижу, стоя на кургане,
Родную землю в страшный год,
Когда одни средь поля брани
У смерти встали мы на грани
И каждый нерв напряг народ.

Надсадно «мессершмитты»
выли —
С паучьей свастикой гробы,—
Тянулась тень зловещих
крыльев...
Кирпичной раскаленной пыли
Вздымались черные столбы.

Шел эшелон за эшелоном:
Везли заводы на восток,
Туда, где в полночь с
небосклона,
Терзая посвистом и стоном,
Не угрожал огня поток.

Карнизы покидали птицы,
По вечерам висела мгла,
Но продолжало сердце биться:
Несокрушимая столица
Сражалась, думала, жила.

Охрипли за ночь телефоны,
Стучит тревожно телеграф.
Бумагой черной затененный,
Работает ЦК бессонный,
Он слышит битвы каждый шаг.

На Волге от пожарищ тени,
Там каждый дом — Бородино.
И на Неве идет сраженье:
Не станет город на колени,
Ему сдаваться не дано!

— Москва, Москва! — далекий
голос
Чуть слышно сообщал в ЦК,
О ходе битвы беспокоясь.
— Еще даст хлеба наша
область!..
Что! Сами! Ничего пока!

И секретарь к лиловым окнам
В обкоме стихшем подходил.
В шинельку кутался, продрогнув.
Со снегом дождь стучался
дробно...
— А вывезем! А хватит сил!

...А на поле, размокшем, сером,
Сосредоточен, не речист,
В народе укрепляет веру
Горячим собственным примером
Старик Петрович, коммунист.

Ладони в жидком черноземе.
Картошку роют дотемна.
Не разогнуться, спину ломит!..
Но что поделать: в каждом доме
Свой след оставила война.

Солдатки бережно, как золото,
Картошку брали из земли.
Снежинки влажные за воротом.
И пальцы скрючивало холодом.
Порой к кострам погреться шли.

Шли повзрослевшие подростки.
В Артеке бы костры, не тут...
Плясать бы им вокруг березки...
Но, соль зажав степенно
в горстке,
Картошку позднюю пекут.

Вот и сумей-ка в срок уборку
С подобным войском
завершить!..
Случалось на душе прегорько.
Партийный секретарь махоркой
Дымил, чтоб легче было жить.

— Райком, райком! — спешил
с докладом.
— Мы урожай собрали весь!
Пойдем вперед под
Сталинградом!
Готовиться к весенней надо!
Спасибо... Понимаю... Есть!

...Как горести твои измерить,
Твой подвиг отразить, народ!!
Отчаяться, в тебя не верить —
Нет большей на земле потери,
Страшнее для души невзгод!

...Месили танки снег и глину,
Темнел тревожный небосклон...
Страна в плену наполовину...
Так поджимается пружина,
Чтоб для удара взять разгон.

V

С кургана каменного вижу
Я очень далеко окрест.
Шумит бурьян, под ветром
рыжий...
Блестят под солнцем жестью
крыши,
Подъемных кранов стройный лес.

Что в эту даль врага манило!
Какая сила привела!
Приволжский край — в чужих
могилах,
Поросших диким чернобылом.
К ним больше жалости, чем зла!

Пройдет еще совсем немного —
Сойдут осевшие холмы.
В пыли широкая дорога,
Она спускается отлого,
И к самой Волге едем мы.

...Давно ль! Давно ли
в исступленье
Я видел в немце лишь врага!
Вчера над Волгой целый день я
Бродил с ним по местам
сраженья,
Где были красными снега.

Он вспоминал отца седого,
Я видел молодость свою.
Война меня лишила крова,
Война с врагом свела сурово
В траншейном штыковом бою.

Конечно же, чертами схожи,
Как водится, отец и сын!
Глаз выраженье вроде то же,
Но взлет бровей у сына строже:
Он помнит сдавшийся Берлин.

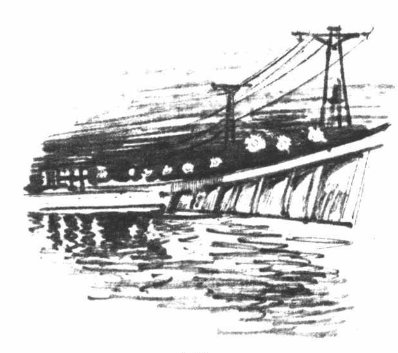
Я понимал, чем озабочен
Гость из Берлина, Иоганн,
Когда мы плыли волжской ночью
И видел он вокруг воочью
Огней веселый караван.

Подвластна силе нашей Волга,
Ее вольнолюбивый нрав!
Мы шли сюда по зову долга,
Чтоб солнце ГЭС сияло долго,
Лучи далеко разбросав.

Светило брызнуло земное,
В глазах влюбленных отразясь.
И ночью пышущее зноем,
То солнце наше, трудовое,
У нас с ним родственная связь!

Я знаю, Иоганн, какие
Могли вас думы посетить!
Неодолимый свет России,
Придя под марши полковые,
Хотел отец ваш погасить.

Я знаю, объяснять не надо...
Но все ж для будущих времен,
Чтоб в мире больше было лада,
Не забывайте Сталинграда,—
Поможет разобраться он!

VI

Ложится сумрак на курган,
Но сквозь туман, сквозь
мелколесье,
Через дымящийся бархан
Тебя я вижу, Казахстан,—
Батыр, ты встал с Россией
вместе!

Неукротимый Днепр ревел,
Сестру услышав издалёка,—
Катилось эхо ратных дел,
Плененья видел он предел,
Уже недолго ждать до срока.

Струился отблеск с горных
гряд...
Кавказ, ты в тяжкую годину
Подпер плечами Сталинград.
Лежал в окопе рядом брат
И все делил наполовину.

Со мной делился белорус
Цигаркой, как пошло от века.
Хоть на зубах песчаный хруст,
Но был ничем не хуже вкус —
Почти такой, как у «Казбека».

И в мыслях был литовец здесь.
От боли никуда не деться!
Летевшая, как ворон, весть,
Что Сталинград в пожарах весь,
Ему раскалывала сердце.

Отчизна всех до одного
В своих скрижалях записала.
— И не забудет ничего
И не обидит никого
Из братьев — ни больших, ни
малых.

Когда бы мы, как островки,
Стояли на пути пиратов,
Друг другу не подав руки,
Завистливы и далеки,
Мы были б сброшены и смяты.

Ты до тех пор, мой край, велик,
Пока в тебя, как будто в море,
Любой вливается язык,
Как освежающий родник,
Струею отразивший зори.

Отчизна-мать, сыны твои
Врастали в землю, став
гранитом!..
Сады шумят, где шли бои,
Героев славят соловьи,
Бежит волной степное жито...

Я приходил к тебе, народ,
И к мудрости твоей могучей
Губами льнул в тяжелый год,
Как к солнцу медоносных сот,
И становилось легче, лучше.

Пою тебя, народ великий,
Твой путь, твой дом,
судьбу твою!
Не дрогнул ты на грозном
стыке,
Большой, родной, многоязыкий,
Не уронивший меч в бою!

VII

Нет, с горделивой высоты
Я видеть не хочу сквозь дрему
Планеты общие черты,
Цвет потерявшие цветы,
Речушки синие изломы.

Уж если в гости приглашен
Иль надобно куда-то к спеху,
Я жесткий выберу вагон,
Где шум и гам со всех сторон,
Всего в достатке — слез и смеха!

Я здесь народа моего
Горячие услышу речи.
Язык! Я подзабыл его
В сетях союза своего,
Где пустословим каждый вечер.

Сегодня хочется опять
Пройти по той дороге старой,
Где приходилось отступать
И с боем брать за пядью пядь,
Идя сквозь зарева пожаров.

Навстречу Брянские леса —
Вздыхали люди облегченно:
Щедрей светили небеса,
Бодрее наших голоса,
В броню надежно облаченных.

Дороги, старые дороги!
Здесь в кровь мы разбивали
ноги
О трудные судьбы пороги.
Сегодня буйствует земля,
Цветеньем сердце веселя.

Я это поле вспоминаю:
Звалóсь оно передним краем...
Шумел лесок в разгаре мая.
Но хлынул, взмыл огня поток
И сжег прохлады островок.

Как будто вовсе не бывало
Зеленого, живого вала,
Где в каплях радуга играла!..
Осталась под дождем зола
На месте шумного села.

Смотрю сегодня я на чудо:
Где головешек тлела груда,
Как бы хмелеющий от гуда,
По-русски ладен и высок,
Стоит по-прежнему лесок.

Он мне напомнил полоненный,
Разбитый трижды и сожженный
И вновь из праха возрожденный
Мой край, куда глаза ни кинь,
До волжских каменных
твердынь...

Снуют над полем озорницы —
Неуловимые зарницы,—
Готовы до утра резвиться...
Бесплатный держит птичий хор
Народ — хозяин с давних пор.

Ему не умереть со скуки.
Красна не речь его, а руки.
Что знали деды — помнят
внуки.
Он песни бережно хранит,
Великий самый наш пиит.

Пусть в мире будет больше
песен:
Без них и мир как будто тесен
И даже хлеб не интересен.
Наш человек на вид простой,
Но жив высокою мечтой.

Смотри, запоминай, художник,
Как строит заново народ
То, что казалось невозможным,
Где меркла даль в огне
тревожном,
Где дым тянулся в небосвод.

Чем путь трудней у поколенья,
Тем больше на земле цветов.
Мы понимаем лет значенье
Через души людской свеченье,
А остальное — пустошь слов.

VIII

Вдали Воронеж — древний
город.
Он речкой синей, как мечом,
С размаху пополам распорот,
Как будто в память о раздорах,
Что здесь кипели горячо.

Воронеж-град! Его осколки
И нынче чувствую в груди...
Проходят мимо комсомолки.
Глаза насмешливы и колки...
Ах, юность, юность, погоди!

Я оставлял его когда-то
Поверженным врагами в прах.
На город, танками распятый,
Глядел лишь месяц красноватый,
Скользя в пустынных облаках.

Но злой беде не так-то просто
Сломить под корень города!
На месте скорбного погоста
Встал град недюжинного роста,
Еще прекрасней, чем тогда.

Да-да, назло врагу, красивей,
Чтоб знали «всякие» и впредь:
Убить нельзя моей России!
Шумят деревья молодые,
Как им положено шуметь!

Сияя гранями, уходит
Вдаль Революции проспект.
Там солнце глаз с домов
не сводит:
Дома на прежние походят,
Берут, как музыка, разбег...

И в свой золотолистый скверик
Кольцов любовно возвращен:
Сидит задумчив, — он уверен,
Что земляки открыли двери
В те дни, которых жаждал он.

Но снова впереди дорога —
Уйдет Воронеж, весь светясь!..
Я молча постою немного
В степи, раскинувшейся строго,
К нему лицом оборотясь...

IX

Над степью звездочка, сияя,
Спешит орбитою своей.
Луна мохнатая, седая
Следит, на небе восседая,
Доброжелательно за ней.

Перемахнувши океаны,
Летит, родимая, и тут,
Уже окутана в туманы
Стихов и анекдотов рьяных,
Поскольку спутником зовут.

Хочу проникнуться я снова
Значеньем трепетной звезды —
Истории последним словом,
Войти в бессмертие готовым,
Открытий потеснив ряды.

Она торопится куда-то,
Двадцатый освещая век,
А у простой саманной хаты,
В ее полете «виноватый»,
Стоит лукавый человек.

Ей виден на земле лишь разум.
Не хочет замечать она
Ни источающего фразы,
Ни хитроумного пролазы —
Все стушевала вышина.

Звезда нас видит с небосклона
Куда добрее и умней,
Чем с Ассамблеи пустозвоны,
Что, обходя в ООН законы,
Стремятся страх вселить
в людей.

Проходит светом надо мною
Столетий трудная мечта,
Приветом смолкнувшим героям,
Не знавшим до конца покоя,
Которым снилась высота.

Она летит, как будто песня
Людских дерзаний и тоски,
По золотому занебесью,
Куда добраться не надейся,—
Уж больно сферы высоки.

И этот славный путь в далёко
Открыл не кто-то — мой народ!

Да вот он поступью широкой
Оттуда, где комбайнов рокот,
С лицом обветренным идет.

Доселе в памяти хранится,
Как в те, в былые времена
Народ взметнул своей десницей
Ивашку в небеса,
как птицу,—
До сей поры летит она!

Народ мой синие разряды
Средь облак первый приручил
И человечеству в награду,
Преодолев веков преграды,
Свой искрометный дар вручил.

Пусть отведут глаза иные,
Чтобы не видеть свет звезды.
Сквозь неурядицы земные
Взметнули мы ее впервые —
И не стереть ее следы.

Я помашу ей на прощанье.
Лети, родимая, лети
Бесценной, многотрудной
данью,
Сквозь голубое мирозданье
Лучами русскими свети!

X

Земля, политая железом,
Чужою кровью и своей,
Ты вся в рубцах, ты вся
в порезах,
Но как разлив пшеницы дерзок
По всей Орловщине, по всей!

Одна беда вот — рук нехватка.
И, оторвавшись от стола,
Оставив книги и тетрадки,
Сменив квартиры на палатки,
Студентов армия пришла.

...Стучит ритмично молотилка
И за снопом глотает сноп.
Как золотистые опилки
На лесосеке из-под пилки,
Половы высится сугроб.

Взвалив мешки с зерном
на спины,
К амбару женщины спешат...
Зерно идет — идет лавиной!..
Вот, ношу с плеч проворно
скинув,
Они торопятся назад.

Одна — в отцовском старом
френче,
Другая — в куцем пиджачке.
Скупы на шутки и на речи...
Оттянуты мешками плечи.
Горят мозоли на руке.

Теперь с рассвета до рассвета
Девчата с тока не сойдут,—
Коротки зори спелым летом.
Коль пропустил ты время это,
Считай, насмарку весь твой
труд.

Мне не дает покоя дума:
«А в этот час увидишь ты:
Уж кое-кто торчит у ГУМа...
Сверкает лак моднейших
сумок...
Не косы — «конские хвосты»...

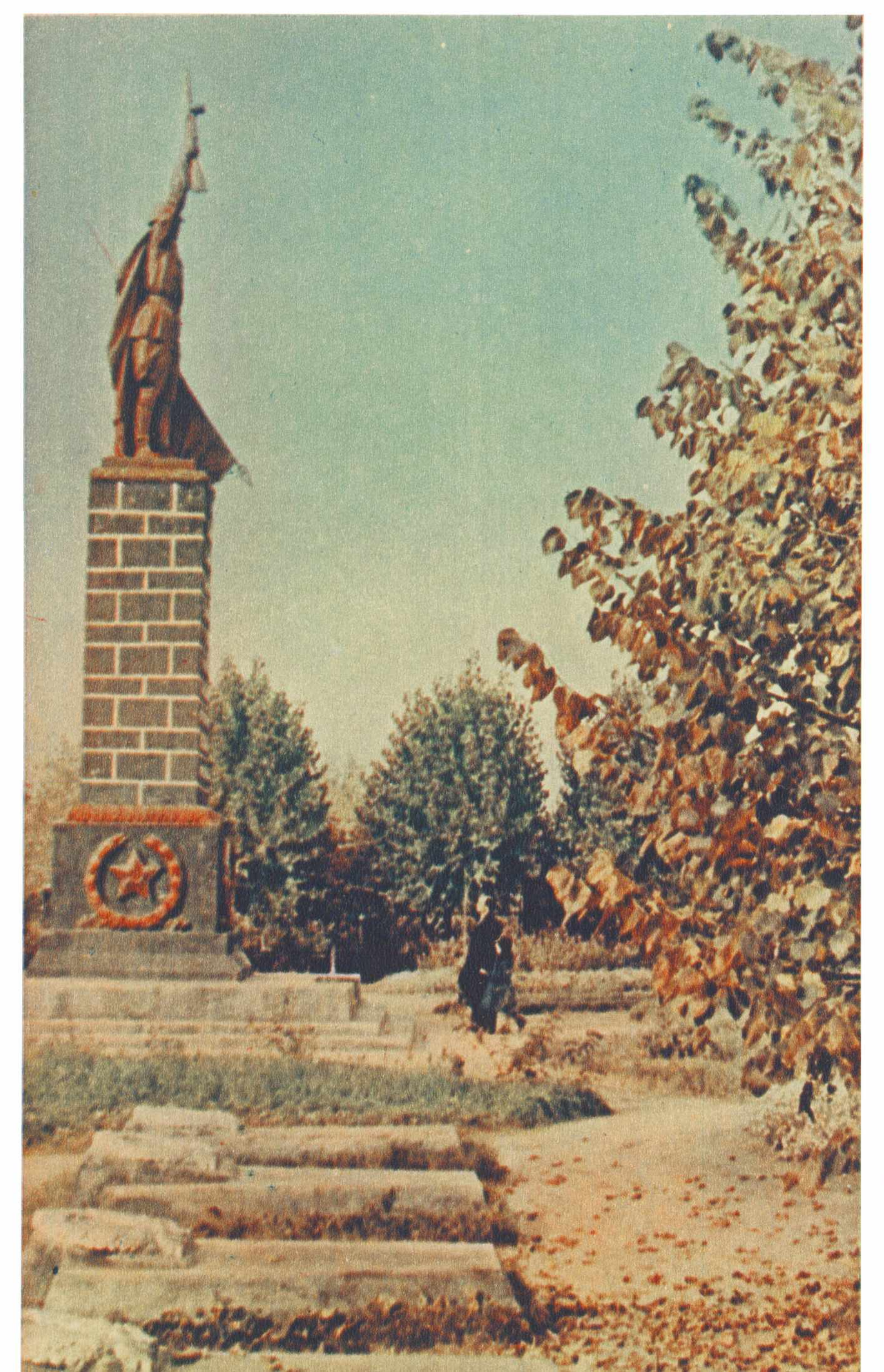
Сказал, и рифмы жалко стало.
Я знаю: та ведь не прочтет,
Кого мое коснулось жало,—
Такие изо всех журналов
Читают лишь журналы мод!

...Когда сидишь, мой друг,
за чаем
В квартире светлой вечерком,
За разговорами скучая
Или остроты расточая,
Случайно не забудь о том,

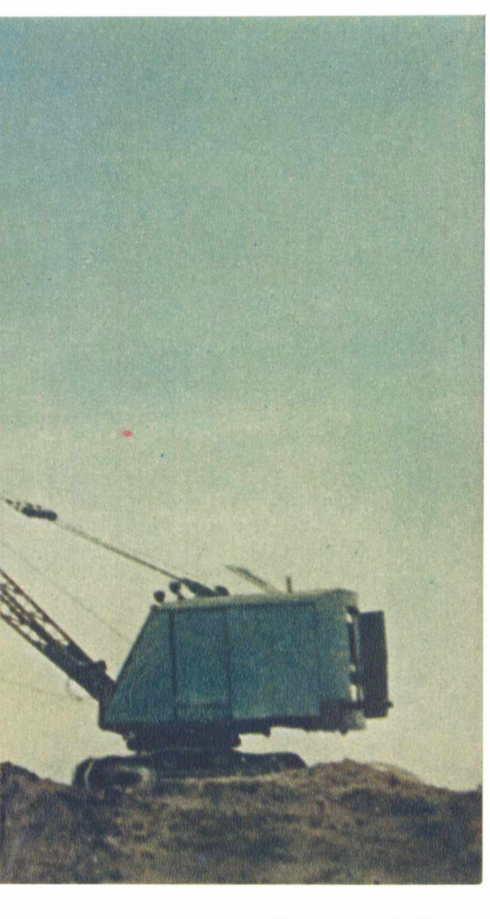
Кто в степь торопится
до зорьки,
Успевши на часок прилечь,

Курск. Улица Дзержинского.
Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

Курская магнитная аномалия. Прокладывается железная дорога к новому Яковлевскому месторождению.

Здесь, у села Крапивинские дворы, покоится прах героев, павших в битве на Курской дуге (фото слева, внизу).

←

На станции Прохоровка построена новая средняя школа.

При Курском городском доме пионеров создана швейная фабрика, где девочки с увлечением учатся кройке и шитью. Овладевшие мастерством шьют одежду для малышей. Продукцию этой фабрики охотно покупают куряне в магазине «Детский мир» (фото справа, вверху).

→

Доярка колхоза имени Сталина Фрося Курская за высокие надои молока награждена орденом Ленина (Шебекинский район, Белгородской области).

У села Прелестного (Белгородская область) мирно пасется стадо сельхозартели имени Сталина. Пятнадцать лет назад здесь был Прохоровский плацдарм, вошедший в историю после исторического сражения на Курской дуге.

Кто, задержавшись на пригорке,
Обводит поле оком зорким
И видит: надо поднаплечь!

Потом, лучами налитая,
Горой пшеница на токах.
И вот буханка золотая,
Огнем прихваченная с края,
В твоих, хозяюшка, руках.

Идут, идут весь день машины
С ядреной свеклой в кузовах...
Чу! Слышу чей-то писк
мышиный:
«Да это ж проза! Нет пружины!
Где поэтический размах!!»

А тот размах — в степном
раздолье!
Войду в вагончик полевой,
Где о твоей счастливой доле,
Народ, не думать я не волен,
Захвачен новою главой.

XI

Привет, село Прелестное,
Душе моей любезное...
Найду ль под крышей место я!
А ну, попробую зайду
Вот в ту избу, что на виду!

Край конопляный, яблочный,
В ночных огнях загадочный,
Что словно отблеск сварочный...
Сейчас я в гору поднимусь,
В резные двери постучусь.

Копной волос увенчана,
Ни бойко, ни застенчиво
Меня встречает женщина.
Ей можно смело сорок дать,
Одновременно — двадцать пять.

Глаза ее усталые,
Как васильки привялые:
Видать, судьба не балует!
— Кого! — спросила синью
глаз.
— Нельзя ли мне попить
у вас!..

И мы проходим в горницу.
У двери кот сторонится.
— Ну, будем, что ль,
знакомиться!
Сказала: — Дашею зовут...
Не знаю, как сдержался тут.

Нет, не узнала встречного
Однополчанка вечером...
Полна тепла сердечного,
Парного ставит молока.
У крынки потные бока.

Уж это так положено:
Напой, согрей прохожего,
Дня пожелай погожего.
Законы эти наизусть
Извечно знает наша Русь.

Ах, Даша, Даша! Помнится,
Была ты чуть не школьница,
Коснуться и в бессонницу
Тебя мы в мыслях не могли
И друг от друга берегли.

Бойцу казалось каждому:
Его любви лишь жаждала.
А ты совсем не нас ждала.
Ждала другого... А кого!
В лицо узнала бы его!..

Постель твоя высокая,
Как видно, одинокая...
Тебя спросил жестóко я:
— Хозяин скоро ли придет!
Сурово сжался скорбный рот.

Зачем же тут расспрашивать!
Дела ума не нашего!..
Мы замолчали с Дашею.
Лобастые, легко дыша,
Смотрели сны два малыша.

С медведем доморощенным
Уснула безотцовщина,
Ничем не озабочена...
Дочурка и курносый сын...
Тихонько тикают часы...

Смущен своей догадкою,
Склонился над кроваткою,
Дощатою и шаткою.
Коснулся я льняных колец:
Сам тоже, как-никак, отец!

Тут Даша лампу подвернула:
— Фу, бестия, коптит опять!
И, опершись на спинку стула,
Как будто невзначай зевнула.
Я понял: да, пора ей спать.

Сошел по лесенке скрипучей.
Прощайте: надо, мол, идти!
...Один вопрос дорогой мучил,—
Не осушить ей слез горючих...
Я долго размышлял в пути.

Я думал: есть ли оправданье
Тому, кто в несчастливый день
По-воровски, на зорьке ранней,
Жене промолвив «до свиданья»,
Подался прочь из деревень!

Я думал, долго засыпая,
На душном сене под луной:
«Ах, Даша, гордость полковая!
Ты, значит, вот теперь какая...
Да, нелегко тебе одной!»

Увидеть, как мы постарели,
Помогут наши сыновья...
А вот поля помолодели,
И в каждом ты заметишь деле:
Бунтует молодость твоя.

Она в пути, что нами пройден
Сквозь бурю и палящий зной,
Осталась песнею в народе.
Она в заре, что, словно орден,
Встает над утренней землей.

Она садами закипает.
Она плодами рвется к нам.
Вдаль над полями пролетая,
Осенняя курлычет стая
Как будто гимн твоим трудам.

Я вижу в яблочном свеченье
Былую свежесть милых щек.
О, жизни вечное кипенье!
Идет на смену поколенье
Как сквозь увядший лист
росток...

XII

Я снова прутиком сбиваю
С травы холодную росу.
Лежит от края и до края
В лучистом блеске степь родная,
Что в памяти всегда несу.

Широкой радугой вставала
Орловско-Курская дуга.
Тут слава русского металла,
Заката вечного начало
Для сокрушенного врага.

О дым Отечества! Сегодня
Раскованно и полноводно
Ты над заводами свободно
Идешь, как зыбкая река,
Тесня седые облака.

Как запах лугового сена
И дух березы несравненный,
Теперь мне нужен непременно
Гудящий в топках антрацит:
Он мне о многом говорит.

Приятен мне пейзаж родимый,
Коль пахнет рядом тес
смолимый
Иль грузовик несется мимо...
Мне дорог стройки аромат,
Как для курящих — самосад!

Не спят подземные глубины:
Идет магнитных руд лавина...
Мне эта по душе картина!
Летит сторонкой самолет:
Так лучше — компас не соврет.

Видны далёко, как титаны,
Подъемные стальные краны.
Они сияют сквозь туманы
Индустриальною красой
Над черноземной полосой.

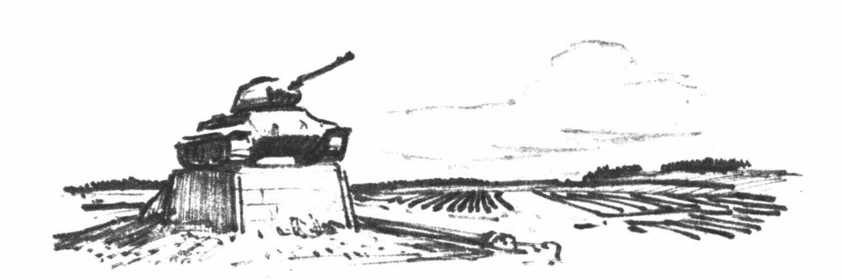
Повсюду ночь огни метнула:
Зеленый, красный, голубой...
Москва — Воронеж, Киев —
Тула...
Проносятся машины с гулом
Орловско-Курскою дугой.

Сегодня ты уже на свете,
Куда ни глянешь, друга
встретишь.
С друзьями вместе веселей!

Плечом к плечу идем с Китаем,
С друзьями близкими сейчас.
А рядом, зноем налитáя,
Ярмо неволи разрывая,
Взирает Африка на нас.

В твои натруженные руки
Я твердо верую, народ!
Познавши горести и муки,
Пожар войны, беду разрухи,
Их сила все переживет!

Они снесут, что одряхлело,
Чему давно пора на слом.

...Твоя дорога, поколенье,
Сюжетом стала для меня.
В лесу встречаю новый день я,
Сухие вороша поленья
У разведенного огня.

Я не хулю квартир столичных,
Но ты милее мне, шалаш.
Ухой поужинав обычной,
Я засыпаю здесь отлично.
За это многое отдашь!

«Сюжет — дорога! — критик
спросит. —
А где ж герой привычный наш!
Он даже имени не носит,
Как будто пить и есть не просит!
Да это ж просто репортаж!»

Герой! Его поймешь не сразу,
Хотя он высится горой.
Твое начало он и разум,
Не всем его измерить глазом:
Народ — заглавный мой герой!

Вперед, вперед зовет дорога
Простором солнечных полей.
И видишь, нет конца тревогам:
Как все заметить, чтоб о многом
Сказать вам в повести моей!

Осенней тронут позолотой,
Вздыхает глухо Брянский лес,
Как будто море за работой
В утесы бьет волной с налета,
Тугим ветрам наперерез.

XIII

Не скроешь, нелегко порою...
Да и возможно ль без помех
Идти путем, где нет покоя,
Впервые в жизни счастье строя
Не для избранников — для всех!

А вдалеке, за океаном,
Несется злобная молва,
Что ничего не выйдет с планом
Без капиталов иностранных!..
Но это тщетные слова!

Возрадуйся, Отчизна, вою:
Приятней в мире нет рулад,
Чем вражья злоба со слюною.
Мы, видимо, чего-то стоим,
Коль так истошно там кричат!

Собака лает — носит ветер.
Иди дорогою своей.

Поддержат горячо и смело
Любое молодое дело,
Нежданное, как первый гром!

Туда, где мертвые пустыни,
С собою свежесть принесут.
Там, над песками золотыми,
Овеяны прохладой синей,
Каналы новые блеснут.

Из темных недр земли горячей
Те руки клады извлекут,
Решая трудные задачи...
Вот что такое руки значат,
Влюбленные в прекрасный труд!

Украсят землю звонкой песней,
Раскинут всюду вешний сад
На зависть злому мракобесью.
На эти руки ты надейся:
Они волшебны, говорят!

Прильни к ним теплыми губами:
То руки Родины твоей!
Встань под ее святое знамя,
Что, как восход, горит над нами,
Зовя на подвиг сыновей.

Мозолистые руки! Слава
Вам, дорогие, на века!
Своею силой величавой
Лишь вам обязана держава,
Как горным ручейкам — река!

Сталинград — Воронеж — Курск.

Запах сена

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Каждая пора отмечена своим запахом. Душно пахнет амбарной пылью во время жатвы; пряным духом смородинного листа и укропа тянет по селу, когда хозяйки солят огурцы; тонкий аромат осени — аромат антоновки — стоит в садах в пору их спелости; и точно так же свой неповторимый запах имеет сенокос. Сухой ромашкой, поповником, мятой, мышиным горошком, клевером—всем букетом разнотравья пахнут тогда волосы и кофточки девушек, ладони косцов, телеги, вилы, грабли, и кажется, что сам воздух от земли до облаков полон дурманными испарениями скошенных трав.

Бедовые мысли рождает в голове этот запах...

1

Под утро черный козел лег рядом с Андреем Фомичом. Андрей Фомич испугался. Отпихнув вонючую животину, выскочил на четвереньках из шалаша, ткнулся в траву и долго лежал, оттягивая на груди против сердца взмокшую от пота рубаху.

Отдышавшись, сел.

Утро занималось тяжелое, пёклое. На востоке, зловеще облитые по рваному гребню оранжево-дымным светом, громоздились тучи; из кустов душно тянуло ивовым сухостоем. Старая стреноженная кобыла, опустив голову, стояла над Андреем Фомичом и странно косилась на него лиловым глазом, полным тревожной печали.

«Приснится же такая погань трезвому человеку...— подумал Андрей Фомич,— просто тьфу!»

В стороне, у костра, уже хлопотала стряпуха. Андрей Фомич подошел к ней и рассказал про сон.

— Батюшка ты мой! Не иначе, как дома у тебя нехорошо! — ахнула стряпуха.

— Брось! — нахмурился Андрей Фомич.— На все у вас приметы да поверья, б-бабы...

Он посидел у костра, повздыхал, а когда стряпуха обмолвилась о том, что на стане подходят харчи, обрадовался случаю, распутал кобылу и поехал в село.

Конец был не близкий. Погонять Андрей Фомич боялся, ехал без седла, подложив драный ватник, и пузатая, с провалившейся спиной кобылка едва переставляла мослатые ноги, озабоченная тягучей лошадиной думой о жаре, слепнях, об усталости и корме.

Наконец впереди приметными издали вехами — колокольней без креста, силосной башней и кривой скворечней над избой придурковатого пастуха Феди-черта — обозначилось село. По обе стороны дороги распахнулось широкое ржаное поле. Ветер слегка волнил рожь, взвивал над полем солнечную пыль, и в ней, трепеща сетчатыми крылышками, упоенно купались головастые стрекозы, покамест беззаботный жизненный путь их не пересекался со стремительным ломаным полетом стрижа.

Выпрямившись, Андрей Фомич с удовольствием подставил ветру потное лицо и, вдруг усмехнувшись, придержал лошадь. Сверху ему хорошо было видно, как, сидя на закрайке поля, под березовым пряслом, целовались парень и девка.

«Совсем заломал сердешную,— любуясь, подумал Андрей Фомич.— Интересно знать, кто такие».

Побагровев до самых плеч, он вытянул шею и вдруг изо всей силы дернул уздечку. От неожиданности кобыла нашла в себе достаточно прыти, чтобы пуститься вдоль прясла рысью, но когда донесла Андрея Фомича до места, где только что целовалась дочь его Верка, там никого не было.

— Др-р-рянь! — заревел Андрей Фомич.

Не помня себя, он сунулся с лошадью прямо на прясла и замахал сложенным вдвое куском веревки.

— Вылазь сей минут! Все равно вижу, где ты есть, окаянная!

Но ветер уже заровнял след, и только далеко-далеко во ржи мелькнул белый платок.

— Ужо ж тебе! — погрозил Андрей Фомич в сторону поля.

Он стал выворачивать на дорогу, но в это время из колосьев высунулся парень в круглой блинообразной кепочке и, стоя по плечи во ржи, насмешливо сказал:

— Здорово живешь, Андрей Фомич!

— Здравствуй, светел месяц!

Андрей Фомич прищурился, вглядываясь в цыганисто-темное лицо парня, и на всякий случай крутнул через кулак конец веревки.

— Ты чей же будешь?

— Здешний.— Резко разбрасывая перед собой колосья, парень подошел к пряслу, легко перемахнул через него и глянул на Андрея Фомича снизу желтыми ястребиными глазами.— Не признаешь?

«Вот он, черный козлище-то!..» — мелькнуло у Андрея Фомича. Он растерялся и совсем неподходящим тоном ухмылки сказал:

— Ну, а где ж твоя краля бубновая?

Парень неопределенно махнул рукой.

— В рожь брызнула. Сам теперь не найду, как ты пуганул ее.

— А ты, значит, вернулся...— Андрей Фомич кашлянул.— Вот что,— овладев наконец собой, твердо сказал он,— девки моей больше не касайся. Понял?

— Как не понять!

— Ну то-то.

— Только знаешь, Андрей Фомич... У нее своя голова.

— Своя, да зелена еще. Тебе на этом играть не след. Для баловства вон вдовы на селе есть.

— Об этом ты за меня, Андрей Фомич, не старайся! — усмехнулся парень.

— Нужен ты мне! — Андрей Фомич даже плюнул. — Только насчет дочери наперед упреждаю: не касайся. Не нашего ты поля ягода.

Разговаривая так, они двигались по дороге: парень — впереди, помахивая сорванным колоском и с усмешкой кидая слова через плечо; Андрей Фомич — сзади, тиская в потной руке веревку и с вожделением глядя на его смуглую шею с черной косичкой отрастающих волос. Он было попробовал обогнать парня, но кобыла, израсходовав весь запас сил, уже не слушалась ни узды, ни веревки. И тогда Андрей Фомич пошел на унижение.

— Послушай, ты! — крикнул он, страдальчески морщась.— Сделай милость, ступай сзади, а то, не ровен час, ожгу я тебя по шее.

— Охота мне твоей кобыле под хвост глядеть! — небрежно отозвался парень.

И Андрею Фомичу до конца пришлось вытерпеть муку бессильной ненависти, пока у сельских сараев не разминулись их дороги.

2

Освободившись по амнистии из заключения, Сашка решил не возвращаться в Токовец. Но в Кирове первый раз после долгого перерыва выпил на вокзале, купил зачем-то в ларьке деревянную матрешку, вспомнил, что на его родине тоже точили такие, и загрустил. А через два дня уже стучал в резной наличник бабушки Лопаты.

Наутро, поднявшись выше корявых ветел, побитых грозами, солнце ударило через широкую щель сеновала плоским лучом в глаза Сашки, и, просыпаясь, он услышал звон отбиваемой косы.

И луч солнца и этот звон сразу наполнили Сашку ощущением праздника. Он скатился с сеновала, глубоко хватнул росистого воздуха и зажмурился. Утро было такое светлое, такое лучистое, что, не зажмурившись, нельзя было смотреть на белесоватое от поднявшегося тумана небо, и на рябившую реку, и на голубые впадины заречных озер, и даже на лебеду и полынь у плетня, обметанные мелкой серебристой росой.

Сладко пахло с заречных лугов медоносными травами.

Чтобы во всем отметить этот день, Сашка старательно умылся в огороде у колодца с гнилым срубом, обросшим твердыми древесными грибами, надел чистую рубаху и по совету бабушки Лопаты отправился на кладбище поклониться родительским могилам.

Там, среди зарослей сирени, бузины и жимолости, он с трудом нашел два гнилых креста. Под одним из них лежал его отец, под другим — мать. Отец был искусный столяр и при жизни делал всем покойникам отличные кресты. Он любил повторять, что, почуяв смерть, сколотит и себе такой же, чтоб быть не хуже людей, но смерть застигла его врасплох. Напарившись в бане, он в один дых выпил стакан водки и вдруг, как тряпичный, поехал с лавки на пол.

Мать тоже умерла внезапно. В первую военную осень она поехала на городской базар продавать капусту, припозднилась и заночевала в Доме колхозника. Ночью началась тревога, единственная ненапрасная в этом городке тревога за всю войну. Мать выбежала во двор к коню, и там воздушной волной ее хлобыстнуло о бревенчатую коновязь.

Потоптавшись у могил и не зная, что нужно делать, Сашка достал ножик, вырезал на кресте «Не забуду мать родную» — точь-в-точь как было выколото у него на руке — и пошел прочь.

В то утро целый поток, целое половодье солнечного света затопляло землю. Выбравшись из кладбищенских зарослей, весь в росе, в паутине, Сашка увидел перед собою синюю ветреную речку с белыми, как гуси, бакенами, сочно-зеленые рощи левобережья, небо без единого облачка, золотые, в буйной поросли лютика луга и вдруг запел. Запел без слов, издавая какие-то нелепые, но полные ликования звуки, потом бросился в траву, перевернулся и, смеясь, побежал вприпрыжку к селу.

В прогоне ему попалась девушка, которая осторожно, точно кошечка-чистюля, пробиралась по тропке через круто замешенную скотиной грязь.

Сашка загородил ей дорогу и спросил:

— Чья?

— Лаптева...

— Верка? — изумился он.— Девкой стала!.. Меня признаешь?

— Никого я не знаю.

Она попробовала обойти его и одной ногой сорвалась с тропинки в грязь.

— Ага! — торжествующе крикнул Сашка.

Пока она вытирала о подзаборный лопух испачканную тапку, он вдруг вспомнил далекий летний день, когда гнал стадо вдоль реки и увидел на прибрежном песке Верку. Она подпрыгнула, точно пружинка, закрыла рубашонкой грудь — два остреньких бугорка со смуглыми сосками — и стремглав убежала в кусты.

«Вот ведь дела!» — неопределенно подумал теперь Сашка и, вздохнув, спросил:

— Значит, не признаешь? Помнишь, я с Федей-чертом скотину пас?

Круглые, в мохнатых ресницах глаза с испугом остановились на нем.

— Вроде помню...— сказала Верка, ступая босой ногой на грязную тропу.— Это тебя в тюрьму посадили?

— Меня! — обрадовался Сашка.— Ну, чего вылупилась? Я по амнистии вышел. Законно. И паспорт есть.

— Чего ж ты тут?

— А ничего! Вот ночевал у бабушки Лопаты, а теперь по селу хожу. Может, насовсем останусь. Эх, Верка!

Он крепко прижал ее к себе, повернул, чтобы разминуться на узкой тропе, и пошел своей дорогой, заорав во все горло:

По-ми-рать нам ра-но-ва-то...

А Верка так и обмерла на месте от страха: «Ну, ежели видел кто, как он озорничал тут!..»

Через два дня ей случилось ехать на попутной машине с базара; сидела в кузове одна, придерживая коробицу с молочными четвертями, и вдруг на выезде из города через борт перевалился Сашка.

— Ага! — сказал он.

Сел рядом, прикрыл ее от ветра полой пиджака и стал целовать сначала в щеку, потом в губы, в глаза, в нос... Такой момент угадал, что и бежать некуда.

Трудно, в приступе какого-то телесного и душевного гнета пережив ералашную пору весны, когда с тихим шуршанием рушились подтаявшие сугробы, когда растревоженно кричало сносимое ветром мокрое воронье и воздух горько, отравно припахивал корой осин, тополей и черемух, Верка в то лето была особенно счастлива и без причины весела. Новой радостью стала для нее первая стыдливая любовь к Сашке. С каким-то удивленным вниманием, точно не понимая, что с ней происходит, останавливалась Верка перед зеркалом, заглядывала в свои мохнатые глаза и все запрокидывала голову, чтобы почувствовать на затылке приятную тяжесть густых волос. Часто она тихо смеялась наедине с собой. Ее радовало, когда по всему дому, хлопая занавесками, гуляли солнечные сквозняки, радовало прикосновение к плечам и груди теплой от утюга кофточки, радовали запахи сада, реки, лугов — радовало все, что помогало ей ощутить в каждой клеточке своего существа неиссякаемый запас молодости, чистоты и энергии.

3

Вечером, возвращаясь с огородов, бабы отдыхали на свежих копнах сена и рассказывали такое, что молодые девчонки дружно ахали и закрывались рукавами.

Верка, зарыв в теплое сено захолодавшие на вечерней росе ноги, думала о своем. Давеча, ощипывая ромашку, она загадала: если выйдет «чет», значит, отец не стал дожидаться ее и уехал в луга, если же — «нечет», то сидит дома и ждет. Выпал «чет». Верка успокоилась, но теперь, по дороге к дому, попробовала испугать себя: «Ждет»,— и ей вдруг на самом деле стало и тревожно, и стыдно, и страшно.

К избе она подошла не сразу, а петляя и часто останавливаясь. Окна горницы ярко светились электрическим огнем, по занавескам метались широкие тени.

«Так и есть! Ждет!» — подумала Верка.

Она тихо подобралась к окну, заглянула в щель между занавесками и обомлела. Мать, разбирая постель, сердито месила кулаками подушки, а отец... Отец сидел за столом, курил и, хмуря пучковатые брови, с силой выдувал дым так, что он клубящимся пятном растекался по крышке стола. Верка с детства привыкла видеть отца таким лишь в самые трудные для семьи минуты и теперь поняла, что ей несдобровать. Тогда она села на завалинку и заплакала. Инстинкт самозащиты подсказал ей испытанное бабье средство, и она плакала долго, добросовестно, пока опасение, что эти невидимые миру слезы пропадут напрасно, не придало ей решимости и не заставило подняться. Не вытирая слез, чтобы явиться перед отцом во всем своем обезоруживающем ничтожестве, она направилась к крыльцу.

— Явилась! — встретила ее мать.— Наревела бесстыжие-то глаза!

— Мы не просто так, мы пожениться хотим! — выпалила Верка.

— Обрадовала! — Мать привалилась к стене.— Слышишь, отец? Этакого кота да в дом! И на порог-то не пущу!

В кухню шагнул Андрей Фомич.

— Ступай спать! Завтра со мной в луга поедешь. С глаз не спущу, окаянную!

Верка опять хотела пустить подобающую случаю слезу, но вместо жалости к себе вдруг почувствовала возмущение:

«Помыкают, как маленькой!»

Вскинув голову, она прошла мимо отца в горницу и, сошвырнув с кровати кошку, сердито сказала:

— Лазай тут! Я-азва...

И стала раздеваться.

4

Бригада Андрея Фомича Лаптева только что управилась с обедом. Стряпухи мыли в ржавом луговом водоемчике посуду, косцы, спасаясь от комаров, спали на открытых местах на ветерке.

Что-то спугнуло чуткий Веркин сон. Она села, поскребла искусанные комарами ноги и, прикрыв их подолом, хотела опять уснуть. В это время грязный комок дерна ударил ее по руке. Тихо вскрикнув, она оглянулась.

Из кустов махал своей кепочкой Сашка.

Сердце у Верки запрыгало где-то в горле, но поднялась она спокойно, даже зевнула, потягиваясь, и только когда кусты скрыли ее от глаз Андрея Фомича, со всех ног бросилась к Сашке.

В парном безветрии ольховой крепи стоял мощный комариный гуд, смрадило гнилым листом, подопревшей корой, тухлым болотом. Размазывая по лицу и шее кровавое комариное месиво, Сашка и Верка сидели на осклизлых корнях ольшаника.

— Не задалось! — зло сказал Сашка. — По-хорошему хотел, а они как от чумного... Выходит, я и девку посватать не могу, сволочи!

Верка прижалась к нему и почувствовала, как напряглось, словно перед прыжком, его сухое, мускулистое тело.

— Сашок, Сашок,— забормотала она,— остынь. Ты посиди со мной, остынь, люба...

— Уйдем отсюда,— сказал Сашка.— Через брод — и айда. Уедем на целину, там народ нужен, не пропадем.

— Да как же, люба? Нельзя...
— Уйдем!
— Нельзя, люба...
Сашка с трудом оторвал от себя ее руки.
— Ну, а мне тут нельзя. Думал, вместе бедовать... Не задалось!
Верка опустилась на лиственный тлен, на сочившуюся гнилой водой землю и прижалась щекой к его коленям.
В кустах на болоте заплакал кулик.

5

Сашка тосковал.
Проснувшись поутру, садился он на крыльцо, выдергивал из плетня прут потолще и начинал строгать его ножичком. Из-под лезвия, сворачиваясь в кольца, бежала тонкая, как бумага, стружка. Вокруг крыльца было белым-бело от мусора. По нескольку раз в день из избы выходила бабушка Лопата, сухая, широкая и чем-то действительно похожая на деревянную лопату старуха. Она не говорила Сашке ни слова, а только смотрела сверху на его затылок с косичками отрастающих волос и вытирала сухие красные глаза концом головного платка.
— Строгает? — встретив ее где-нибудь в селе, спрашивал маленький кривоногий участковый милиционер Анчуткин, пристегнутый к большой желтой кобуре.
— Строгает, батюшка. Как есть целый день строгает. Весь плетень раздергал,— жаловалась бабушка Лопата.
— Ты смотри, старая! — предупреждал участковый.— Знаю я этих строгальщиков! Сейчас он прутик строгает, а завтра дебош учинит.
— Типун тебе на язык, Николашка! — в страхе махала руками бабушка Лопата.
— Верно говорю,— мрачно вещал Анчуткин.— Ведь он у тебя шальной. Забыла разве, за что сидел? Пуще всего от вина его отстраняй. Деньги-то он имеет?
— Должно, имеет. Шаль мне привез. Козьего пуху.
— Деньги изыми у него, припрячь. Поняла?
— Поняла, батюшка.
— То-то, старая.
Что и говорить, любил Коля Анчуткин нагнать страху на слабый пол.
На людях же был он застенчив, и поэтому, когда Сашка, мрачный, с тяжелым взглядом исподлобья, в кепочке на затылке и пиджаке на одном плече, появился вечером на «пятачке», как называли это утоптанное до каменной твердости место, где молодежь «дробила елецкого», Анчуткин нерешительно попросил его уйти домой.
— Шалишь, гражданин начальник,— вызывающе громко сказал Сашка, грозя ему пальцем.— Не имеешь права. Вот раскокаю я стекло или в лоб кому-нибудь закатаю, тогда можешь. Тогда бери меня, строчи протокол, клей мне статью. А пока я стою спокойно — извини! Правильно, граждане?
— Ну что ты прилип к человеку, оставь его! — загудели граждане, по опыту своему считавшие за благо не задевать Сашку, и Анчуткин отступил.
Бесцеремонно потеснив девушек, Сашка сел на скамью, подпер голову кулаками и, когда гармонист вывел «Дунайские волны», вдруг грустно попросил Анчуткина:
— Послушай, Коля, посиди, друг, со мной, я тебе расскажу.
— Не могу, Саша, я при исполнении,— тронутый его тоном, сказал Анчуткин.
— Ляд с ним, с исполнением. Посиди! Помнишь, как ты меня прошлый раз брал? Я тебе воротник порвал, помнишь? За сопротивление мне тогда лишнюю статью вклепали, но ты меня все равно прости. И посиди, я тебе расскажу...
— Просит человек, уважь! — пристыдили Анчуткина граждане.
И Анчуткин, сконфузившись, сел на кончик скамьи.
— Кто я? — в упор спросил Сашка.
Тяжелый взгляд его выжидательно остановился на участковом, и, когда тот в замешательстве забегал пальцами по своей портупее, Сашка вздохнул:
— Эх, Коля! Даже девок от меня прячут. Верку Лаптеву отец в луга увез... Я тебе сейчас расскажу.

Со стороны за ними наблюдали любопытные. Словоохотливый, бойкий мужичонка, какие всегда, незнамо зачем, трутся около молодежи, доверительным полушепотом рассказывал:
— Озорник этот Сашка. Беда, какой озорной! За озорство свое и под судом был. На что уж Федя-черт — смирный человек, уветливый, так Сашка и его чуть вовсе не извел. На кнуте грозил повесить, утопить хотел... Ну, право, озорник! — с неожиданным восхищением закончил он.
— Врешь! — крикнул Сашка.— Раз амнистия, значит, все. И никаких. Не гляди, Коля, я ему в морду дам.
Он привстал, сжимая кулаки, и это послужило сигналом к единодушному возмущению присутствующих поведением Анчуткина.
— Унять хулигана надо, а он рассиживает с ним, как побратим. Милиция называется!
Сашка махнул рукой, как-то расслабленно ссутулился и пошел прочь. Так он ничего и не рассказал Анчуткину.

6

Сашка помнил то далекое утро первой военной осени, когда он насмерть был перепуган стуком в дверь, от которого задрожала вся изба и в сенях покатилось пустое ведро. Он выскочил на крыльцо и увидел там секретаря сельсовета, или попросту «сельсоветовскую Глашку», со сбитым на затылок платком и круглыми от страха глазами.
— Парень! — крикнула она, словно он был очень далеко от нее.— Мать-то убило!
— Как убило? — растерянно спросил Сашка.
— Ох, не знаю... Звонили из города, говорят, Пелагею Раздольнову бомбой убило. Беги скореичка на конный, там лошадь запрягают!
Вместе с бабушкой Лопатой Сашка погромыхал на подводе в город.
Мать они нашли в хирургическом отделении городской больницы. На тихом и чистом больничном дворе повсюду лежали паутинчатые тени голых деревьев, няни в белых халатах тащили куда-то ослепительно начищенные баки, дворник сметал в пирамидки пестрые листья, и Сашка, пока шел через двор, успокоился: казалось, если уж человек попал сюда, то ему ни в коем случае не дадут умереть.
В палате мать была одна.
— Что ж это, Пелагеюшка? — с плаксивой укоризной спросила бабушка Лопата, словно мать была сама виновата в случившемся несчастье.
— Сашку! — прохрипела она в ответ.
Услышав из-под маски бинтов этот до неузнаваемости изменившийся, но все же материн голос, Сашка вздрогнул. Ему вдруг вспомнилось, как летом посреди села грохнулась оземь лошадь, на которой везли в клуб киноленту, и, судорожно вздрагивая, начала биться. Ее голова на длинной шее хлестала по земле, как свинчатка на конце кнута; надкушенный лилово-синий язык вывалился из оскаленного рта, но, видно, какая-то внутренняя боль была еще сильней, и лошадь не чувствовала ничего, кроме нее.
— Голову ей держите! Голову!.. Не подходи, убьет! Жеребенка прогоните!..— кричали вокруг.
Стройного, легкого молочничка, кружившего возле матки, загнали в телятник.
Лошадь в последний раз вытянулась каждым мускулом и замерла.
Это мгновенное, словно вспышка, воспоминание как-то смяло Сашку. Он шагнул к матери и едва слышно повторил укоризненные слова бабушки Лопаты:
— Что же это, маманя?..
— Слышь, сынок! — позвала она.— Помру, как жить-то будешь?
— Как все...— ответил он.
Мать усмехнулась горько и ласково:
— А ты знаешь, как все-то живут?..
По неписаному закону деревни, осиротевшего Сашку взял на свое попечение «мир». На трудодни в колхозе выпадало тогда негусто, и его определили в пастухи: они имели гарантированный заработок и харчевались в каждой избе поочередно.
С Федей-чертом Сашка не ужился. Для старух Федя был божьим человеком, для ребятишек — забавным дурачком, но Сашка-то уж знал, что это просто хитрый и жадный лентяй. Его не могло обмануть ни то, что Федя пил из дождевой лужи, ни то, что раны на своем теле врачевал, привязывая к ним жабу, ни то, что не умывался ни зимой, ни летом. Сашка говорил ему:
— Я жрать при тебе брезгаю.
Федя, сбрасывая личину юродивого, скалился и отвечал:
— Дурачком-то легче. Меня вот и на войну не взяли.
Сашку, у которого война унесла мать, оскорбляли эти слова, и он, когда подрос настолько, что мог не бояться Фединых кулаков, отплатил ему. Проходя высоким берегом реки к водопою, он легонько поддал плечом, и Федя скатился в воду, сразу попав на крутящуюся под яром быстрину. Плавать он не умел. Сашка дал ему уцепиться за конец кнута, приподнял немного и снова пустил. Так полоскал он его, пока Федя не начал икать и синеть.
— Наконец-то я тебя отмыл, черта,— сказал Сашка, выволакивая его на берег.— Смотри помалкивай, а то в другой раз совсем утоплю или удавлю кнутом на осине.
Завизжав пронзительно, дико, как заяц, Федя бросился в село, ударился там оземь и задрыгал ногами. Сбежались люди, ахали, грозили Сашке расправой.
В глазах «мира», когда-то опекавшего Сашку, он был уже не жалкий сирота, а здоровый парень, который сам мог постоять за себя, и «мир» решительно принял сторону Феди:
— Не тронь убогого!
«Хоть бы в армию скорей взяли!» — тоскливо думал Сашка.
В селе ему было скучно. Осенними вечерами темнота рано опускалась на ощетинившие-

ся бурой стерней поля; в скирдах соломы шуршал бесприютный ветер; на едва светлевшую полоску заката летели черные стаи галок. Парни, укрывшись от ветра в срубе, резались в очко или ходили цепочкой за гармонью. Навстречу им такой же цепочкой шли с песней девушки. Обе стороны делали сначала вид, что не замечают друг друга, потом, будто невзначай, соединялись и вместе опять шли за гармонью. Это так и называлось «ходить за гармонью» и повторялось ежевечерне который уже год! Сашка тоже ходил и думал: «В армию бы скорей!..»

В престольный праздник рождества богородицы он первый раз в жизни напился. Почувствовав прилив какой-то тупой и дикой силы, он сокрушил в избе у Феди-черта все стекла вместе с переплетами рам, потом сцепился с парнями в жестокой престольной драке, и ясным, вызванивающим первым морозцем, днем октября, когда все его одногодки собрались с неизменной гармонью у райвоенкомата, он глядел через решетчатое окно вагона и, горьковато посмеиваясь над собой, думал: «Вот те и армия! Тю-тю...»

Все это, право же, очень трудно было рассказать Анчуткину.

«Подамся на целину, — думал Сашка, уходя с «пятачка», и тут же вспомнил о Верке. — Эх, люба моя!..»

Мгновенно все его существо, как еж, свернулось в колючий клубок, готовый развернуться лишь с гадкой целью уколоть, задеть, оцарапать, и он недобро усмехнулся:

«Уйду... Только сперва Андрею Фомичу костыши повыдергаю. На целине народу много, затеряюсь — не найдут...»

7

За рекой косили уже по краю соснового бора, где кончались колхозные луга.

Вечерело, когда косари присели отдохнуть перед тем, как сметать в стог поспевшие копны.

Неподвижно, словно бронзовые колонны, высились сосны, между ними косо струились длинные желтые лучи, и лес был полон того предзакатного покоя, который охватывает не только природу, но и человека, и он как будто сливается с древесными комлями, пнями и мхами.

Все словно окаменели. На дорогу вышел тетеревиный выводок, как выходят он, когда никого нет. Мирно квохча, тетерка тянула из травы длинную шею, а вокруг, точно пуховые шарики, катились птенцы, смешно и трогательно ныряя на бегу головками.

«Все ли видят?» — подумал Андрей Фомич и осторожно повернулся к Верке.

В это время у тетерки вышло совсем особенное «квох», и птенцы стремглав брызнули в траву, в мелколесье, а сама тетерка перелетела раз, другой, приглашая поверить ее наивной хитрости и броситься за ней в погоню.

Услышав хлопанье крыльев, Верка встрепенулась. Но еще раньше Андрей Фомич заметил, что, лежа на спине, она смотрела в нежное вечернее небо, а из уголка глаза у нее катилась по виску блестящая слеза.

Не зря рыдал кулик на болоте, оплакивая Веркину радость...

— Ты что это, дочка? — тихо, чтобы не слышали посторонние, спросил Андрей Фомич.— Ты скажи, не молчи. Чего ж молчком-то томиться!

— Так...— сказала Верка.— Я и сама не знаю.

Никого бы она сейчас не допустила к своим думам...

В ту ночь над поймой, рогат и тонок, висел месяц, сгустив на земле все тени до того, что они казались темными провалами.

Выбравшись из шалаша и юркнув в кусты, Верка в нерешительности остановилась.

Какая это была темная, дикая, звериная ночь!

Верка стояла словно на дне огромной ямы, а в ушах у нее — «уинь... уинь...» — звенела тишина и вдруг разорвалась каким-то оглушительным звуком. Наверно, это был не более, чем звук падения сухой веточки или крик ночной птицы над болотом, но бывают такие враждебные человеку заговоры леса и ночи, когда каждый шорох, каждый сгусток тени оборачивается страхом.

Вскрикнув, Верка бросилась напролом через кусты к реке и, только когда живым серебром блеснул впереди широкий плес, перевела дух.

В сухое лето брод переходили ребятишки, собиравшие в пойме орехи. Верка сняла сарафанишко, обвязала его вокруг головы и без опаски вошла в воду, не замечая, что песчаные острова, намытые рекой посредине плеса, были скрыты водой и выставляли из нее лишь дрожащую щетинку ивняка. Отгребая руками напористую воду, Верка шла все дальше и опомнилась только тогда, когда волна окатила ей плечи. По-бабьи бестолково бултыхая ногами, Верка поплыла. Конец сарафана падал ей на глаза, намокал, тянул по течению. В лицо хлестнуло резвым пенистым барашком, забило рот, нос, уши. Верка закашлялась, сдавленно крикнула: «Сюда!» — и, задирая подбородок, из последних сил заколотила по воде руками и ногами.

По длинной прибрежной отмели шла и падала в теплую тину, плавающую в застругах. Дрожали колени, голова, руки. Хотела напиться и не донесла в ладошке до губ воду: расплескала. Отплевываясь тягучей слюной, долго лежала на холодном песке, потом на мокрое, с прилипшим песком тело натянула сарафанишко и упрямо пошла к селу, с каждым шагом чувствуя давящую боль в висках.

На стук ее, отрывистый, нервный, выскочил из сеней Сашка.

— Ушел, бессовестный, и нет,— плача, лепетала Верка.— Утопла было... Ох, ноженьки, Сашок, не держат... К тебе я, люба... Так всем и скажу: у него ночь была...

— Да ты иди в избу,— пугаясь ее горячечного шепота, сказал Сашка.

Старые часы в горнице у бабушки Лопаты просипели в это время три.

8

Для деревни, живущей в страдную пору сенокоса по правилу: «Коси коса, пока роса»,— это был не такой уж ранний час. Председатель колхоза Репкин успел подняться и, круто фыркая, тер под глиняным рукомойником свою круглую и лысую, как костяной шар, голову. В недавнем прошлом городской житель, Репкин делал все нарочито «по-деревенски»: ходил в сапогах и косоворотке, ел деревянной ложкой, любя папиросы «Север», курил вонючий самосад и умывался под глиняным рукомойником, хотя привез из города мраморный умывальник.

К счастью, этими безобидными чудачествами показная сторона его натуры и ограничивалась, не принося ущерба никому, кроме разве сельской торговой точки, где залеживались папиросы «Север».

Утро радовало председателя. Предвещая вёдро, оно занималось медленно, неярко, в спокойных золотисто-розовых тонах, и на небе долго истаивал круторогий месяц, а уж если рога у него круты, то хорошей погоде быть наверняка.

Перед уходом из дому Репкин, следуя своему обычаю, заглянул в записную книжку, куда заносил по пунктам неотложные дела на грядущий день. Их было двенадцать. Пункты третий и двенадцатый почему-то соединялись через поле жирной дугой, и Репкин обратил внимание прежде всего на них. «Жеребят за реку». «Поговорить с А. Раздольновым».

«Ага!» — вспомнил Репкин и острым выдвижным карандашиком поставил у вершины дуги восклицательный знак.

За окном придурковатый пастух Федя-черт затрубил в пионерский горн.

День начался.

9

И дуга и двенадцатый пункт появились в записной книжке председателя накануне, после разговора с участковым милиционером Анчуткиным.

Вечером Репкин уже снял косоворотку и с удовольствием облачился в городскую пижаму, когда участковый застенчиво поскребся к нему в окно.

— Выдь на минутку, Григорий Иваныч.

— Да ты заходи сам,— пригласил Репкин.

— А кто у тебя?

— Никого. Свои только.

— Нет, ты лучше выдь. Покурим на завалинке,— подумав, ответил Анчуткин.

Репкин вышел. Они уселись, свернули по толстой цигарке крепчайшего самосада и задымили.

Анчуткин молчал.

Свет месяца лег на крыши изб, протянулся стальной полоской по колодезному журавлю, качнулся в пруду, потревоженном всплеском рыбы, и где-то на дальнем конце села стал, должно быть, виною припевки, отчетливо прозвучавшей в тишине вечера:

Эх, миленок, черны очи,
Погоди меня ласкать!
Очень светлы стали ночи —
Могут люди увидать.

— Ну? — спросил Репкин, когда докурили.

Анчуткин кашлянул. Потом опять долго молчал, растирая в пальцах скользкий листок подорожника, понюхал его, бросил и сказал:

— Ты уж, Григорий Иваныч, через свое самолюбие перешагни. Сходи сам к Сашке Раздольнову.

— Постой! — удивился Репкин.— Ничего не понимаю. Это кто ж такой?

— Сашка-то?

И Анчуткин, не великий мастак говорить, рассказал, как умел, про Сашку.

— Сходи уж, Григорий Иваныч,— закончил он.— Это, знаешь, как-то того... когда сам председатель придет и на работу попросит. Сашка, он сразу на вершок вырастет. Я его знаю.

— Что ж, работы в колхозе нет, что ли? — согласился Репкин.— Будет твой Сашка жеребят пасти?

— Можно и жеребят, все одно. Только уж ты сам к нему. С подходцем, знаешь... Так я в надежде, Григорий Иваныч?

— Будь,— заверил его Репкин.

Они попрощались. Дома Репкин достал свою записную книжку, занес в нее двенадцатый пункт и жирной дугой соединил его с третьим. Новый день должен был начаться через три часа.

А Коля Анчуткин между тем шагал, сворачивая из прогона в прогон, по улицам села, а кругом, в садах и огородах, надсаждаясь, пилили, звенели, трещали, свиристели, цокали кузнечики. Почти у каждого крыльца при Колином приближении чуть отстранялись друг от друга две расплывчатые тени и снова соединялись, едва он проходил мимо.

Но вот и незанятое крыльцо. Коля оглянулся по сторонам. Все было покрыто зернистым налетом росы и сказочно блестело под месяцем. Блестела дорога, уходящая в поле, блестели березовые прясла, блестело старое, выброшенное за ненадобностью ведро, и куча свежей щепы, и куст бузины, и кривая скворечня Феди-черта — все лучилось тонкими иглами синего света... Бедовый запах сена ударил Коле в голову. Он тихо кашлянул, и этот запах вызвал из тьмы сеней бесшумную тень, которой принадлежало незанятое крыльцо.

— Где же ты пропадал? — разгневанно шепнула она.

— Дела,— вздохнув, ответил Коля.

10

Верка откинула прутиком щеколду и через скрипучие сени вошла в жаркую, загудевшую потревоженными мухами кухню.

Мать, проводив корову, видно, опять прилегла и уснула. Долго стояла Верка у двери, прислонясь щекой к косяку и зажмурив глаза, потом решилась: вошла и, быстро раздевшись, юркнула к матери под одеяло.

— Мама, ты не пужайся,— зашептала она.— Проснись-ка, мама...

Дарья Кирилловна спросонок испугалась, оттолкнула Верку, но тут же опомнилась и добродушно заворчала на дочь:

— Ну, чего подвалилась! Вставать уж пора... Отец-то там как? Комара, чай, в пойме гибель?

— Мама, я к Раздольновым уйду,— тихо сказала Верка.

— Опять ты за свое! — сердито прикрикнула Дарья Кирилловна.

— Хошь привязывайте! И сейчас от него... Мать ахнула.

— Уйду, мама,— упрямо повторила Верка и, уткнувшись ей в грудь, пахнущую сенным тюфяком, горячо зашептала: — Давайте по-хорошему, чтоб свадьба, чтоб как у людей, чтоб согласно все... Мне же стыдно так-то, м-мама!

...Во дворе поросенок уже давно орал с голодухи дурным голосом, колотясь о стенки клеуха, а они все спорили, плакали, утешали друг друга и опять спорили, хотя и та и другая уже знали, что быть по-веркиному.

Наконец Верка уснула, всхлипнув напоследок, как дитя. Дарья Кирилловна встала; одеваясь, смотрела на ее слипшиеся от слез ресницы, на распухшие губы, и жалко ей было не уступить Верке и жалко уступить.

Накормив поросенка, она вернулась в избу, разбудила дочь, и они стали собираться на стан к Андрею Фомичу, чтобы объявить ему свое решение. Дарья Кирилловна достала из комода чистый платок и, покрыв им голову, завязала не на подбородке, а, как молодая, на затылке, в обтяжечку. И Верка вдруг увидела, что мать на самом деле не так уж стара и только лицо ее поблекло от ранних вставаний, от печного жара, от дождей и зимнего ветра. Как и многие в ее возрасте, Верка стыдилась открыто проявлять свою нежность к родителям, но тут не сдержалась, погладила мать по черным блестящим волосам, не закрытым на лбу платком, и шепнула:

— Мама...

Вышли они непривычно размягченные каким-то тихим, грустным чувством.

На конце села, там, где стояли длинные бревенчатые конюшни, сбившись в кучу и стараясь положить голову на круп друг дружке, живым клубком вились жеребята-двухлетки. На нетерпеливом жеребце вертелся вокруг Репкина Сашка, не по-летнему тепло одетый в длинную кудлатую робу.

— Здорово, тетка Дарья! — сказал он, пытливо присматриваясь к ней желтым ястребиным глазом.

— Здравствуй, Александр Митрич,— спокойно ответила мать, проходя мимо.

И с тем же величавым достоинством, не поднимая на Сашку глаз, проследовала за ней Верка. Удаляясь, слышали они, как Репкин говорил:

— Из водохранилища воду вчера сбросили. Смотри, держи жеребят где повыше.

— Не зайцы твои жеребята, не перетонут,— с усмешкой ответил Сашка.

И, видно, добротно хлестнул жеребца, потому что тот сразу взял галопом.

Дарья Кирилловна и Верка шли по мягкой пыли вдоль ржаного поля. Они сняли туфли, несли их за ремешки в руках и были сейчас очень похожи друг на друга, только Верка чуть-чуть прямее держала голову, отгибая ее назад, чтобы почувствовать на затылке тяжесть волос.

Становилось жарко.

Повсюду еще пахло сеном, пахла им даже дорожная пыль, но рожь уже налила тяжелый восковатый колос, готовя хлеборобам новую страду.

Блестя слюдяными крыльями, реяли над ней лупоглазые стрекозы.

„ЛЕВША" В ТУЛЕ

«Левша» в Иркутском театре музыкальной комедии. На переднем плане Левша — П. Белокур, атаман Платов — А. Соколинов.

Фото Е. Умнова.

Иногда бывает так: спектакль еще не кончился, а в зрительном зале уже нарастает шум, у кого-то со звоном падает номерок, скрипят и хлопают кресла, кое-кто пробирается к выходу, чтобы поскорее одеться и уйти домой. Такой финал говорит о многом. На этом спектакле, показанном в Туле, все было иначе. В зале царила атмосфера увлеченности и заинтересованности, а когда опустился занавес, зрители долго рукоплескали актерам.

Каждому должны быть понятны радость и воодушевление туляков: на сцене шла речь о славе и мастерстве их предков, действовали полюбившиеся с детства литературные герои — Левша и его товарищи, оружейных дел мастера, которые «аглицкую блоху на подковы подковали».

Музыкальный спектакль «Левша» — хороший подарок нынешним землякам умельца. Есть у нас замечательный мастер микрогравюры — Михаил Исаевич Почукаев, который из самоучки стал широко известным искусником этого сложнейшего жанра. И он обращался к той же теме «Левши». Знаменитый «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» Лескова вдохновил художника. Он выгравировал на крошечном стеклышке картинку, которую зритель готов часами разглядывать в микроскоп: к дереву привязана... блоха, кузнец-левша держит ее правой рукой за ножку, а левой приколачивает подкову. И хотя сама блоха меньше булавочной головки, вы ясно видите не только подкову, но и гвоздочки.

Гастролировавший в Туле Иркутский театр музыкальной комедии дал жизнь на сцене легендарным умельцам, поставив музыкальную комедию композитора А. Новикова (либретто Р. Галиата-Валаева) по мотивам сказа замечательного русского писателя.

И как же горячо встречают нынешние туляки появление на сцене знакомых героев!

Удачно сочетаются и в музыке А. Новикова и в постановке Иркутского театра элементы сказки с картинами подлинно реалистическими, передан дух эпохи, верно обрисованы характеры главных действующих лиц. Партитура музыкальной комедии насыщена запоминающимися мелодиями, пронизана ярким национальным колоритом.

К. ПЕТРОВСКИЙ

Тула.

Крупный русский металлург

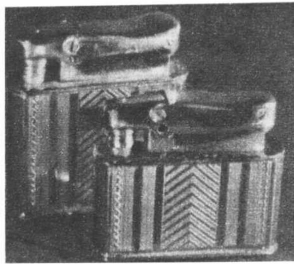
30 лет назад скончался крупный русский металлург, один из создателей основ металлургической науки в России, Владимир Ефимович Грум-Гржимайло. Ученый сыграл большую роль в продвижении «русского бессемерования», доказав экономическую целесообразность этого процесса.

Грум-Гржимайло дал теорию расчета пламенных печей. Он положил начало теоретическому изучению вопроса калибровки валков, и установленными им правилами до сих пор руководствуются калибровщики.

Грум-Гржимайло создал кадры специалистов в области печного дела.

После выступлений «Огонька»

«Про зажигалку»

В статье под таким заголовком, опубликованной в № 5 нашего журнала, говорилось, что пора наладить массовый выпуск зажигалок. Статья обсуждалась в исполкоме Моссовета, который постановил организовать производство зажигалок на предприятиях местной промышленности и промкооперации.

Это решение исполкома Моссовета выполняется. Уже поступили в продажу карманные зажигалки «Огонек» двух размеров, выпуск их освоен заводом «Металлодеталь». Скоро торговая сеть начнет получать карманную зажигалку Первой металлоштамповочной артели, а также бытовую — для газовых приборов, изготавливаемую заводом «Фотопринадлежности».

Производство зажигалок нескольких других типов осваивается в Москве, Ленинграде и Баку.

16 НОЯБРЯ — ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Это было осенью 1877 года. Известный итальянский астроном, профессор Джованни Скиапарелли, сделал замечательное открытие: рассматривая в телескоп Миланской обсерватории красноватую поверхность Марса, он увидел на ней многочисленные очень узкие и длинные темные линии, протяженностью в несколько тысяч километров. Скиапарелли назвал эти удивительные линии «каналами». С тех пор знаменитые марсианские «каналы» и сама во многом загадочная до сих пор планета привлекают пристальное внимание ученых.

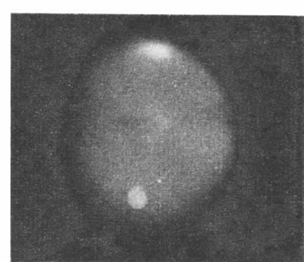
Было высказано предположение: а не искусственные ли это сооружения, возведенные какими-то разумными существами? Пытались даже поймать... радиосигналы, будто бы посылаемые с Марса, и установить двухстороннюю связь с жителями планеты. И вот, казалось бы, загадочные радиосигналы от неведомых марсиан были наконец приняты в 20-х годах. Однако через некоторое время оказалось, что это радиосигналы... земного происхождения.

И, тем не менее, радиосигналы с Марса все же поступали. Произошло это в 1956 году. Мощный радиотелескоп уловил тепловое радиоизлучение планеты. Это помогло ученым уточнить температуру поверхности Марса.

Большинство крупнейших открытий астрономы делают во время сближения Земли и Марса, в момент так называемых противостояний. Такие противостояния, когда Марс особенно близко подходит к Земле, на расстояние в 60 миллионов километров и даже меньше, называются великими. Они бывают один раз в 15 или в 17 лет.

Последнее великое противостояние было в сентябре 1956 года. В тот период атмосфера Марса, как показали наблюдения, была заполнена какой-то густой, желтоватой мглой (очевидно, частицами пыли), сильно мешавшей астрономам. Американский астроном Кейпер обнаружил в это время на Марсе быстро передвигающееся гигантское облако желтого цвета, протяженностью до трех тысяч километров. Это самое большое облако, наблюдавшееся когда-либо на планете. Другое почти такое же облако, но на противоположной стороне планеты было обнаружено советскими астрономами.

В 1956 году, несмотря на плохие условия видимости, были сфотографированы на Марсе «каналы». Это удалось сделать и советскому ученому — профессору Н. П. Барабашеву. Все наблюдатели отмечают естественный, лишенный геометричности вид «каналов». Возможно, это трещины, долины или какие-либо другие образования.

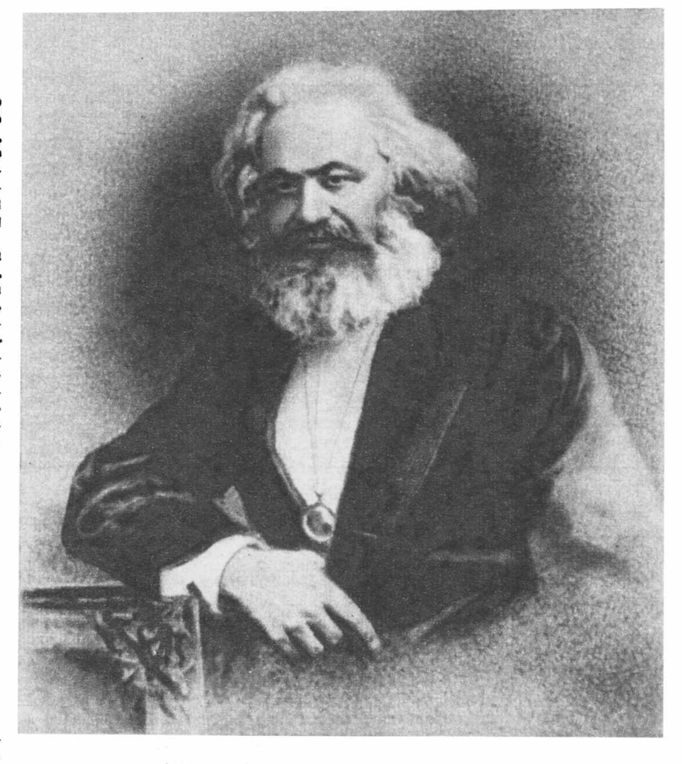

На фотографии Марса, сделанной советским астрономом в августе 1956 года, видны «каналы».

Астрономы еще и сейчас продолжают обрабатывать свои наблюдения, проведенные во время великого противостояния Марса в 1956 году.

16 ноября—очередное противостояние Марса. Для астрономов оно будет особенно удобно, потому что планета будет расположена очень высоко над горизонтом и ничто не помешает наблюдениям за ней: ни высокие дома и деревья, ни перемещения атмосферы у горизонта. Тысячи телескопов направятся на красноватое светило, ярко горящее на темном фоне неба. И кто знает, может, некоторые «марсианские» проблемы будут решены учеными гораздо раньше, чем на эту планету опустятся первые межпланетные корабли.

В. ЛУЦКИЙ,
научный сотрудник Московского планетария

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПОРТРЕТ МАРКСА

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде найдены новые материалы о запрещении царской цензурой портретов Карла Маркса.

В 1872 году Н. П. Поляков, издавая впервые в России «Капитал» К. Маркса, решил приложить к нему и портрет автора. С этим вопросом он обратился в Петербургский цензурный комитет, который 8 марта 1872 года, рассмотрев прошение Полякова, постановил: «Имея в виду, что деятельность Маркса, известного социалиста и председателя Интернационального общества, весьма двусмысленна, между тем дозволение портрета его при сочинении «Капитал», не известном Комитету, можно было бы принять за выражение особенного уважения к личности автора,— портрет Карла Маркса к напечатанию не дозволять».

В 1899 году из типографии «Народная польза» поступил в Петербургский цензурный комитет первый оттиск портрета К. Маркса большого размера. Цензурный комитет запретил издание и распространение этого портрета. В деле сохранился экземпляр запрещенного портрета, который здесь публикуется.

В. КОВАЛЕВ,
старший научный сотрудник Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде

По страницам журналов

ПОДЗЕМНЫЕ ГАЗОХРАНИЛИЩА. Потребление газа в нашей стране бурно растет. Однако оно неодинаково в разные часы суток, дни недели и особенно в разные времена года. Для постоянной равномерной подачи газа намечается построить сеть подземных хранилищ. В них будут накапливаться резервы газа и расходоваться по мере надобности.

Под подземные хранилища можно использовать газовые или истощенные нефтяные месторождения, а в некоторых районах — геологические разрезы, где есть пластовые водонапорные системы. Такие места уже найдены недалеко от Москвы, Киева, Казани...

Вблизи Куйбышева и Бугуруслана намечается соорудить подземные газгольдеры. («Бюллетень научно-технической информации Государственного научно-технического комитета Совета Министров РСФСР» № 19, «Вестник Саратовского совнархоза» № 2.)

«КОНДУКТОР ДИЛИЖАНСА НА ЛУНУ». Среди обширной переписки великого революционера-демократа А. И. Герцена находятся письма, адресованные С. И. Астракову — талантливому изобретателю прошлого века.

Сын крестьянина, получившего вольную, Астраков окончил Московский университет. Через своего брата, участника революционного кружка, он сблизился с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Всю свою жизнь этот незаурядный человек посвятил новой технике, изобретательству. На протяжении многих лет он, между прочим, занимался вопросами воздухоплавания, стремясь создать управляемые аэростаты, которые должны летать «при всех возможных ветрах и по всем возможным направлениям».

Недавно найдены материалы, из которых видно, что С. И. Астраков живо интересовался и межпланетными путешествиями. Еще 120 лет назад он выдвинул исключительно смелый по тому времени проект полета на Луну. На это указывает в своих письмах к нему А. И. Герцен. В одном письме он полушутливо называет Астракова «кондуктором дилижанса на луну», в другом прямо говорит: «Я здесь рассказывал, к великой радости французов, проект о луне и машине туда ездить».

С. И. Астраков умер в 1866 году, в возрасте пятидесяти лет. Н. П. Огарев посвятил его памяти известное стихотворение «Студент», пользовавшееся тогда большой популярностью среди передовой русской молодежи. (Журнал «История СССР», кн. 4.)

Великий художник Японии

По решению Всемирного Совета Мира во всех странах отмечаются юбилейные даты, связанные с творчеством выдающихся деятелей мировой культуры. К числу таких знаменательных дат относится и 300-летие со времени рождения Корина Огата. Искусство Корина служило целям гуманизма и духовного обогащения людей.

В Музее восточных культур в Москве хранится уникальная лаковая шкатулка-чайница. Она украшена прекрасной росписью и инкрустацией. Шкатулке более двух с половиной веков. Это — единственное в нашей стране произведение японского мастера XVII века Корина Огата. Его разносторонний талант, творческий темперамент проявились в самых различных видах художественной деятельности: Огата занимался живописью, росписью лаком и инкрустациями, создавал рисунки для фарфора и тканей.

Сохранилось не много сведений о жизни Корина, которые можно было бы считать совершенно достоверными. Известен, например, год его рождения — 1658-й, но где-то затерялись месяц и число. Известно также, что Корин был сыном богатого торговца тканями. Он получил блестящее образование, в том числе и художественное, обучаясь живописи у лучших художников своего времени. Корин был еще молодым человеком, когда после смерти отца он, как старший в роде, наследовал торговый дом. Молодой купец оказался столь же плохим дельцом, сколь хорошим художником. Вскоре он целиком посвятил себя искусству.

Японское искусство пленяет своеобразием, изяществом формы и цветом. Эти качества присущи и картинам Корина, которого его соотечественники называют самым японским из всех художников Японии. В очень лаконичной форме он умел создавать обобщенный художественный образ, выразительные по цветовым соотношениям и певучие по композиции произведения.

До нашего времени сохранилось около ста картин и изделий прикладного искусства Корина, объявленных национальным достоянием Японии.

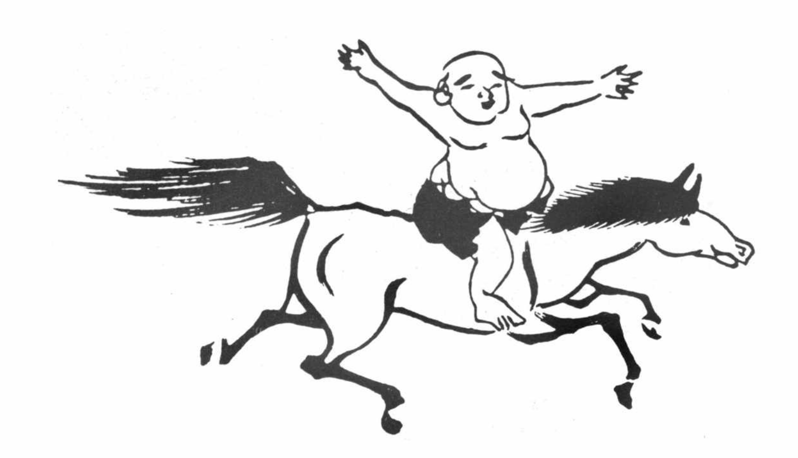
И. СТАРШИНОВ

КОРИН ОГАТА— МАСТЕР ЯПОНСКОЙ ЖИВОПИСИ XVII ВЕКА

Картина по мотивам классической лирической новеллы «Исэ моногатари».

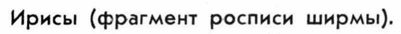

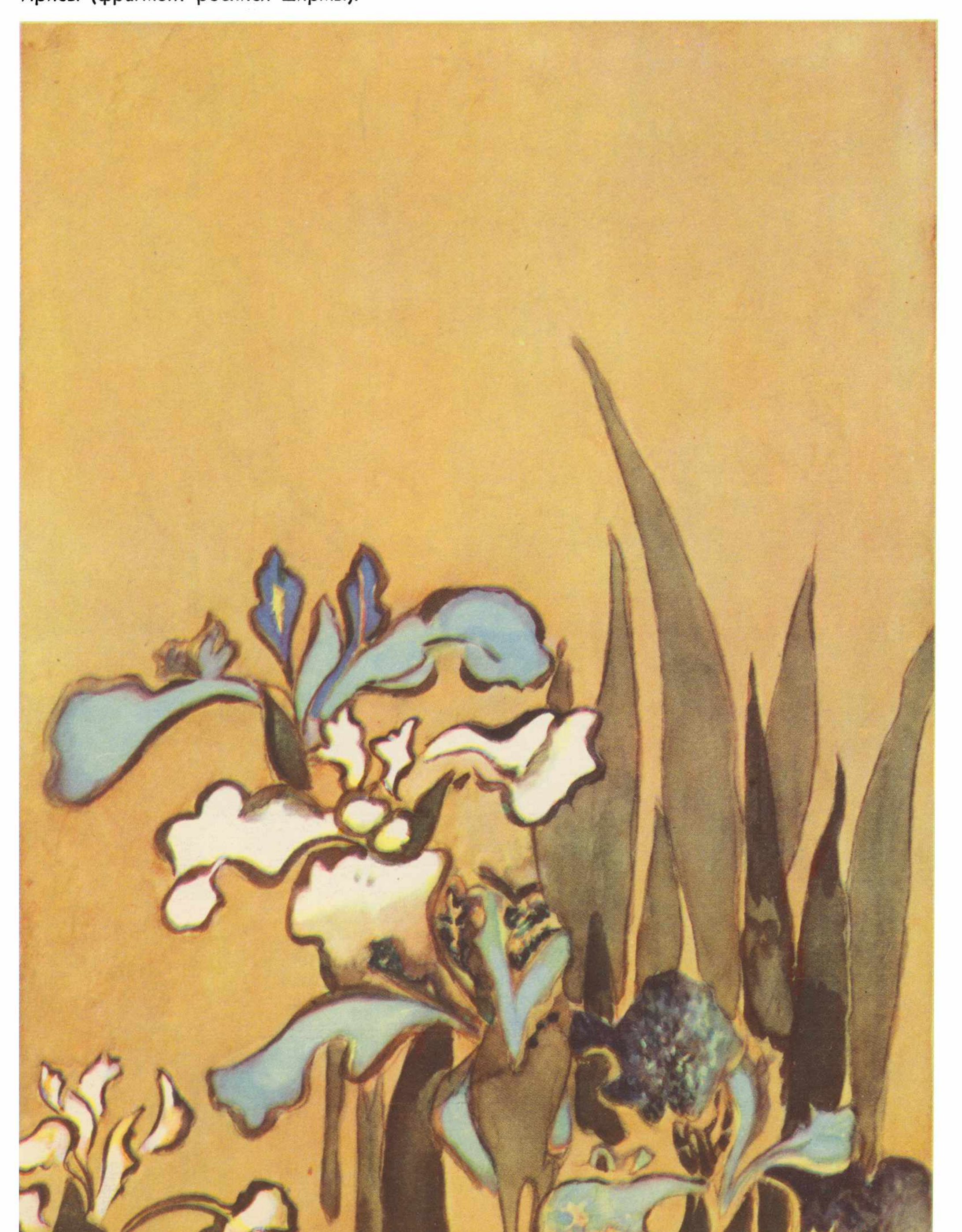

Фрагмент группового портрета «36 поэтов древней Японии».

Ирисы (фрагмент росписи ширмы).

В гостях у А. Н. Туполева

Этот редкий снимок сделан в 1936 году, когда экипаж Валерия Павловича Чкалова готовился к беспосадочному рейсу на Дальний Восток на самолете «АНТ-25». Проводить летчиков пришел на аэродром конструктор машины Андрей Николаевич Туполев. Слева направо: А. Н. Туполев, А. В. Беляков, В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков.

Фото С. Ахрема.

А. Н. Туполев со своей внучкой Юлей.

Фото Е. Умнова.

— Дедушка, разве такой самолет бывает? И совсем не похож...

Дедушка улыбается:

— А это, Юлечка, и не самолет вовсе. Это транспорт прошлого. Мы с тобой сейчас настоящие деревенские сани смастерим, прямо хоть лошадку запрягай.

Внучка недоверчиво смотрит на дедушку. Она в деревне никогда не бывала и настоящих розвальней не видела. Глаза ее светятся лукавством: «Ах, дедушка, до чего же ты отстал!..»

Оба заразительно смеются. Проворные руки дедушки тонким ножиком ловко и быстро вырезают деревянную игрушку.

...Эту сценку мы увидели на днях в гостях у Андрея Николаевича Туполева, когда пришли поздравить знаменитого советского авиаконструктора с семидесятилетием.

Вся его жизнь связана с авиацией, а история отечественной авиации — с его именем. В 1922 году А. Н. Туполев построил свой первый самолет, «АНТ-1». Счет был открыт... А в 1933 году был построен легендарный «АНТ-25», самолет, на котором в 1937 году Чкалов, Байдуков и Беляков совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва—Северный полюс—Америка.

Сейчас всему миру известны пассажирские самолеты А. Н. Туполева — «ТУ-104» и «ТУ-114».

Один из основателей Центрального аэрогидродинамического института, ближайший ученик отца русской авиации Н. Е. Жуковского, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР, Андрей Николаевич Туполев, несмотря на свой возраст, по-прежнему полон кипучей энергии.

Н. ЛЬВОВ

Дружат два университета

По форме это было научной конференцией двух университетов социалистических стран. Но содержание встреч между гостями и хозяевами было гораздо шире. И не случайно дни, которые провели в Московском государственном университете профессора, доценты и студенты Берлинского университета имени Гумбольдта, были названы «неделей дружбы».

Эта дружба началась не сейчас, не с этой недели. Ее фундамент был заложен историей, не только и не столько той далекой историей, когда русские люди ездили слушать лекции в Берлинском университете, но и историей недавней, скрепившей связи двух университетов.

В знак этой дружбы делегация Берлинского университета подарила своим друзьям в МГУ старую фотографию, копию снимка, помещенного в 1931 году в газете «Роте Фане» — органе Коммунистической партии Германии. На этой фотографии изображен красный флаг с серпом и молотом на крыше Берлинского университета. Революционно настроенные студенты водрузили его тогда над университетом в день Первого мая. Этим, писала «Роте Фане», положено начало пониманию необходимости союза интеллигенции и рабочего класса. Немецкие студенты выступили за то, что в те годы уже было осуществлено в Советском Союзе.

Сложными путями, порой неожиданными и трагическими, шли немецкие ученые к дружбе с советской наукой в предвоенные годы. Вот что рассказал член делегации профессор кафедры рентгенологии Фриц Гитцель.

Отстраненный фашистами от преподавания в университете, он занялся частной врачебной практикой в Лейпциге. Ненависть к гитлеровцам привела его, беспартийного врача, в подпольную антифашистскую группу. Он тайком слушал советские радиопередачи, участвовал в распространении антигитлеровских листовок. Когда в Лейпциге появились советские люди, угнанные гитлеровскими захватчиками из Советского Союза, он стал помогать им, добывать для них продовольствие. Гитлеровцам удалось выследить Гитцеля. Суд над ним был скорым — 20 февраля 1944 года «за предательство и помощь врагам нации» он был приговорен к смертной казни. Закованного в кандалы, его привезли в Дрезден и бросили в одиночную тюрьму на Мюнхенер-платц. Здесь он стал ждать смерти. Но фашистам не удалось привести в исполнение приговор. Случайность помогла Гитцелю бежать.

— А потом пришла Советская Армия,— просто, спокойным голосом закончил профессор Гитцель.

Профессор Гитцель и другие члены делегации Берлинского университета выступили с докладами на факультетах МГУ. Обмен научными достижениями проходил в самых различных областях науки: в области химии, физики, истории, литературы, экономики, философии.

— Сотрудничество наших ученых,— сказал профессор Гитцель, — имеет очень большое значение. И не только для науки. Мы сотрудничаем в интересах мира. Я был в Японии после войны и знаю, что может принести человечеству новая война. Поэтому так важны усилия ученых для ее предотвращения.

Другой немецкий гость, доктор Кауфман, сказал:

— После этой недели дружбы наши научные контакты станут еще шире и глубже. А это значит, что они будут еще плодотворнее.

Профессор Пихотка, который недавно приехал в ГДР после продолжительного пребывания в США и Западной Германии и сейчас занимает пост директора института физики университета имени Гумбольдта, заявил:

— Я еще мало знаю вашу страну, но я хотел бы узнать ее лучше. Меня обрадовал дружеский прием со стороны советских ученых. Я надеюсь на продолжение с ними научного обмена.

Мы беседовали также с главой делегации, профессором Вернером Хартке.

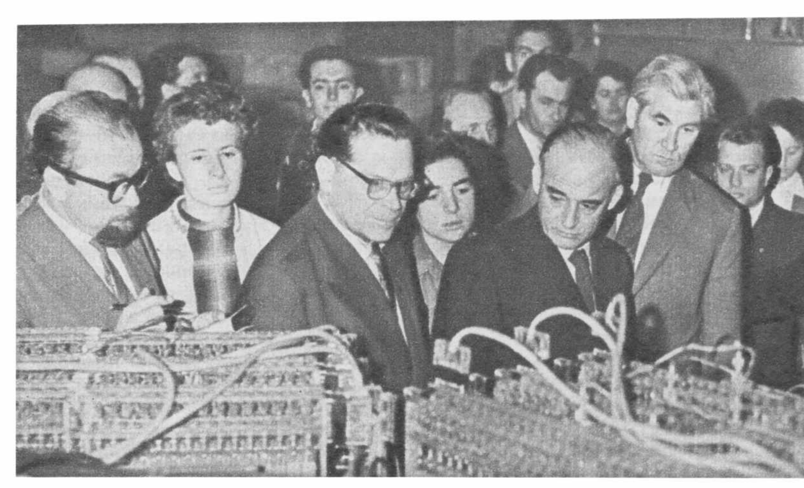
— Неделя нашей дружбы,— сказал он,— это не только выражение наших взаимных теплых чувств и, разумеется, не формальный «дипломатический» акт. В результате нашего визита был установлен контакт в совместной научно-исследовательской работе. Можно сказать, что начавшееся сотрудничество германо-советской комиссии историков принимает конкретные формы благодаря участию наших университетов в разработке вопросов периода ноябрьской революции в Германии и послевоенных революционных кризисов.

...На заключительном вечере ректор Московского университета И. Г. Петровский, прощаясь с немецкими друзьями, сказал:

— Нам было гораздо приятнее встречать вас, чем провожать.

Впрочем, теплые проводы немецких друзей почти совпали со встречей посланцев МГУ в Берлине. В эти дни Берлинский университет принимает у себя нашу ответную делегацию.

А. СЕРБИН

Делегация Берлинского университета в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

Фото В. Хухлаева.

Вот эту фотографию подарили немецкие гости Московскому университету. Справа налево: ректор университета имени Гумбольдта В. Хартке, доктор И. Вернер, ректор МГУ И. Г. Петровский.

Фото Р. Федорова.

Я ОБВИНЯЮ!

Альберт КАН

Рисунок Б. Ефимова.

Известный американский прогрессивный публицист и борец за мир Альберт Кан был вызван 23 сентября в пресловутый сенатский подкомитет по внутренней безопасности, возглавляемый сенатором Джеймсом Истлэндом. Для подкрепления сфабрикованных против Альберта Кана обвинений в «подрывной деятельности» подкомитет Истлэнда выставил трех «свидетелей»: платного «эксперта» по делам против компартии ренегата Джона Лаутнера, белогвардейского эмигранта Федора Мансветова и «писателя» Курта Зингера. Не имея возможности лично присутствовать при этих показаниях и ознакомившись с ними по протоколам, Альберт Кан свои замечания послал в подкомитет Истлэнда в форме письменного показания под присягой.

Поскольку «дело» слушалось в сенатском подкомитете публично, Альберт Кан заявил, что передает свое письменное показание в печать. Публикуемый ниже текст заявления прислан журналу «Огонек» автором.

Альберт Е. Кан, принеся предварительно надлежащую присягу, свидетельствует и говорит:

«Я хочу сделать замечания к показаниям ваших трех свидетелей не потому, что они могли бы в чем-либо опорочить меня лично, а потому, что показания эти изобличают ваш подкомитет.

В моем вступительном заявлении на заседании 23 сентября я обвинил вас в том, что ваш подкомитет пытается сфабриковать против меня фальшивое «дело». Я отметил, что поводом к этому послужила только что оконченная мною новая книга, в которой я касаюсь подрывной, антиконституционной деятельности вашего председателя, сенатора Джеймса Истлэнда, деятельности, наносящей вред нашей национальной репутации во всем мире. Я добавил, что ваш подкомитет однажды уже пытался разыграть подобную инсценировку и потребовать моего осуждения по подтасованному обвинению в «заговорщической деятельности». Это произошло при аналогичных обстоятельствах: в то время я был одним из издателей книги Харвея Матусоу «Лжесвидетель», в которой Матусоу, среди прочего, признался и в том, что, будучи платным лжесвидетелем, он давал ложные показания перед вашим подкомитетом. Показания ваших трех свидетелей только подтвердили мое убеждение, что и в данном случае речь идет о заранее спланированной инсценировке.

Я прочел копию протоколов этих показаний. И, должен признаться, первоначальное обвинение, выдвинутое мною против вас, показалось мне слишком узким и слишком персональным по своему характеру. То, что я прочел, говорит не только о попытке сфабриковать ложное обвинение против меня лично, но, что гораздо важнее, о вашем упорном желании продолжать прежнюю политику чудовищного обмана американского народа.

«Показания» ваших трех свидетелей были бы отвергнуты в любом нормальном суде. Это мешанина из слухов, сплетен, клеветы, голословных утверждений и прямой лжи, и все это допускается под прикрытием вашей неприкосновенности как членов конгресса Соединенных Штатов. Но ваш подкомитет не может снять с себя ответственность за подобные «показания». Вы полностью разделяете вину за них.

Вы предварительно уговаривались с вашими свидетелями и заранее знали, что они скажут. Все члены вашего подкомитета, насколько я понимаю, были в свое время практикующими юристами; и, казалось бы, простое чувство собственного достоинства, не говоря уже о прочем, должно было удержать людей, знакомых с правовой этикой, от того, чтобы выслушивать и делать достоянием общественности подобного рода «свидетельские показания». Увы, постыдным фактом является то, что ваш комитет неоднократно навязывал американцам всю эту бредовую ложь в качестве доказательств, утверждая, что все это имеет жизненное значение для нашей нации. И подобные «свидетельства» служили основанием для того, чтобы пригвоздить к позорному столбу, бесчестить, преследовать и губить многих наших сограждан!

Позвольте мне привести некоторые типичные образцы «показаний» ваших трех свидетелей.

Сошлюсь прежде всего на выступление Федора Мансветова. Он сам назвал себя русским эмигрантом и открыто хвастался своей, как он выразился, «антисоветской деятельностью» в Соединенных Штатах в период второй мировой войны, то есть тогда, когда Советский Союз был нашим боевым союзником. Мансветов заявил, что его «несправедливо» уволили в то время из учреждений американской армии и государственных органов по обвинению в том, что он был «агентом Гитлера». Он жаловался вам на то, что потерял эти свои должности после опубликования разоблачительного материала о нем в антинацистском бюллетене «Час», редактором которого я был в военные годы. В копии протокола его допроса зафиксирован следующий диалог между Мансветовым и главным советником вашего подкомитета Дж. Г. Сэрвином.

Сэрвин. Почему Кан участвовал в разоблачении вас и ваших друзей?

Мансветов. Потому что он шпион. Он советский агент, вы могли убедиться в этом из его же слов, которые вы слышали сегодня.

Сэрвин. А откуда это известно вам лично?

Мансветов. Во время слушания этого дела он ни разу даже не произнес слово «сателлит». Это значит, он проводит партийную линию.

Итак, как бы ни был темным язык Мансветова, я могу догадаться, что он считает меня «советским агентом» и «шпионом» потому, что я в своем показании перед вашим комитетом не использовал слова «сателлит» в отношении стран Восточной Европы. Я полагаю, что дальнейшие комментарии к «показаниям» Мансветова излишни.

Я должен, однако, подчеркнуть, что если ваших свидетелей не раз поощряли выступать с такими дикими заявлениями, то это отчасти потому, что члены вашего подкомитета и сами питают слабость к подобным вещам. Так, например, сенатор Дженнер, председательствовавший на вашем заседании 23 сентября, в свое время потребовал привлечь к ответственности президента Трумэна по обвинению в том, что президент является «орудием тайного заговора, управляемого агентами Советского Союза». Ваша удивительная беззаботность по части такого рода обвинений была однажды отмечена федеральным судьей Лютером Юнгдалом, когда он выносил решение, отменившее судебный приговор, вынесенный репортеру «Нью-Йорк таймс» Сеймуру Пеку за «оскорбление» вашего подкомитета.

На показаниях второго вашего свидетеля, Джона Лаутнера, я не собираюсь долго останавливаться, и вы поймете почему. Он признал, что никогда не был лично со мною знаком; и, тем не менее, он утверждал, что я был коммунистом, ссылаясь на кого-то, сказавшего ему что-то около десяти лет тому назад. Другим «доказательством» утверждения Лаутнера явилось то, что я некогда был председателем одной из секций Международного рабочего ордена — добровольного благотворительного общества, возглавляемого известным американским художником Рокуэллом Кентом и насчитывающего около 250 тысяч членов.

Приходится ли удивляться показаниям Джона Лаутнера? Этот ренегат от коммунизма давно занимается ремеслом, которое на страницах «Нью-Йорк таймс» было охарактеризовано как «грязный бизнес профессионального платного осведомителя». Каждый раз, выступая с показаниями против кого-либо, этот тип получал гонорар в качестве «свидетеля-эксперта»; и за несколько последних лет он сколотил много тысяч долларов этой своей деятельностью.

Вам, джентльмены, конечно, известно, что федеральный суд США заклеймил ряд правительственных платных лжесвидетелей как клятвопреступников; вы не можете также не знать, что многие из этих лжесвидетелей — Харвей Матусоу, Мэри Натвиг, Лоуэлл Уотсон, Дэйвид Браун и другие — сами признались в том, что давали за плату ложные показания. И, тем не менее, вы бесстыдно продолжаете использовать на ваших заседаниях показания людей этого сорта. Позвольте мне спросить: кто совершает большее преступление — эти растленные души, которые получают жалкие сребреники за свою профессию предателей, или вы, толкающие их на это грязное дело?

Приходится ли удивляться тому, что ни в чем не повинные люди, которых судит ваш подкомитет, зная, что у вас есть целое стойло подобных изолгавшихся шпиков, столь часто пользуются правом отказа от показаний, предоставляемым V-й поправкой к конституции Соединенных Штатов? Надеюсь, вы не забыли о том, что профсоюзный деятель Клинтон Дженкс был приговорен к пяти годам тюрьмы в результате ложного показания, которое было дано в вашем подкомитете профессиональным лжесвидетелем Матусоу. Если бы Матусоу потом публично не признался во лжи, вполне возможно, что приговор Клинтону Дженксу не был бы опротестован Верховным судом и сам Дженкс и по сей день сидел бы за решеткой.

В этих условиях я должен сказать, что высоко оцениваю мудрость составителей нашей конституции, включивших в нее V-ю поправку, охраняющую граждан от произвола правительственных органов.

Третьим вашим свидетелем, выступившим против меня 23 сентября, был писатель Курт Зингер. Он показал, что встречался со мной дважды около пятнадцати лет тому назад и ему было известно, что я «подчинялся коммунистической дисциплине». Откуда же это было ему известно? Оказывается, что мы вдвоем выступали в то время по радио в передаче «Писатель встречается с критиком»; во время этой передачи я рецензировал книгу Курта Зингера. И вот из того факта, что я весьма резко раскритиковал его книгу, он заключает, что я «подчинялся коммунистической дисциплине»!

Нет, без шуток, джентльмены, позвольте мне задать вам вопрос: как можете вы позволять себе тратить деньги налогоплательщиков на то, чтобы оплачивать доставку в Вашингтон подобных «свидетелей», вести целое делопроизводство, составлять протоколы из таких, с позволения сказать, «показаний»? Не думаете ли вы, что эти деньги можно было бы с большей пользой истратить на школы, библиотеки, больницы и прочие общественные нужды?

Когда вы допрашивали меня и этих ваших свидетелей, вы старались изобразить как «коммунистическую пропаганду» уже упомянутый бюллетень «Час», который я редактировал, а также книги, которые я написал. Однако вам из-

вестно не хуже, чем мне самому, что бюллетень «Час» был создан незадолго до второй мировой войны «Американским советом против нацистской пропаганды», председателем которого являлся бывший посол США в Германии Уильям Додд. В состав совета входили такие лица, как Альберт Эйнштейн, Томас Манн, кардинал Джон Райян, Уильям Грин, епископ Эдгар Блэйк, Лоуренс Тибетт и другие. Вы хорошо знаете, что «Час» занимался разоблачением действий гитлеровской пятой колонны в Америке и что материалы бюллетеня использовались огромным количеством газет и радиокомментаторов, а равно нашим военным министерством, министерством юстиции, Бюро военной информации и прочими государственными органами. Вы знаете также, что некоторые мои книги были «бест-селлерами» в Соединенных Штатах; что одна из них, которую вы назвали «коммунистической», была напечатана в сжатом виде в таком журнале, как «Ридерс дайджест»; что мои печатные труды военных лет широко рецензировались и оценивались как положительный вклад в военные усилия Соединенных Штатов; что книги мои были изданы за границей по меньшей мере на двадцати пяти языках.

А если эти факты вам известны, почему вы распространяете небылицы о том, что они «коммунистическая пропаганда»? Не потому ли вы делаете это, что я не раз разоблачал антидемократические махинации в различных высокопоставленных учреждениях, в том числе и махинации, к которым прибегает ваш подкомитет? И не стремитесь ли вы в данном случае воспрепятствовать выходу в свет моей новой книги, где высказываются неприятные для вас суждения о деятельности вашего комитета?

Я могу поставить и более важный вопрос: может быть, вы вообще против свободы печати, против независимости мыслей, против того, чтобы высказывались мнения, не соответствующие вашим? Может быть, вас не устраивает общественная критика вашей деятельности как государственного органа? Неужто вы не понимаете, какое огромное оскорбление вы наносите общественности всеми этими расследованиями и как далеко вы зашли в нарушении конституции Соединенных Штатов?

В показаниях ваших свидетелей, как и в ваших прежних «открытиях» в связи с книгой Матусоу, вы обвиняете меня в том, что я получаю «приказы из Москвы». Я никогда не получал и никогда не собирался получать приказы из Москвы. Однако позвольте мне добавить, что я не намерен получать приказы от кого бы то ни было, в том числе и от вашего подкомитета. Я не люблю, чтобы мною вертели или диктовали мое поведение чиновники и политиканы, которые получают часть своего жалованья за счет налогов, выплачиваемых мною. Я считаю, что правительство должно быть слугой народа, а не командовать им. Это относится и к вашему подкомитету.

Если бы я мог возбудить судебное преследование против вашего подкомитета за клевету и вмешательство в мою работу, я сделал бы это. Это было бы хорошим уроком для вас. Может быть, кто-нибудь из членов вашего подкомитета пожелает временно отказаться от депутатской неприкосновенности и взять на себя полную личную ответственность за клевету, которая распространилась в отношении меня на ваших заседаниях? Пусть кто-либо из вас — скажем, сенатор Истлэнд,— сняв ограждающую его неприкосновенность, публично повторит обвинение меня в том, что я шпион! Здесь можно было бы вспомнить известную американскую поговорку: «Либо выкладывай все начистоту, либо заткнись».

Впрочем, мне хотелось бы внести ясность в один вопрос. Я не вижу ничего оскорбительного в вашем обвинении меня в том, что я радикал. Я всем сердцем уважаю традицию радикальных идей, которыми обогащался наш народ с тех пор, как мы в 1776 году выпроводили короля Георга; и одновременно с сохранившимся у меня старомодным непоколебимым уважением к конституции США я разделяю некоторые политические взгляды Джека Лондона, этого славного обитателя Лунной Долины в Калифорнии, где сейчас живу я сам.

Позвольте мне также сказать, что несомненная правда заключается и еще в одном обвинении, которое мне предъявлено на вашем заседании. Да, я старался помочь установлению нормальных и дружеских отношений между нашей страной и Советским Союзом, таких отношений, которые были у нас в военные годы. Я буду продолжать делать это. Я убежден, что жизнь моих троих детей, как и жизнь миллионов других детей во всех уголках нашей планеты, будет в безопасности, если мы наладим дружбу и сотрудничество с Советским Союзом.

Ваш подкомитет утверждает, что он заботится о внутренней безопасности Соединенных Штатов. Если это так, то вам следовало бы начать расследование той роли, которую играет ваш председатель сенатор Истлэнд в заговоре против Верховного суда США; этот заговор, как известно, направлен на срыв вынесенного Верховным судом постановления, по которому расовая сегрегация в школах признана противоречащей конституции.

В настоящее время особенно очевидно, что проводившиеся вами «расследования» нанесли тяжелый ущерб американской нации и действительной ее безопасности. Бывший президент Трумэн говорит сейчас, что одной из причин отставания нашей страны от Советского Союза в завоевании космического пространства явилась «охота на ведьм» и «подавление личности», в результате чего многие американские ученые были отстранены от важных исследовательских работ. Едва ли можно назвать какую-либо область нашей жизни, которая не пострадала бы от разрушительных действий, в которых специализировался и ваш подкомитет. Единственный вклад, который вы могли бы сделать в безопасность нашей нации,— это самороспуститься.

В заключение моих замечаний к заслушанным вами 23 сентября свидетельским показаниям, в которых так много говорилось о моей работе как писателя, я считал бы уместным процитировать отрывок из моей новой книги. Этот отрывок описывает мою поездку через всю страну, которую я совершил вскоре после того, как впервые предстал перед вашим подкомитетом, то есть около трех лет тому назад. Вот этот отрывок:

«По мере того, как передо мной раскрывалась во всем своем величии наша страна,— съеживались до своих подлинных карликовых размеров фигуры властолюбивых политиканов, садистов-инквизиторов, наглых чиновников и окружающей их свиты из «благонадежных» лилипутов. И это не потому, что фигуре человека вообще свойственно уменьшаться на фоне титанической природы. Нет, человек в нашей стране растет и приобретает постепенно приличествующий ему облик. Ибо, куда ни оглянись, всюду находишь отпечаток его славных подвигов, бесконечное многообразие плодов его ума и рук, воплощенные им в жизнь грандиозные замыслы. И повсюду слышишь убежденные слова: пусть злоба и бедствия еще осаждают человека Америки,— он сумеет их обуздать!»

Да, джентльмены, наша страна слишком велика, ее традиции слишком прочны, ее народ слишком хорош, чтобы вам удалось добиться своего. Маккартизм быстро превращается в позорную страницу прошлого. И хотя вы и не отдаете себе отчета в этом,— такова судьба и вашего подкомитета».

„Двести моих сыновей“

Галина ШЕРГОВА

Электрички в Москву не было, и Григорий Костюк нетерпеливо переминался на перроне. Но и сквозь нетерпение, сквозь досаду на задержку Костюк ощущал, как снегопад, летящий на него, вздымает время и память, возвращая его к тому дню в Бергене.

Их, советских военнопленных, раненых и полуживых, гитлеровцы привезли тогда в норвежский порт Берген, чтобы переправить в концлагерь. Их, как дрова, сгружали на грузовики, а вокруг стояла молчаливая толпа норвежцев, и ребятишки, пританцовывая от промозглой сырости, лепили снежки из первого, нестойкого снега. Когда машины двинулись, снежки полетели в кузов. У людей, сваленных в машине, не было сил выбросить их за борт — никто и не пошевелился, только кто-то уронил угрюмо: «Да, привет от норвежцев невелик».

Машины шли, и снежки таяли на дне кузовов. И вдруг один из снежков, худея и обтекая, обнажил коричневую печеную картофелину, заложенную в сердцевину снежка.

Люди хватали бело-серые мокрые комки, разламывали их и в каждом находили кусок рыбы, краюшку хлеба, картофелину.

Это с тех пор Григорий Костюк не мог видеть равнодушно снежки: плотные сгустки снега стали для него символом знакомства с немногословным и героическим народом Норвегии.

Военнопленных привезли в лагерь Озане. Дни потеряли индивидуальную окраску, они были набиты снегом, грудами бревен, которые надо было перетаскать, духотой бараков и собачьим лаем.

Вот тогда они впервые увидели ее, и каждый ее приход сообщал лагерным дням ощущение человеческой теплоты и радости. Она приходила к колючей проволоке лагеря — иногда ей удавалось проникнуть и внутрь,— маленькая седоватая женщина в очках, в черной шапочке, поверх которой был повязан платок. Скоро все знали ее имя — Мария Эстрем. Но так же скоро это имя забылось, потому что в лагере норвежскую женщину звали только так: «Русская мама».

Они были голодны — и она приносила им еду. Они были ободраны — она переправляла в лагерь одежду.

Но однажды им предстояло расстаться. В тяжелое однообразие лагерных дней время от времени врезался еще один приезд. Это случалось, когда приезжал вербовщик из власовской армии. Процедура записи «добровольцев» была лаконичной. Человека вызывали к вербовщику. Дальше следовали крик, удар по скуле и пинок рухнувшего на пол ногой.

Их было тридцать три. Тридцать три человека в бараке, где жил Григорий Костюк. Тридцать три человека несколько раз прошли через эту процедуру, но ни один не дал включить свое имя в список предателей. Тогда их всех — тридцать три человека — сослали в штрафной лагерь Ульвен в Осе.

И там был снег, и сваленный лес, и голод, и колючая проволока. Но тут дни не были однообразны, об этом позаботились гитлеровцы. Они разнообразили мучения пленных. Иногда людей из лагеря сгоняли и вели под конвоем в лес. Им объявлялось: «На расстрел». Потом их возвращали. Так трижды или пятикратно людей отдавали смерти, воскрешая лишь для того, чтобы снова поставить их лицом к лицу с гибелью.

Однако иных не воскрешали. Не воскресили тех девятерых, расстрелянных у скалы за то, что у них нашли ложки с заточенными черенками.

И когда надежда уже почти покинула узников, снова появилась она, маленькая «русская мама», Мария Эстрем из Оса.

Теперь у нее было много дел: через обледеневшие черные перевалы, когда из-под ног срывались скользкие, неподатливые камни, Мария тащила салазки, нагруженные едой и вещами,— не в один лагерь, а в три. Она собирала эти вещи и еду у соседей, и соседи, глядя на эту тихую старушку в черной шапочке под белым платком, тоже отправлялись в смертельные путешествия или шли на дороги, по которым конвоировали пленных. Они знали, что́ стоит за этими путешествиями: их горожанина Одда Твейта расстреляли только за то, что он пожал руку русскому узнику.

И она, Мария, знала Одда и знала его судьбу, но она ходила в лагери, куда, подкупив австрийца-конвоира, переправляла рыбу с соседнего рыбозавода; ходила в горы, где скрывался бежавший из лагеря Давыд Осенко.

В доме стало пусто, жизнь и без того была трудна. Муж Марии, кузнец Рейнхольд, отдал уже пленным всю свою одежду, оставив себе один костюм. А нужно было кормить и своих детей — их было у Эстремов пятеро.

Однажды она сказала мужу:

— Зарежем корову.

Рейнхольд знал, что это значит: единственная корова — кормилица всей семьи. Но он только пожал плечами.

— Какой разговор! Конечно, зарежем. Мяса для лагеря хватит по крайней мере на месяц.

— Особенно, если варить суп,— прибавила Мария.

Назавтра она везла в лагерь бидоны с супом, прикрутив их веревками к салазкам.

Им нечем было ее отблагодарить, двумстам ее сыновьям из другой страны. Но они старались сделать ей приятное: дарили самоделки, вырезанные из дерева заточенным гвоздем. Один из них сшил ей ту черную шапочку, в которой ее увидел Григорий Костюк.

В 1945 году они расстались: пришло освобождение, и ее русские сыновья покидали Норвегию. Мария стояла на перроне Бергенского вокзала. Они махали ей и плакали, плакали эти мужчины, прошедшие через все муки и не узнавшие, что такое слезы. Она стояла, а вагон и лица плыли и двоились за пеленой ее собственных слез, точно за завесой мокрого снегопада, повисающего над лагерной проволокой.

...Октябрьский снежный вихрь принес Григорию Костюку сюда, на вокзал Воскресенска, все эти годы, и снова в стремительном круговороте белесых бляшек перед ним всплыло ее лицо. На днях он прочел в газетах, что супруги Эстрем по приглашению советского комитета ветеранов войны приезжают в Москву. Она теперь была где-то рядом, его «русская мама», которую он, ныне бригадир Воскресенского химзавода, Костюк, разыскивал все эти годы.

На комбинате работало еще десятка два ее сыновей, и сейчас Костюк был их первым посланцем. А тут как назло нет электрички.

Видимо, нетерпение и волнение было написано у него на лице, потому что дежурный по станции, узнав, в чем дело, посадил его в проходящий скорый поезд.

За эти годы он и его друзья несколько раз писали в Норвегию Эстремам и другим, помогавшим им, но ответов не получали: может быть, адреса изменились.

Как-то во время фестиваля молодежи в Москве Григорий Костюк встретил группу норвежцев в вестибюле ГУМа. Он помнил еще некоторые норвежские слова. Их хватило, чтобы задержать одного из гостей. Тогда Костюк бросился в магазин, купил русскую шкатулку и тут же, у прилавка, написав письмо к своим норвежским друзьям — любому, кто помнил русских пленников,— передал пакет юноше.

На это письмо ответ пришел, он хранится дома у Костюка. «Мы так рады были получить от вас весточку. Мы рады, что вы и ваши товарищи живы и благополучны... Расскажите им, что останки тех девяти расстрелянных русских мы выкопали из ямы у скалы и похоронили в своем церковном дворе...»

Листки эти точно зримо передавали прикосновение тех знакомых рук, но это все-таки были только листки бумаги. А сейчас он увидит ее, живую, привычную, услышит ее голос, звук ее шагов.

...Я присутствовала при этой встрече. Я видела их лица — Григория, Марии, Рейнхольда. Я видела, как Костюк целовал руки этой женщины, старые, сморщенные, знавшие режущую тяжесть веревки, привязанной к салазкам, и ощущавшие подвижность иглы, латающей рубаху, которая утром переправлялась в лагерь.

Мария снова была в той же черной шапочке, и Григорий бережно касался пальцами плоского донышка щемящим сердце прикосновением к прошлому.

Он повторял и повторял:

— Я все помню, мама. И ваш домик — дорога туда наверх... И речку, и мостик...

Потом они читали письма. Десятки, сотни писем, которые привез Эстремам корреспондент радио. Они пришли после того, как Мария выступила перед советскими радиослушателями.

Она молча кивала головой и иногда произносила:

— О, это наш «старый доктор»!.. Ах, это черный Петр! Помню! Помнишь, сынок? Дети мои, сыновья мои...

Они говорили о том, как встретятся снова все вместе и будут сидеть, так же обнявшись, как сейчас она сидит с этим своим сыном, первым приехавшим к ней. Она расскажет им о своих пятерых детях и — теперь уже — о двенадцати внуках и будет слушать о сотнях внуков, которые родились здесь, в России, вдалеке от нее. Они будут вспоминать тех, у которых уже никогда не будет детей, потому что они спят в норвежской земле, земле, которая в годы общей опасности для народов дала возможность познать нетленное, побеждающее качество человеческой натуры — солидарность.

Мария Эстрем и Григорий Костюк снова встретились.

Фото М. Свищева.

4 ноября в Кремле академик Д. В. Скобельцын вручил международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» генеральному секретарю Всемирной федерации профсоюзов Луи Сайяну. Лауреата тепло поздравили член президиума Советского комитета защиты мира В. Г. Блаженов, заместитель председателя президиума Комитета советских женщин О. А. Хвалебнова, секретарь Всемирной федерации профсоюзов Ласаро Пенья и другие. Работница комбината «Трехгорная мануфактура» Д. П. Смирнова пожелала лауреату успеха в его работе и подарила ему вытканный работницами платок с изображением В. И. Ленина.

Фото Е. Умнова.

ШАШЕЧНАЯ КОРОНА МИРА — В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В течение месяца в тринадцати городах Нидерландов проводилось единоборство на стоклеточных шашках советского гроссмейстера И. Купермана с канадским гроссмейстером чемпионом мира Марселем Делорье. Одержав победу в четырех встречах, при четырнадцати ничьих и двух поражениях, Куперман закончил поединок со счетом 11 : 9 в свою пользу. Впервые в истории шашек звание чемпиона мира завоевал представитель Советского Союза.

В нашей стране стоклеточные шашки культивируются всего несколько лет. Первые международные встречи наших мастеров состоялись лишь в 1956 году, но в первенстве мира мы приняли участие лишь теперь.

Стоклеточные шашки возникли в Польше в 1723 году. Первым чемпионом мира был французский мастер И. Вейс, владевший этим высоким званием с 1894 по 1912 год. В дальнейшем борьба за шашечную гегемонию сводилась к своеобразной «дуэли» между французами и голландцами. Картина резко изменилась в связи с учреждением в 1947 году Международной шашечной федерации, объединившей любителей многих стран. В 1956 году титул чемпиона впервые перекочевал на американский континент, так как победу в большом олимпийском турнире одержал канадский гроссмейстер М. Делорье.

Чемпион мира инженер И. Куперман.

И. Куперман — десятый по счету чемпион мира. Президент Международной шашечной федерации г-н Виллемс вручил ему Большую олимпийскую золотую медаль.

Чемпиону мира И. Куперману 36 лет. По образованию он горный инженер. В шашки играет с четырнадцатилетнего возраста. Звание мастера ему было присвоено в 1940 году. Он автор многих книг и исследований, внесших большой вклад в развитие советской шашечной школы. Четырежды Куперман выигрывал звание чемпиона страны по русским шашкам и трижды по стоклеточным.

Имя Купермана внесено в Золотую книгу чемпионов Международной шашечной федерации.

Советские шашисты приложат все усилия, чтобы корона мира надолго оставалась в нашей стране.

В. ГОРОДЕЦКИЙ,
мастер спорта.

ДВА КРУГА ПОЧЕТА

МОСКОВСКАЯ КОМАНДА «СПАРТАК» — ЧЕМПИОН И ОБЛАДАТЕЛЬ КУБКА СССР ПО ФУТБОЛУ

Н. КИСЕЛЕВ

Есть в футболе такое выражение: «сделать дубль», то есть выиграть в один сезон звание чемпиона и кубок страны. Какая из команд не мечтала добиться такого высшего успеха! Но только очень немногим удавалось претворить мечту в действительность.

В 1937 году дубль сделала московская команда «Динамо», затем два года подряд (случай чрезвычайно редкий в футбольной практике) дубль был выигран «Спартаком», а после войны это удалось сделать столичным армейцам (1948 и 1951 годы).

В нынешнем году сложилась такая ситуация, когда в последних двух матчах сезона «Спартак» мог повторить довоенный успех и мог... не получить ни хрустальной чаши, ни золотых медалей. Ему, по существу, нужно было провести два финала.

Розыгрыш кубка напоминает восхождение на крутую гору. Чем ближе к вершине, тем меньше остается таких тропинок, по которым можно пройти двоим: кто дрогнет в поединке, тот сбрасывается со счета. Так в первом же туре выбыли из борьбы три владельца кубка прежних лет: «Зенит», армейские футболисты и «Динамо» (Киев). До полуфинала дошли только столичные команды (кстати, все они уже владели почетным призом), и стало ясно, что хрустальная чаша вновь останется в Москве. Сначала встретились оба претендента на титул чемпиона: «Динамо» и «Спартак». Неожиданно ранняя зима осложнила действия футболистов. Матч принес победу «Спартаку» со счетом 2 : 1.

На другой день в еще более тяжелых условиях (непрерывно шел мокрый снег) автозаводцы заставили сойти с дороги прошлогоднего обладателя кубка — «Локомотив».

И вот скрестились две последние дорожки. Оставался лишь шаг до манящей высоты. Но кто сделает этот шаг: «Торпедо» или «Спартак»? Сто тысяч зрителей, заполнивших до отказа трибуны стадиона в Лужниках, увидели напряженную борьбу, в которой спортивное счастье отворачивалось сначала от автозаводцев, затем от спартаковцев. Девяносто минут истекли, а нули продолжали светиться на электрическом табло. Пришлось давать дополнительные полчаса игры.

Работники стадиона уже дали команду подготовить продажу билетов на повторную встречу, но удар Никиты Симоняна прервал эти хлопоты. Мяч от его ноги влетел в ворота «Торпедо».

«Спартаку» была вручена хрустальная чаша, на которой в шестой раз гравер начертал название команды. Победители совершили круг почета. На этом можно было бы поставить точку футбольного сезона. Однако «Спартаку» предстояло переиграть соревнование с киевскими динамовцами, которых они 15 августа уже обыграли. Сложилось так потому, что никто не контролировал судейский секундомер, а Всесоюзная футбольная секция, не разобравшись в сложившейся обстановке, взяла под сомнение решение судьи П. Гаврилова и, не имея на то оснований, решила переиграть матч. За чужие грехи пришлось расплачиваться футболистам. Так или иначе, 8 ноября соперники встретились вновь. Этот матч во многом оказался похожим на тот, который был отменен. То же агрессивное настроение обеих команд, тот же атакующий стиль, хорошие комбинации, тот же счет и даже почти тот же порядок забитых мячей. Только спартаковцы, как пошутил один из сидевших рядом со мною зрителей, во избежание новых осложнений забили решающий мяч не за несколько секунд, а за несколько минут до конца игры.

Выиграв со счетом 3 : 2, «Спартак» набрал 32 очка и в седьмой раз стал чемпионом СССР по футболу. Команда, приветствуемая зрителями, получила право совершить еще один круг почета.

Нынешний юбилейный сезон принес большой успех спартаковцам. Они вышли победителями во всех всесоюзных соревнованиях: выиграли звание чемпиона, кубок СССР, оказались лучшими в соревновании резервных составов, наконец, победили в чемпионате СССР для юношеских команд. Кроме того, «Спартак» стал первым обладателем приза имени Григория Федотова за наибольшее количество забитых мячей. Спартаковец Анатолий Ильин, забивший 19 голов, получит приз газеты «Труд».

На редкость бурно финишировавшие динамовцы Москвы (21 очко из 22 возможных во втором круге!) остались на втором месте, отстав от чемпиона лишь на 1 очко. Они получат юбилейный приз Всесоюзной футбольной секции за наибольшее число побед в чемпионате.

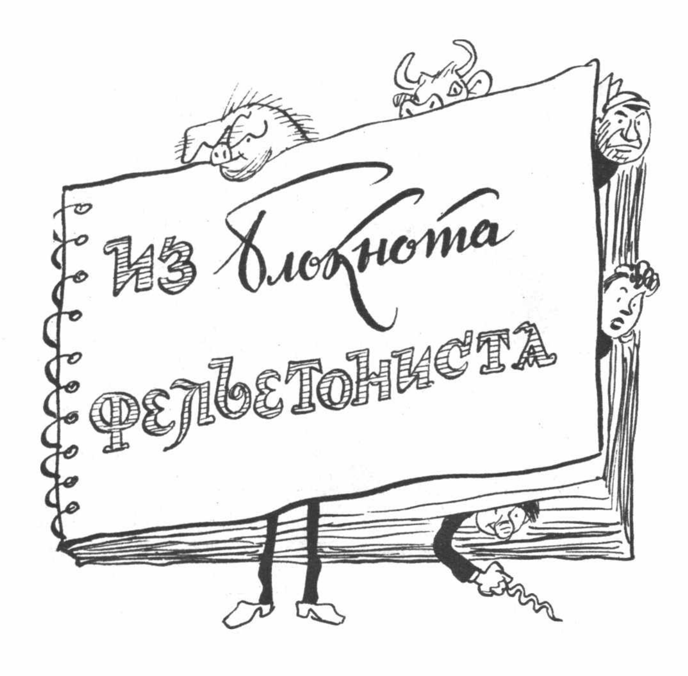
На третье призовое место вышли армейцы. «Зенит», впервые за все свои двадцать лет участия в розыгрыше первенства страны, поднялся на почетное четвертое место. Пятым был «Локомотив» (Москва).

Никита Симонян забивает в ворота «Торпедо» мяч, который решил судьбу кубка СССР.

Сергей Сальников (№ 10) забивает в ворота киевских динамовцев мяч, который решил судьбу золотых медалей.

Фото А. Бочинина.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Цитаты из напечатанного

«Новорожденные поросята моются и вытираются чистыми полотенцами».

Из статьи зоотехника.

«Зав. животноводством Киреев С. Е. плохо относится к своим обязанностям. Скот содержался в грязи, без подстилки, за что и привлечен к уголовной ответственности».

Из статьи прокурора.

«Горимость деревянных построек должна быть резко снижена».

Из статьи брандмайора.

Цитаты из ненапечатанного

«Мы обязаны сделать наши недостатки нашими достоинствами».

Из выступления кинорежиссера.

«Я прошла весь путь в искусстве своими локтями».

Из выступления эстрадной певицы.

«У нас и раньше было много книг о собаках. Но вот вышел «Арктур гончий пес». Крупный недостаток этой книги состоит в том, что автор не показал в теме о четвероногих человека».

Из выступления литературного критика.

Страшный человек

(Из заявлений в райком)

Машинистка Трошкина при отпечатывании моей статьи в стенгазету написала: «Восстание моряков на бронепоезде «Потемкин»,— когда нужно было написать: «...на броненосце «Потемкин». Вместо того чтобы наказать Трошкину, секретарь парткома Слюсаренко, к которому я обратился с письменным заявлением, сказал:

— Брось, Фискарев, придираться! Это же простая описка.

Нет, это не описка, а грубая фальсификация истории, за которую я прошу привлечь к строгому ответу не только машинистку Трошкину, но и ее беспринципного покровителя Слюсаренко.

К сему Фискарев.

Услышанные разговоры

Кабы

— Здравствуй, Сереженька! Что делаешь, маленький?

— А мы сидим с бабушкой и ждем, кабы гости не пришли.

Кругозор

— Кругозор у тебя, Петя, узкий, вот где беда.

— А у тебя?

— Сравнил! У меня и ширше и глыбже.

Может быть

В Доме журналиста меня познакомили с молодым самодовольным человеком.

— Глинка. Очеркист,— сказал он, рекомендуясь.

— Вы не в родственных ли отношениях с тем Глинкой?

— С каким?

— Михайлом Ивановичем.

— Может быть,— небрежно сказал молодой очеркист.— В нашей деревне все Глинки. Там полно и Михаилов и Ивановичей.

Касьян с Красивой Мечи

— Дед, а дед, а почему ваша речка зовется Красивая Мечь?

— А как же, милый. Уж она металась, сердечная, металась, все хотела слиться с Окою, а ее взяло и утянуло в Дон.

Опять палата № 6

(Заявление главному врачу санатория)

В связи с наступлением весны у нас под окнами каждое утро начинаются так называемые пения соловьев. Мы, жители палаты № 6, просим главного врача прекратить вышеназванное пение или перенести его на более поздний час, чтобы не мешать ночному сну майско-июньского контингента отдыхающих. В противном случае мы вынуждены будем обратиться с жалобой в вышестоящие инстанции.

Следуют две подписи.

Кстати о мещанах

Когда Суровцева назначили замзавотделом, товарищи по работе разыграли его:

— Хлеборезку получил?

— А зачем мне она?

— Ты лицо начальственное, тебе, наверное, положено.

— Ах, положено!

Суровцев тут же направился в АХО.

— Меня назначили замзавом.

— Поздравляем.

Суровцев вздохнул, помялся, наконец решился спросить:

— А как насчет хлеборезки?

— Какой хлеборезки?

— Я про ту, которая положена замзавам.

— А нам об этом ничего не известно.

— Так это что, розыгрыш!

И тогда разгневанный Суровцев сел и написал в редакцию письмо, которое начиналось словами: «В наш советский аппарат просочились мещане...»

В целях экономии

Вместо того чтобы заказать специальную надмогильную надпись, родственники прибили на крест покойного медную табличку с парадной двери: «Зубной врач И. Я. Конашевич. Прием с 9 до 4 ежедневно». Последнюю фразу экономные родственники пытались затереть, но безуспешно.

Несколько выдержек из писем в редакцию

«Я пользуюсь большим вниманием в медицинских кругах. Меня смотрели два врача и три фельдшера, и все признали невменяемым».

●

«Дорогая редакция, где же справедливость! Жену Баранова включили вчера в электросеть, а меня нет, хотя моему мужу это намного нужнее».

●

«Уж лучше я буду болеть грудной жалобой, чем за этот самый ихний «Зенит».

●

«Для ясности дела я постараюсь быть многословным...»

●

«И легким пожатием руки она ответила на мои слабые потуги».

СВОИМИ РУКАМИ

Эту книгу не найдешь на полках магазинов, не встретишь в читальных залах и библиотеках. Она издана тиражом 300 экземпляров и, как песчинка, затерялась среди миллионов книг, регулярно выпускаемых нашими издательствами. Тем не менее она существует, и сам факт появления этого небольшого сборника говорит о многом.

Книга «Уфимская весна», о которой идет речь,— это литературный альманах учащихся 39-й средней школы города Уфы. Они заполнили ее своими собственными произведениями: рассказами, стихами, рецензиями, литературными переводами. Они же сами выпустили ее в типографии.

Учащиеся 39-й уфимской школы уже второй год проходят производственную практику в цехах городской типографии «Октябрьский натиск». Ребята приобретают здесь навыки наборщиков, переплетчиков, стереотиперов, офсетчиков.

Мысль о создании альманаха родилась у школьников в дни подготовки к празднованию 40-летия Ленинского комсомола. Вначале эта идея показалась кое-кому дерзкой и неосуществимой. Однако предложение учащихся нашло горячую поддержку преподавателей школы и руководителей типографии.

И вот эта маленькая, любовно оформленная книжечка лежит перед нами. В свое время, приветствуя появление книги иркутских школьников «База курносых», Алексей Максимович Горький писал: «Разумеется, это — еще не литература, а только приближение к ней, и — приближение очень издалека». Примерно такую же оценку можно дать и альманаху «Уфимская весна». На восьмидесяти семи его страницах ребята делятся своими мыслями и наблюдениями над событиями, свидетелями которых им довелось быть, рассказывают о себе, своих друзьях, мечтают о будущем. Местами попадаются меткие, емкие строки, образы, свидетельствующие о несомненной одаренности авторов. Но немало и наивного. Это понятно: среди авторского коллектива альманаха есть поэты с двухклассным образованием, а самые «видные прозаики» еще не получили аттестата зрелости.

Однако не о художественных достоинствах и пробелах этих литературных проб хочется говорить. В самом факте появления альманаха уфимских школьников, как в капле воды, отразились грандиозные изменения, происшедшие в Башкирии в советское время.

Сейчас, ободренные успехом, учащиеся 39-й школы готовятся к изданию второго выпуска «Уфимской весны». Пожелаем им удачи в этом благородном труде.

Ст. ЕГОРОВ

Гр. Отрепьев

Варвара **КАРБОВСКАЯ**

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

В зрительный зал заводского клуба, по-утреннему тихий, светлый и гулкий, вошел человек с расстроенным лицом. Как раз в это время завклубом Федя Черемыкин таскал на сцену банки с хризантемами, устанавливая их с таким расчетом, чтобы сцена выглядела, как цветник. Он не посмотрел, кто вошел, подумал, что это кто-нибудь из комсомольского актива, и крикнул:

— Давай, друг, помоги мне вперепь на сцену кадку с пальмой!

— Чего? — испуганным голосом спросил вошедший.

Черемыкин оглянулся и, узнав члена завкома Крестовыдвиженского, огорченно вздохнул:

— Ох, это вы, Николай Матвеич! Ну, вам кадки таскать не под силу!

— А я и не собираюсь, — сказал Крестовыдвиженский. — И вообще бросай свои цветочки, а то такие ягодки получатся, что не возрадуешься! Тебе первому отвечать придется!

Он придерживался того мнения, что надо всегда пугать личной ответственностью.

— Интересно, за что?

— За что? — зловеще спросил Крестовыдвиженский. — А где у тебя доска почета? Ну?

— Доска у вас в завкоме.

— Доска — да, а фотографии?

— Послушайте, Николай Матвеич, что вы мне крутите голову? — рассердился Федя. — Я прекрасно знаю, что все фото были у предзавкома.

— Ну вот же ее записка! — воскликнул Николай Матвеич, тыча Феде в нос маленький клочок бумажки. — Она пишет, что положила их к тебе в стол. В последний момент.

— В какой последний момент?

— В какой, в какой! Перед родами. Она нас подвела! Думала, что у нее впереди еще целый месяц, сдала мне дела, но сама все наведывалась: то одно забыла сказать, то другое. А в результате оказалось, что она просчиталась на целый месяц и теперь рожает досрочно. Ей что! А мне из-за нее страдать, да? Поскольку я сейчас являюсь заместителем председателя, доска на моей душе. Завтра торжественное собрание, а если фотографии плохие, что мы будем делать?

— Фотографии хорошие,— успокоил Федя.— Их увеличивали давеча в лаблато... о, черт! В лабо-ратории. Возьмите их в моем столе, в комнате за сценой.

Николай Матвеич пошел за сцену, открыл ящик стола. В нем была куча фотографий: ансамбль песни и пляски — улыбки, юбки, ножки в сапожках; певица в длинном платье — контролер Конушкина из ОТК; механик с виолончелью; а вот и они, увеличенные портреты передовиков. А где подписи?

— Слушай, Черемыкин, я, пожалуй, сразу по фотографиям не узнаю, кто — кто.

— Как это так — не узнаете! — ядовито сказал Федя. — Завком должен всех знать.

— Так ведь я ж до сих пор был по быту.

— Тем более, — упрямо повторил Федя.— Быт у каждого есть. Значит, обязаны знать. Да вы не волнуйтесь, на обороте помечены все координаты. Позвоните чертежнице Маше Гавриловой, она сделает красивые подписи.

— Не надо мне никакой Маши! — отмахнулся Николай Матвеич.— Я сам подпишу не хуже ее.

Он возвратился в завком, достал из-за шкафа доску почета и разложил на ней фотографии. Их было двадцать три.

«Фотографы, нечего сказать, даже никого и не узнаешь! — размышлял Крестовыдвиженский. — Ну, вот это шлифовщица Надежда Кондратова, она недавно получила комнату в новом доме, а перед этим целый год донимала заявлениями, жаловалась на недостаток чуткости — как же ее не узнать! Это электрик Коновалов, чинил проводку в завкоме. Мастер Иванов, у него родной брат— замминистра. А это кто? А это? Хорошо, что есть надписи на обороте. И как неудобно, что двадцать три фотографии! Двадцать две, а еще лучше — двадцать, легли бы как раз в два ряда. А куда девать двадцать третью? Какой-то Гр. Отрепьев. Ни цеха, ни должности. Извольте ходить по заводу и узнавать, где работает передовик Отрепьев! Скажут, как Федя Черемыкин: завком не знает своих передовиков!»

Николай Матвеич звонит в клуб.

— Черемыкина позовите... Уехал за цветами? Счастливая жизнь! А кто это говорит? Кто? Скажи, пожалуйста, ты не знаешь, где у нас работает Отрепьев? Не знаешь? Ни черта вы не знаете, а еще активисты, комсомольцы! Что?! Русанова родила? Да что ты говоришь!..

Крестовыдвиженский звонит в гараж, выпрашивает машину и катит в родильный дом. Он захватил с собой фотографию Отрепьева. Пошлет записочку с поздравлением и приложит фото, чтоб она опознала и написала, кто это такой.

К нему выходит прелестное белое видение, не то врач, не то медицинская сестра.

— Я от завода, — говорит Крестовыдвиженский. — У вас лежит наш предзавкома. Как там, все благополучно? У меня большая просьба: передайте ей поздравление. И еще одно дело. Понимаете, необходимо, чтоб она, так сказать, опознала одного молодого человека. Вот его фотография.

Белое видение подозрительно смотрит на Крестовыдвиженского, переводит взгляд на снимок.

— Записку передать могу, но фотографию... Вы говорите, нужно опознать? Нет, этого нельзя ни в коем случае.

— Почему?

— Да потому, что роженицу не разрешается беспокоить. Откуда я знаю, кто этот молодой человек на снимке!

— Один наш товарищ, Отрепьев по фамилии! Вот вы на бородавки обратили внимание, это поверхностно, а у него, кроме этого, большие достижения, — начинает нервничать Николай Матвеич. — Дело очень важное. Во избежание неприятностей...

— Вот видите! Сами говорите: неприятности — и вдруг в родильный дом!

— Да это не какой-нибудь проходимец, а передовик! — убеждает Николай Матвеич.— Она его хорошо знает!

— Ни в коем случае! Только что здесь был ее муж, очень симпатичный, и ни о каких молодых людях речи не было. Когда Русанова выйдет из роддома, тогда, если понадобится, она сама разберется...

Крестовыдвиженский возвращается на завод. Опять звонит в клуб:

— Черемыкин? Наконец-то! Может быть, ты знаешь, кто Отрепьев? Как, как, токарь? В каком цехе? В инструментальном? Ну, есть, только это и надо было...

— Инструментальный? Как у вас там Григорий Отрепьев? Порядок, говорите? Что? Готовится петь завтра в концерте? Ну и правильно! Как вы сказали: Маринка с Гришкой не подкачают? Товарищ дорогой, пора бы бросать эти привычки: Гришка, Мишка, Маришка! Можно говорить покультурнее: Григорий, в крайнем случае Гриша Отрепьев. Вот так.

Он выводит каллиграфическим почерком «Григорий Отрепьев, токарь инструментального цеха». Пришлось поместить его одного, внизу, посредине.

— Николай Матвеич, ну, как у вас с доской?

Это Федя Черемыкин ворвался в завком.

— Директор звонил: висит доска или нет? Я сказал, вешаем.

— Ну и повесим, — твердо говорит Крестовыдвиженский. — И надо на самом видном месте, потому что это вот именно культурное отношение к человеку, к передовику производства. Цветы, конечно, очень хорошо, но главное не цветы, а люди.

— Да хватит вам читать прописи! — говорит Федя Черемыкин и хватает доску почета.

— Нет, ты все-таки сначала посмотри, — с достоинством говорит Николай Матвеич, — каждая подпись выверена неоднократно, я кое-как не делаю. Сколько хлопот было с одним Отрепьевым Григорием!

— Ну, вот и хорошо, молодец вы, Николай Матвеич! — хвалит Федя и вдруг ошалело смотрит на Крестовыдвиженского. — С кем, вы сказали, было много хлопот?

— С Гришей Отрепьевым. Вы же не потрудились проставить на обороте...

— Да что? Что у него на обороте ставить? Что он, самозванец, да?!

— Как? — меняясь в лице, спрашивает Николай Матвеич.

— Ей-богу, вы прямо не то с луны свалились, не то уж до того замшели, прошу прощения, что не разбираетесь в самых простых вещах! Гришкин дуэт с Мариной Мнишек у фонтана не знаете, да?

— Дуэт? Позвольте, так это... Так зачем же вы мне подсунули фотографии вашей, черт ее дери, самодеятельности? — вскрикивает Крестовыдвиженский, хватает перочинный ножик и начинает отковыривать фотографию. — Ведь вы же сами мне сказали: Отрепьев — токарь! Вы знаете, в какое положение вы могли меня поставить?

— Ага, в самое дурацкое, — соглашается Федя. — А вы бы сходили в цех, поговорили. Если кого не знаете, познакомились бы. Это лучше, чем притворяться, что всех знаете. А мы про наших участников самодеятельности всегда так говорим: Конушкина из ОТК поет Марину Мнишек, мы ее так и зовем Маринкой; вот этот самый токарь Володя Моргунов играет самозванца, значит, зовем Отрепьевым Гришкой. «Зайца во хмелю» читает...

— Ну вот что, — прерывает Федю Крестовыдвиженский, — ты, конечно, понимаешь, что я не от незнания: кому же не знаком Отрепьев этот самый? Сколько раз по радио передавали!..

Крестовыдвиженский остается один. Ему очень неприятно: «Работаешь, работаешь, а стоит ошибиться в какой-нибудь глупости — и вот уже подрыв авторитета!»

А в это время в клубе уже отхохотались по поводу «передовика Гр. Отрепьева», на стену повесили доску почета, и никто больше не вспоминал о случае с Крестовыдвиженским. Не до этого было: уж очень много дел перед вечером.

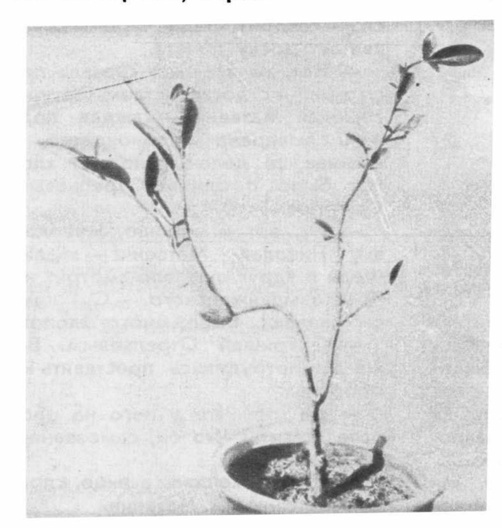
«Спящие почки»

Во внешнем облике поврежденного морозом деревца было что-то беспомощное, жалкое. На усыхающих ветках висели скорченные, побуревшие листья.

«Этот погибающий от мороза гибрид мандарина с апельсином нужно срубить: он не представляет никакой ценности,— думаю я.— Впрочем... почему зеленеет на нем вот эта маленькая веточка? А что, если эту веточку...»

Через несколько минут две крохотные почки с уцелевшей веточки были привиты на другое растение. Через год они развиваются в побеги-гиганты, совершенно непохожие на породившее почки материнское растение.

Взгляд на погибающие от мороза растения у нас изменился. Оказывается, что и в слабом, нестойком организме могут быть почки, а иногда отдельные участки тканей, более жизнеспособные и стойкие. Только увидеть, обнаружить их бывает не так легко. В этом отношении могут оказать существенную помощь различные природные факторы, в частности, как это ни странно, мороз.

Часть мандариновой ветки, приращенной к другому растению.

Гибрид мандарина с апельсином, выросший из привитой почки.

Перед нами другое обмороженное растение — на этот раз сеянец мандарина. Он поврежден весь — от земли до самой вершины, и только участок одной ветки в 12—15 сантиметров длиной оказался неповрежденным. Почек на нем незаметно, а стало быть, усложняется и спасение уцелевшей от мороза ветки. Еще до того момента, как обмороженный сеянец погибнет окончательно, нужно успеть прирастить эту ветку к другому растению. И мы прирастили. Прошлая зима была довольно суровой, и все же спасенная ветка перенесла ее хорошо. На ней оказались «спящие почки», ранее не замеченные нами. Весной они проросли и превратились в побеги.

Кроме описанных, у нас в Сочи имеется еще несколько растений, развившихся из уцелевших почек или частей веток на погибших от мороза гибридах. Все они растут хорошо, проявляя стойкость к капризам природы.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Сочи.

На марках—столицы союзных республик

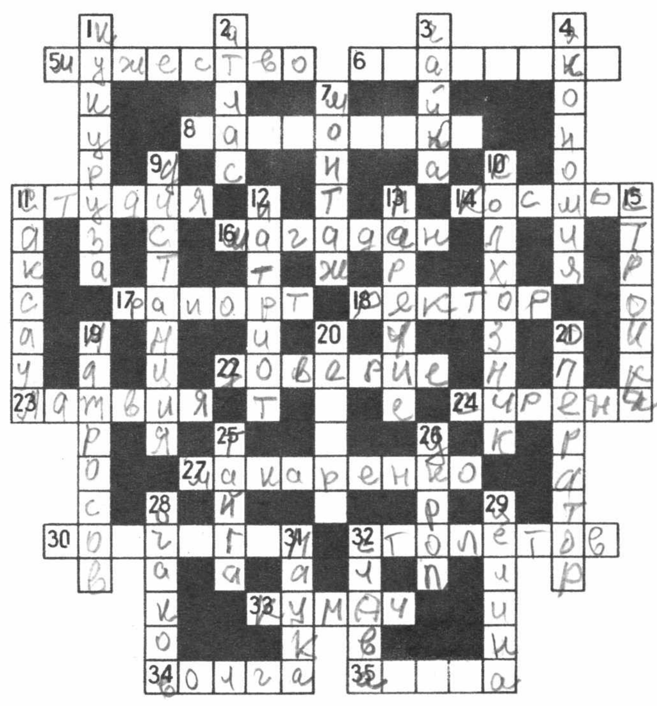

Не случайно ценятся у филателистов металлографские марки — миниатюрные образцы классической гравюры. Выпускали их не часто, поэтому событием для собирателей явится выпуск пятнадцати марок серии «Столицы союзных республик». Большинство рисунков этих марок принадлежит художникам С. А. Поманскому и М. Н. Лукьяновой.

Зеленые, голубые, оливковые, красно-коричневые марки изображают примечательные места в каждой столице: Красную площадь — в Москве, ворота Вирту — в Таллине, проспект имени В. И. Ленина — в Кишиневе, Университетскую площадь — во Фрунзе и так далее.

Г. ВЛАДИМИРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Роман В. Кетлинской. 6. Ваяние, скульптура. 8. Музыкальный инструмент. 11. Мастерская художника. 14. Вселенная. 16. Порт в бухте Нагаева. 17. Донесение, сообщение. 18. Руководитель высшего учебного заведения. 22. Уверенность в добросовестности, искренности. 23. Союзная республика. 24. Сигнальный прибор. 27. Советский педагог и писатель. 30. Популярный литературный герой. 32. Русский физик XIX века. 33. Ярко-красная ткань. 34. Самая большая река в Европе. 35. Вид ковыля, используемого для изготовления бумаги.

По вертикали:

1. Зерновая культура. 2. Сборник географических карт. 3. Эмблема Московского Художественного театра. 4. Бережливость. 7. Сборка и установка оборудования, конструкций. 9. Расстояние. 10. Член сельскохозяйственной артели. 11. Среднеазиатское дерево. 12. Человек, любящий родину. 13. Часть речи. 15. Возведение зданий, сооружений. 19. Комсомолец, Герой Советского Союза. 20. Наивысший успех. 21. Один из создателей фильма. 25. Хвойные леса. 26. Растение семейства зонтичных. 28. Исторический крейсер Черноморского флота. 29. Непаханые земли. 31. Система знаний. 32. Пьеса В. Гусева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

5. Вернисаж. 6. Распашка. 9. «Паровоз». 11. «Оазис». 12. Файер. 13. Диорит. 14. Грузия. 15. Дубна. 19. Анонс. 21. «Думка». 25. «Кларте». 28. «Дружба». 29. Быков. 30. Волхов. 32. «Хорошо!». 33. Недогонов. 34. «Славянка». 35. Киквидзе.

По вертикали:

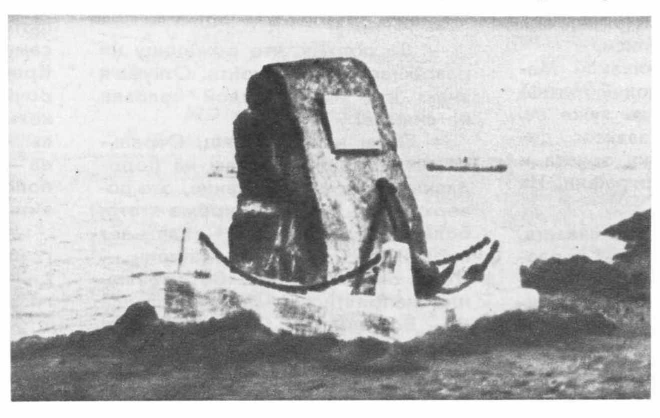
1. Дерзание. 2. Мамай. 3. Рабоб. 4. Академия. 7. Погреб. 8. Витрина. 10. Мазурка. 15. Дени. 16. Ашуг. 17. Крюкова. 18. Рыбаков. 20. Нитрон. 22. Карпов. 23. Баллада. 24. Ужгород. 26. «Высота». 27. Полоцк. 31. Веснин. 32. Хоккей.

— Наш новый управдом как две капли воды похож на предыдущего.

Рисунок К. Невлера.

Памятник норвежскому матросу

Известный советский полярный исследователь профессор В. Ю. Визе в своей книге «Моря советской Арктики» описывает плавание норвежской экспедиции Р. Амундсена в 1918 году на моторной шхуне «Мод». Шхуна дошла до северо-восточного побережья Таймыра и там зазимовала. В 1920 году Р. Амундсен поручил двум участникам экспедиции, Тессему и Кнутсему, доставить результаты научных наблюдений экспедиции на Большую землю. Они отправились пешком на остров Диксон, где находилась радиостанция. Впоследствии, когда Амундсен вернулся на материк, выяснилось, что Тессем с товарищем не дошли до цели. На розыски была послана норвежско-русская спасательная экспедиция, которая окончилась безрезультатно.

В 1922 году на берегу Карского моря, против острова Диксон, в глубокой расщелине был найден скелет человека. В кармане жилета лежали именные часы и другие вещи. Матрос Тессем, пройдя расстояние в 900 километров, не дошел до полярной станции всего 4 километра.

Советские полярники Диксона поставили на месте гибели Тессема памятник. Он был открыт 3 августа 1958 года.

П. СМИРНОВ

На вкладках этого номера две страницы репродукций картин японского художника Корина Огата, две страницы графических работ московских художников и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 09334. Подписано к печати 12/XI 1958 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1.400.000. Изд. № 1233. Заказ № 2592.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В Харькове на стадионе «Динамо» сооружается крупнейший в стране плавательный бассейн. На снимке: сварка арматуры днища бассейна.

Фото В. Тарасевича.

Цена номера 3 руб.